Анджей

ИКОННИКОВ-ГАЛИЦКИЙ

Блистательный и преступный

Хроники петербургских преступлений

АЗБУКА-КЛАССИКА
NON-FICTION

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга «Блистательный и преступный: Хроники петербургских преступлений» – это увлекательное и весьма поучительное повествование, посвященное криминальной жизни столицы Российской империи во второй половине XIX века. Автор книги – известный петербургский поэт, публицист, историк Анджей Иконников-Галицкий – не ограничивается рассказами о наиболее интересных и остросюжетных уголовных делах: убийствах, кражах, мошенничестве, дуэлях, фальшивомонетничестве и т. д. Из книги можно узнать о состоянии правоохранительной системы, судов, полиции, тюрем, особенностях правовых отношений той эпохи. Кроме того, читателю предлагаются своего рода экскурсии по местам преступлений, совершенных в разных районах города (Сенная площадь, Коломна, окрестности Обводного канала, Васильевский остров и др.). Издание адресовано широкому кругу читателей.

- Анджей Иконников-Галицкий
  -
  - Вместо предисловия. Револьвер в ридикюле
    -
    - Хороший градоначальник – мертвый градоначальник
    - Кровь министра просвещения
    - Возлюбившие диавола
  - Часть I
    - «На Литейной такое есть здание…»
    - «Городовой! Городовой!»
    - Явная и тайная жизнь петербургского обывателя
      -
      - Он обязательно состоит в каком-нибудь сословии
      - Он обязан молиться Богу
      - Он служит или мечтает о службе
      - Он не то чтобы жаден, но любит копейку
      - Он не прочь покутить – когда случатся денежки
      - Он всюду ходит с паспортом. Или без паспорта
      - Он не любит пришлых, но сам – человек пришлый
      - Он косится на изгоев, но сам нередко

становится изгоем
- Он – человек семейный. Или мечтающий быть таковым
- Общее состояние преступности в пореформенные десятилетия

- Часть II
  -
  - Золушка и фальшивомонетчики
  - Незабудки и самоубийцы
  - Романтическое убийство в отеле «Европа»
  - Любовь, брак… и преступление
  - Очаровательные мошенницы
  - Банковское воровство
  - Необыкновенные кражи
  - Знаменитые убийства
  - Невольники чести
  - У истоков организованной преступности
  - Обман, кругом обман
  - Байки полицейского участка
- Часть III
  -
  - Преступное сердце Петербурга
  - Вокруг Сенной площади, или Труп в сундуке
  - Дворяне в Мещанской…
  - В тихом омуте Коломны
  - Тюрьмы императорского Петербурга
  - Преступления в увеселительных местах
  - На петербургской стороне, или Утопленница
  - Рифы и мели Обводного канала
  - Бойтесь обывателя с Песков!
  - Опасные островитяне
  - Проспект терпимости
  - В двух шагах от Невского
- Post scriptum
  -
  - Преступник или жертва?
  - Другая жизнь
- Литература
- Фотографии

- notes
  - 1
  - 2

Анджей Иконников-Галицкий Блистательный и преступный. Хроники петербургских преступлений

© А. А. Иконников-Галицкий, 2007, 2025
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

Вместо предисловия. Револьвер в ридикюле

Петербург—Ленинград – город двойников и раздвоений. Блистательный и преступный. Поверхностное знакомство с этим городом заключается в разглядывании классических фасадов. Но они – всего лишь декорация, макияж. В свое время император Петр приказал деревянные дома Санкт-Питер-Бурха, возводимого под неусыпным его надзором, штукатурить и раскрашивать под камень. Так и повелось: снаружи косметика колонн, фронтонов, золоченых шпилей, а внутри, за и под – крошащийся кирпич, протечка в потолке и смутная матерщина вечно пьяного соседа за стенкой. «Все не то, чем кажется» – диагноз, поставленный Гоголем не одному только Невскому проспекту, но вообще городу. А что же на самом деле?

Почему бы нам не свернуть с парадного проспекта во двор? Посмотрим хоть краем глаза, что там. Содержание этой книги – беглый, почти экскурсионный взгляд в окна и подворотни девиантного, непритязательного Петербурга нескольких десятилетий его бытия – от отмены крепостного права до революции.

В одной из финальных сцен «Фауста», когда ангельские силы готовы ринуться в решительный бой с воинством князя тьмы, Мефистофель вдруг говорит подчиненным ему бесам, указывая вверх: «Не трогайте их, это ведь такие же черти, как вы, только переодетые». Петербургские ангелы, отражаясь вниз головами в обманчивой невской воде, легко обращаются в бесов. Впрочем, обратное тоже возможно.

Кстати, о революции. Вот это – типичный случай взаимного перерождения ангелов в бесов, героев в злодеев, соглядатаев в поднадзорных, преследователей в жертвы. Все мы знаем: революция – величайшее потрясение, пережитое городом и миром в XX столетии. Между тем демоны русской революции ворвались в промозглый сумрак петербургского октября в окружении крикливой, разнузданной, глумливой толпы мелких бесов и бесенят преступного мира.

Императорский Петербург равно притягивал к себе (и генерировал в себе) волны революционных движений и выбросы антиобщественной энергии криминала. Политическая столица Российской империи была одновременно столицей криминальной и главным полем деятельности революционных организаций. О том, что в самодержавно-капиталистической России (и прежде

всего в Петербурге) революция шла рука об руку с преступностью, свидетельствуют бесстрастные цифры полицейских отчетов. При их изучении становится очевидной закономерность: периоды наиболее активного роста преступности – середина 1860-х, конец 1870-х – начало 1880-х, 1900–1905, 1909–1913 годы – предшествуют всплескам революционной активности: «хождению в народ», народовольческому террору, революции 1905 года и, наконец, катастрофе Мировой войны, переросшей в Семнадцатый год. В этом смысле петербургская преступность эпохи капиталистической перестройки конца XIX – начала XX века есть явление всемирно-исторического значения, как и русская революция.

Недавно, читая материалы по истории криминала советской поры, я с изумлением узнал, что в 1960-х – первой половине 1970-х годов в Ленинграде фиксировалось в среднем всего около 50 убийств в год (не считая убийств по неосторожности, убийств, совершенных в пределах необходимой самообороны, при исполнении представителями власти служебных обязанностей и т. п.). С тех пор население города возросло примерно на 20 %, а число криминальных убийств увеличилось на порядок! Причем начало стремительного роста приходится не на годы распада СССР и «великой капиталистической революции», а на предшествующие им – конец 1970-х – начало 1980-х. Тут нельзя не усмотреть причинно-следственную связь. Поистине, в мрачной игре преступлений и наказаний – ключ к пониманию великих исторических переломов.

Вот – в качестве введения в тему – несколько кровавых криминальных историй из жизни блистательной имперской столицы. Посмотрим – увидим, каким странным образом трансформировалось отношение общества к нарушению простой и ясной заповеди «не убий».

Хороший градоначальник – мертвый градоначальник

Итак, место действия – здание градоначальства, дом № 2 по Гороховой улице, что на углу Адмиралтейского проспекта. Время действия – середина дня 24 января (6 февраля н. ст.) 1878 года. Градоначальник Петербурга генерал-адъютант Ф. Ф. Трепов собирался начать обычный прием просителей. В приемной дожидалось несколько десятков человек, преимущественно бедно одетых: градоначальник славился своей демократичностью и доступностью, на прием к нему мог прийти всякий петербуржец. По заведенному порядку его высокопревосходительство вышел из кабинета и стал обходить просителей, расспрашивая о сути их дел и принимая письменные прошения. В самом темном углу приемной, возле дубового книжного шкафа, дожидалась своей очереди молодая, скромно-приличного вида женщина с невзрачным продолговатым бледным лицом и серыми невыразительными глазами. В руках ее была зажата бумага с прошением, на локте висела маленькая дамская сумочка-ридикюль. Генерал-адъютант неторопливо подошел, поздоровался, принял из ее рук бумагу, начал читать – и в этот момент просительница достала из ридикюля револьвер и выстрелила. Раненный в правый бок, Трепов упал.

В приемной поднялась страшная суматоха. Только через несколько минут, среди шума и криков, кто-то из полицейских догадался схватить стрелявшую; впрочем, она не пыталась скрыться. Трепова подняли, унесли. В сумятице никто не запомнил – один был выстрел или несколько; не озаботились выяснением этого обстоятельства и производившие дознание чины. К вечеру врачи установили, что градоначальник ранен одною пулей в печень, что рана опасна, но не смертельна. Задержанная преступница была препровождена в Дом предварительного заключения (на Захарьевской улице). На первых допросах она молчала, категорически отказывалась назвать себя. Лишь некоторое время спустя удалось установить ее личность: Вера Ивановна Засулич, 1851 года рождения.

Главная загадка, пред коей оказалось следствие, – мотивы преступления. Установить какую-либо связь между обвиняемой и потерпевшим не удавалось. А ведь от определения мотивов зависели квалификация и подведомственность дела. Если это государственное преступление, то рассматривать его должно Особое присутствие Сената; если покушение на убийство по

личным мотивам – то окружной суд с участием присяжных. Решать вопрос предстояло самому министру юстиции графу К. И. Палену. Граф не любил скандалов и побаивался политики. Он решил: Засулич действовала по личным мотивам. Дело было квалифицировано как уголовное и передано в окружной суд.

В ходе предварительного следствия Засулич разговорилась. И выдвинула версию, объяснявшую бессмысленный на первый взгляд поступок. (Впрочем, кому принадлежит авторство – ей или либерально настроенным следователям, ищущим популярности в обществе, – установить не представляется возможным.) Якобы она хотела отомстить Трепову за то, что по его приказу был подвергнут телесному наказанию политический заключенный Боголюбов. Вообще-то странно: после того инцидента прошло немало времени, успела отгреметь и закончиться Русско-турецкая война (Плевна, Карс, Шипка-Шейново…); Засулич не была знакома с Боголюбовым, да и проживала в это время вдали от Петербурга, в Пензе. Тем не менее версия «благородной мести царскому сатрапу» легла в основу обвинительного заключения.

И не случайно. Только таким образом можно было совершить финт: превратить обвиняемую в героиню, а потерпевшего – в обвиняемого. А в этом были заинтересованы многие лица в Петербурге. Слишком необычным, слишком деятельным и популярным администратором был генерал-адъютант Трепов.

В России так: хороший градоначальник – мертвый градоначальник.

Прискорбный эпизод с розгосечением произошел 13 июля 1877 года. Трепов в скверном расположении духа проходил двором Дома предварительного заключения и встретил совершавших прогулку арестантов. Трепову показалось, что политический заключенный Боголюбов (это революционный псевдоним, настоящая фамилия, как впоследствии выяснилось, Емельянов) без должного уважения поклонился градоначальнику. И Боголюбов был высечен розгами. Расправа возмутила заключенных, спровоцировав в тюрьме нечто вроде бунта. Факты эти попали в газеты, стали известны в городе, взбудоражили общественное мнение.

Законно или противозаконно было распоряжение Трепова – сложный вопрос. Телесные наказания законом допускались в отношении ссыльнокаторжных за правонарушения, совершенные в местах отбывания наказания. Боголюбов-Емельянов был уже осужден на каторгу, но до этапа находился в Доме предварительного заключения. В общем, казуистика. Она, впрочем, мало кого интересовала. Важно было другое: осужден Боголюбов был по политической статье, за участие (вместе с

Плехановым) в знаменитой антиправительственной демонстрации у Казанского собора 6 декабря 1876 года. Интеллигенция в те времена относилась к власти столь же враждебно, как и в памятные нам «застойные» годы. Трепов был провозглашен злодеем, Боголюбов – страдальцем за правое дело. (О нем, правда, скоро забыли. Через несколько лет, в ссылке, он сошел с ума и умер в тюремной палате для душевнобольных.) Все великосветские и чиновные враги Трепова возликовали. Появилась надежда избавиться от него. Для реализации Надежды, как известно, необходима Вера. И она явилась.

Вера Засулич как нельзя лучше подходила на роль Немезиды. Она уже раз сидела в тюрьме по политическому обвинению. Семнадцатилетней девушкой, только-только выйдя из пансиона, на какой-то молодежной сходке она познакомилась с пламенным апостолом революционного террора Сергеем Нечаевым; года полтора выполняла его секретные поручения. Потом Нечаева арестовали; на всю Россию прогремело знаменитое «нечаевское дело»; около тридцати человек были осуждены за участие в антиправительственной организации и за убийство своего товарища студента Ивана Иванова. Восемнадцатилетняя Засулич тоже была арестована, два года просидела в Доме предварительного заключения; освобождена от суда за недоказанностью вины, но выслана из Петербурга в административном порядке. Семь лет мыкалась по ссылкам; естественно, семьи не завела и все теснее сближалась с кругами революционной молодежи. А эти круги тем временем строились в боевые порядки: в 1876 году образовалась подпольная «Земля и воля», среди участников которой наиболее активную группу составляли последователи Нечаева. Идея убийства как способа достижения всеобщего счастья стремительно овладевала умами.

О подобных умонастроениях неплохо были осведомлены те, кому следует: жандармерия и «охранка». Начальники корпуса жандармов – граф П. А. Шувалов и сменивший его А. Л. Потапов ненавидели Трепова. Как, впрочем, и министр внутренних дел А. Е. Тимашев, и высшее руководство полиции. У них были свои люди в охранном отделении. Не исключено, что идея вложить оружие возмездия в руки какой-нибудь экзальтированной революционерки родилась в кругу этих высокопоставленных «защитников обездоленных». Кандидатура должна была вызывать сочувствие у «общественности», подогревая тем самым чувство отвращения к «сатрапу». Стареющая в революционной борьбе девица Засулич отвечала всем требованиям. Даже сербская фамилия вызывала романтические воспоминания о борьбе братьев-славян против тирании султана.

Дело было расследовано быстро, суд состоялся уже 31 марта. Петербург гудел; вокруг здания судебных установлений (Литейный пр., 4) с ночи стала собираться толпа; в зал заседаний попасть было невозможно, все места были расхватаны заранее, а пускали туда (как в театр по контрамаркам) по запискам от председателя суда А. Ф. Кони. В толпе оживленно обсуждали новость: подсудимую будет защищать малоизвестный адвокат П. А. Александров. Сетовали: засудят, расправятся. Кляли Трепова, злорадствовали по поводу его отсутствия в суде: градоначальник еще не вполне оправился от раны и лежал дома. В воздухе незримо витала тень Шарлотты Корде, восходящей на гильотину. В вынесении обвинительного вердикта никто сомневаться не мог – ни люди в толпе, ни министр юстиции Пален, ни Кони, ни адвокат Александров. Факт совершения преступления подсудимой был очевиден.

Слушания длились не очень долго. Александров произнес трепетную речь, смысл которой – прямо как в фильме «Берегись автомобиля» – сводился к одному: подсудимая виновна, но она невиновна. А виновен Некто (высказываться впрямую о Трепове как о представителе верховной власти было запрещено), по чьему распоряжению «над политическим осужденным арестантом было совершено позорное сечение». Александров говорил: «С чувством глубокого, непримиримого оскорбления за нравственное достоинство человека отнеслась Засулич к известию о позорном наказании Боголюбова»; «…и вдруг внезапная мысль, как молния сверкнувшая в уме Засулич: „О, я сама! Затихло, замолкло все о Боголюбове, нужен крик. В моей груди достанет воздуха издать этот крик, я издам его и заставлю его услышать!“». Словом, тут уж никак нельзя было не пойти и не выстрелить Трепову в печень. Просто подло было бы не выстрелить.

Кони в напутствии присяжным просил их быть снисходительными к подсудимой. Присяжные удалились на совещание. Совещались недолго. Вышли. Старейшина огласил вердикт: по всем пунктам обвинения невиновна. По распоряжению Кони (в точном соответствии с законом) Засулич была тут же освобождена из-под стражи. На улицу ее вынесли на руках. Что творилось на Литейном, Сергиевской и Захарьевской улицах – того не передать словами. Такого ликования в Петербурге не было, пожалуй, с 11 марта 1801 года, с убийства императора Павла. Полиция и власти растерялись совершенно. Правда, прокурор немедленно направил кассационную жалобу в Сенат; уже к вечеру того же дня поступило распоряжение: в связи с повторным рассмотрением дела снова взять Засулич под стражу… Какое там! Отыскать ее в городе было невозможно, да и

небезопасно – все равно что отобрать Жанну д'Арк у жителей освобожденного Орлеана. Около полутора лет Засулич успешно скрывалась на конспиративных квартирах по всей России, потом беспрепятственно выехала за границу. Дальнейшая судьба известна: дружба с Плехановым, переход в марксизм, работа в редакции газеты «Искра», II съезд РСДРП, меньшевизм, смерть в «великом и страшном» 1919 году у разбитого корыта революционного идеализма.

О других участниках процесса. Александров уже вечером 31 марта «заснул знаменитым» (если вообще спал в ту ночь). Пален подал в отставку. Вслед за ним ушел и Тимашев. Кони дотянул до конца свой судейский срок и на несколько лет отошел от дел. Самое интересное, что и для Трепова исход суда означал конец карьеры: вскоре по выздоровлении он имел у государя аудиенцию, после которой подал в отставку. С живой, многотрудной работы градоначальника был переведен на почетную, но никчемную должность в жандармерию. Его преемником стал малозначительный генерал-майор Зуров.

Дело Засулич было столь громким, что неуслышанными оказались победные фанфары: подписание триумфального Сан-Стефанского мира с Турцией осталось как бы не замеченным русским «образованным обществом». Но куда важнее последствия другого рода.

Отныне убийство в России становится вполне приемлемым способом решения «проклятых вопросов», а антиобщественные, уголовные, аморальные начала – доминантами общественного развития. До процесса Засулич Россия не знала терроризма как фактора общественной жизни (единственное покушение Дмитрия Каракозова на Александра II в 1866 году вызвало ужас в обществе как событие неслыханное). Не прошло и пяти месяцев после оправдания Засулич – и среди бела дня в центре столицы был убит недавно назначенный шеф жандармов генерал Н. В. Мезенцов. Убийца в форме гвардейского офицера подошел к сановнику, достал нож, зарезал – и преспокойно скрылся. А вскоре объявился в Лондоне, выступал в эмигрантской русской печати под псевдонимом Степняк (С. М. Кравчинский), 2 апреля 1879 года другой асассин, А. К. Соловьев, подкараулил на Певческом мосту возле Зимнего дворца самого государя императора Александра Николаевича, разрядил в него револьвер, с пяти шагов шесть раз промахнулся, был арестован, судим, казнен. Засим последовал страшный взрыв на железной дороге, уничтоживший поезд царской свиты; засим – 5 февраля 1880 года – еще более страшный взрыв в Зимнем дворце. Император уцелел случайно.

«Верхи не могли» более жить по-старому, и вот затравленный террористами, лишенный покоя в собственном доме Александр II возводит на вершину власти «бархатного диктатора» М. Т. Лорис-Меликова. Тот провозглашает «диктатуру сердца», политику борьбы с разрушительным нигилизмом, разрастающимся снизу, путем осуществления либеральных реформ сверху – и через несколько дней сам едва не становится жертвой террориста.

20 февраля того же года министр внутренних дел, шеф жандармов и председатель Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка граф Лорис-Меликов спустился по парадной лестнице арендуемого им особняка на Большой Морской, вышел на крыльцо, остановился в ожидании экипажа… В этот момент к нему бросился давно прогуливавшийся поблизости молодой человек, выхватил револьвер из кармана студенческой шинели, с трех шагов выстрелил… Промахнулся: пуля лишь порвала шубу и сюртук министра. Старый воин Лорис-Меликов не растерялся, выбил оружие, схватил нападавшего за ворот, несколькими ударами сбил его с ног, прижал к ступеням крыльца. Тут (что и говорить, вовремя!) подбежала охрана, покушавшегося связали, доставили в полицию. О нем удалось выяснить немногое: фамилия Млодецкий, убеждения – революционные; действовал ли он по заданию «Народной воли» или был фанатиком-одиночкой – так до конца и не узнали. Уже на следующий день военный суд приговорил его к смерти, и 22 февраля Млодецкий был казнен через повешение на Семеновском плацу, почти что на месте нынешнего ТЮЗа.

Не помогло. 1 марта 1881 года совершилось цареубийство: два взрыва на набережной Екатерининского канала смертельно ранили царя-освободителя Александра II и его убийцу; первый скончался во дворце через несколько часов от страшных ран и огромной кровопотери; голову второго в полицейском морге отделили от туловища, заспиртовали в банке и возили по городу для опознания; только так выяснили имя: Игнатий Гриневицкий, бывший студент, агент-исполнитель «Народной воли».

Одна шестая часть обитаемого мира понеслась в бездну.

Кровь министра просвещения

Связь между революцией и криминалом неминуема и обоюдна. Преступный мир заинтересован в революции, ибо слом общественно-политического строя дает ему возможность вырваться из-под пресса устойчивых социальных институтов и государственных структур. Революция заинтересована в преступном мире: в его разрушительном, негативном менталитете, в его системе ценностей, отрицающей устои общества, наконец, в его «живой силе», в той массе мелких и средних правонарушителей, которые, как показывает опыт всех стран, прошедших через горнило социальных смут, являются активнейшими участниками революционных беспорядков. В советское время, как, впрочем, и в дореволюционное, принято было отделять террористов – «идейных» убийц от уголовников – «корыстных» убийц. Эти вторые считались злодеями и преступниками; первых же общество страшилось, но не осуждало. Народные избранники в Думе дважды – в 1906 и 1907 годах – отказались вынести резолюцию, осуждающую политические убийства, – и, по существу, узаконили их. На самом деле, в кровавых трудах «Народной воли» или боевой организации эсеров так же невозможно найти черту, отделяющую их от обыкновенного криминала, как и в грабежах банков, осуществляемых большевистскими боевиками, а иногда – бандитами под видом большевиков. В «Белой гвардии» Булгакова классически явлена сцена «революционной экспроприации» на квартире господина Лисовича, оказывающейся на поверку обыкновенным уголовным грабежом. Так же и некоторые революционные теракты слишком уж смахивают на обыкновенные уголовные убийства, а мотивы поведения «борцов революции» очень похожи на те, что движут убийцами на почве ревности, корысти, уязвленного самолюбия, психической неуравновешенности или геростратовского тщеславия.

Если идти по улице Зодчего Росси (бывшей Театральной) к площади Ломоносова (так называемой «Ватрушке»), то справа откроется выгнутый дугой классический фасад с полуколоннами. В этом здании до революции располагалось Министерство народного просвещения. В этом здании, принадлежащем столь мирному ведомству, 14 февраля 1901 года прогремел выстрел. В министра Н. П. Боголепова стрелял некто, записавшийся к нему на прием как Петр Карпович, мещанин, бывший студент Московского и Юрьевского (Дерптского, ныне Тартуского) университетов. Ох уж эти мещане, бывшие студенты! Очевидец

описывает его так: молодой человек «среднего роста, брюнет с бородой… Физиономия не из приятных… Одет в черный потертый сюртук… Его движения после совершения преступления сделались нервными, резкими, неуверенными». Не слишком симпатичный персонаж.

Как и в деле Засулич, никто не мог ответить на вопрос – за что. Вначале думали, что тут имеют место личные счеты. Министр Боголепов не был влиятельной политической фигурой и даже к бунтующим студентам, оправдывая свою фамилию, относился довольно мягко. По городу пробежал было слух о покушении на почве ревности: то ли Боголепов совратил невесту Карповича, а может, Карпович совратил невесту Боголепова… Однако скоро узнали: Карпович дважды был исключен из университета за участие в политических студенческих беспорядках. То есть революционер. И выстрел его – революционный акт. Эмигрантский историк Сергей Ольденбург писал об этом выстреле: «Он знаменовал переход к новой тактике революционных кругов. Жертвою ее стал министр, никакой личной неприязни никому не внушавший: выстрел был направлен против императорского правительства как такового». Уточним: против нормального человеческого общества как такового.

Пальба в приемной министра произвела переполох, но преступника все-таки схватили. Оперативно работавшие репортеры самой динамичной петербургской газеты, суворинского «Нового времени», уже к вечеру, по горячим следам, составили заметку о происшествии. Позволим себе обширную цитату из нее – она передает еще не остывшие впечатления очевидцев. «В числе находившихся в зале был некий Карпович, желавший лично подать министру прошение о приеме в Юрьевский университет. Он был допущен к приему, так как Боголепов в приеме и личных объяснениях не отказывал. Остановившись около одного из книжных шкафов, злоумышленник облокотился на выступ книжного шкафа. Министр, выйдя из своего кабинета, стал обходить просителей. Когда он приблизился к одному из провинциальных городских голов (черниговскому), стоявшему рядом с преступником, последний быстро вынул пятиствольный револьвер и, не снимая локтя правой руки с выступа, направил дуло револьвера в грудь министра. Произошел выстрел. Боголепов, бывший в двух шагах от злоумышленника, упал… К министру подбежали присутствующие в зале… По телефону тотчас вызвали профессора Н. В. Склифосовского и хирурга Н. И. Зворыкина, и ими была сделана перевязка. Министр народного просвещения оказался раненным в шею. По-видимому, рука преступника

дрогнула, и выстрел, направленный в грудь, попал в правую сторону шеи… Причины покушения, по-видимому, не исходят из личной мести, а есть результат извне навеянного фанатизма».

Обратим внимание на три обстоятельства.

Первое: министр, «никакой личной неприязни никому не внушавший», скончался, промучившись две недели, 2 марта (15 марта по н. ст.). В древнеримском календаре это – мартовские иды. День, в который приносили жертвы богу-разрушителю, кровавому Марсу, день, в который перед богами предстали Юлий Цезарь и Александр II. Служитель Минервы принесен в жертву Марсу рукой безбожника-социалиста. «Кровь его на вас, революционерах, и на детях ваших».

Второе: убийца почему-то был судим не военным, а общегражданским судом, не имевшим права выносить смертные приговоры; по уголовной статье он был отправлен на каторгу, откуда вскоре благополучно бежал.

И третье: сценарий преступления как две капли воды похож на покушение Засулич. Воспользоваться добросовестностью трудяги-министра, который никому «в приеме и личных объяснениях не отказывал», и пальнуть. И ведь интересно: за двадцать лет террора никто не позаботился, чтобы в приемных высших должностных лиц государства хотя бы досматривали посетителей на предмет вооруженности. Жертва не делает выводов из пережитого, выводы делает охотник.

Заметка в «Новом времени» не была опубликована: запретил министр внутренних дел Д. С. Сипягин. Сипягин носил придворное звание егермейстера, что, вообще-то, значит: «начальник царской охоты», «государев ловчий». Этот-то «ловчий» и стал следующей жертвой эпидемии политических убийств.

2 апреля 1902 года Сипягин находился на заседании Государственного совета в Мариинском дворце. Внезапно был вызван вниз, в переднюю: кто-то из лакеев передал, что министра дожидается гвардейский офицер; что он якобы адъютант московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, что он только-только примчался из Москвы и привез Сипягину срочный пакет от великого князя. Сипягин спустился вниз, в пустую переднюю. Оттуда послышались выстрелы.

Свидетель происшествия князь М. И. Хилков потом рассказывал, что когда он одним из первых выбежал на выстрелы в переднюю, то увидел Сипягина, лежащего в крови на полу, и убийцу, спокойно и уверенно, как будто в ожидании чего-то, стоящего в нескольких шагах от него. «Будь у него несколько револьверов, он всех бы нас перестрелял», – содрогался Хилков.

Еще бы: никакой охраны в передней высшего органа государственной власти не было.

Любопытно, что, по свидетельству А. С. Суворина, другой высший сановник империи, хитроумный либерал, министр финансов С. Ю. Витте проливал слезу: мол, Сипягин такой прекрасный и благородный человек, а как министр был негибок, «действовал неразумно», «стоял на своем и ничего не слушал», и вот результат. То есть виноват убитый, что слишком твердо исполнял свои обязанности по охране правопорядка. А ведь достаточно было соблюдать элементарные правила безопасности и охраны высших должностных лиц и высших государственных органов – и блистательное по простоте замысла и исполнения убийство не могло бы состояться. У террориста (им оказался эсеровский боевик Балмашов) даже не спросили документов при входе в Мариинский дворец. Почему государственная охрана в России, основанная еще в 1866 году, так и не была налажена до самой революции? Объяснение одно: не считали нужным. Убьют, взорвут, застрелят – что делать, судьба. Психология жертвы. Предреволюционное российское общество как-то все больше смирялось с убийством и всяческим преступлением и даже привязалось к нему, как, бывает, жертва насилия с собачьей благодарностью привязывается к насильнику.

Разумеется, охота продолжалась и далее. О ее перипетиях не распространяемся – они общеизвестны. 4 февраля 1905 года бомба, брошенная эсером Каляевым, разорвала великого князя Сергея Александровича, того самого, чьим именем, как заклинанием, Балмашов вызвал из недр Мариинского дворца жертву – Сипягина. Не где-нибудь в закоулке грохнули, а посреди Кремля, символа российской государственности. Не кого-нибудь, а сына убиенного Александра II, стало быть, дядю царствующего государя. С этого дня преступления на идейной почве исчисляются сотнями. Революционный криминал стал повседневным явлением. Не за горами было то время, когда и сам царствующий государь должен будет сыграть роль жертвы.

В чем причина этого странного бессилия великой державы, властей и воинства ея против демонов революции, сопровождаемых бесами криминала? Откуда это гипнотическое состояние общества – кролик перед удавом, «приятно и страшно вместе» – перед лицом злодейства?

Вот еще любопытный сюжет – из области чистой уголовщины, без сусально-революционной позолоты.

Возлюбившие диавола

Дело об убийстве девицы Назаренко мещанином Ивановым, рассматриваемое Петербургским окружным судом в 1891 году, было простым и ясным. Молодой, довольно-таки беспутный человечек, обладатель неприметной фамилии и столь же неприметной внешности, Иванов зарезал свою невесту Настасью Назаренко на почве ревности к ее бывшему сожителю. Убийство было совершено при свидетелях. Подсудимый, арестованный на месте преступления, полностью признал свою вину. Осуждение его по статье за умышленное убийство грозило наказанием до 20 лет каторги. Защита доказывала, что преступление было «совершено в состоянии запальчивости и раздражения, повлекших невозможность управлять своими действиями». Такая формулировка давала возможность снизить срок наказания до нескольких месяцев тюрьмы. В итоге суд признал Иванова виновным в «умышленном убийстве без заранее обдуманного намерения» и «припаял» шесть лет каторжных работ. Наказание не чрезмерное, спасибо защитнику.

Как раз защитник, присяжный поверенный С. А. Андреевский, в начале своей речи сказал об этом сереньком бытовом преступлении: «Мы встречаемся с событием, достойным изучения». Воистину так. Изучения достойны два аспекта: социально-психологический облик убийцы, а также смысл защитительного пафоса Андреевского.

Прежде всего интересна эта мещанская среда. Мещане составляли в те годы от четверти до трети населения Петербурга (это по документам; мещанский же образ жизни разделяли многие представители других сословий) – а что мы знаем об их материальной и духовной жизни? Их мир не изучен, но почти тождественный мир послереволюционного ленинградского мещанства гениально описан Зощенко. И вот при изучении обстоятельств данного убийства мы сразу попадаем в «зощенковский» сюжет.

Вот что сообщает (не без романтического волнения) Андреевский об обстоятельствах знакомства будущих убийцы и жертвы: «Увидев ее в дилижансе в первый раз в жизни, Иванов мгновенно полюбил ее и даже тут же сделал ей предложение». У Зощенко в рассказе «Свадебное происшествие»: «Сидит он в трамвае и вдруг видит, перед ним этакая барышня вырисовывается. Такая ничего себе барышня, аккуратненькая… И так у них все это быстро и без затрат обернулось, что через два дня Володька Завитушкин и предложение ей сделал».

Зощенковский рассказчик констатирует: поторопился Володька. Присяжный поверенный Андреевский, знаменитейший российский судебный оратор, властитель дум и душ «почтеннейшей публики», воспаряет в иные сферы: «Скажут, пожалуй, что, увидев женщину всего один раз, можно разве только влюбиться в нее, но нельзя полюбить. Но вся история поэзии говорит нам противное… Данте, Ромео, Фауст. Все они имели глубочайшие привязанности, возгоревшиеся в первые секунды встречи». У Зощенко: «Но поскольку им негде было встречаться, то они, буквально как Ромео и Джульетта, стали встречаться на улице или в кино…» Воистину, история поэзии «говорит нам противное».

Но между влюбленным мещанином и его счастьем стали громоздиться препятствия. Барышня, в облике которой взор Иванова, по словам адвоката, «встретил мгновенный приговор» (NB: тут судебный оратор заговорил стихами, прямо как романс запел: «Есть лица женские, в которых взор мужчины // Встречает для души мгновенный приговор»), эта «миловидная мещаночка», находясь в услужении в богатом доме, сошлась с буфетчиком («А как не полюбить буфетчика Петрушу?»), родила от него ребеночка, коего безболезненно отдала в воспитательный дом. А в остальном – жила честно, благородно. Опускаем подробности душевных метаний «бурной личности Иванова». Его предложение было принято на третий день знакомства. Но червь сомнения! На седьмой день «самая честная из заводских девушек, Катя, подтвердила связь Насти с буфетчиком; еще одна кумушка уверяла Иванова, что и после знакомства с ним к Насте ходил буфетчик и даже, вероятно, был в эту ночь». И далее (снова высокий штиль): «Вот к какой женщине направлялся Иванов со своим переполненным горечью сердцем, вот к кому входил с надеждой на душевное исцеление, как входят верующие во храм со своим горем». (Между прочим, «переполненное горечью сердце» Иванов ходил лечить не только «в храм» своей невесты. «У него была довольно постоянная связь с известной нам ключницей… и еще с какой-то прачкой…» Из этого защитник делает вывод: «Любовь была для этого человека чем-то величайшим на свете».) Финал: «На искаженном лице Иванова Настя вдруг прочитала свою гибель. Она с ужасом закричала: „Уходите!“ Иванов спросил в последний раз: „Ты меня гонишь?!“ (нож был уже у него в руке, вот только когда этот нож, как змей, проскользнул в его руку). – „Да, убирайтесь вон!“ – „Умри же, несчастная!..“».

Между прочим, последнее восклицание убийцы – подлинное, его слышали свидетели. Молодец Андреевский: он глубоко

вжился в сюжет мещанской драмы, настолько вжился, что сам стал говорить заимствованным из бульварных романов языком своих персонажей. Перед нами очень интересная драма: квазишекспировский сюжет, разыгранный мелкими людишками в обывательском клоповнике на Пороховых. «Умри же, несчастная!» – изумительно звучит в устах бывшего штабного писаря, выгнанного со службы за пьянство, зарабатывающего слесарной работой на заводе, пишущего свои показания «очень литературно, без всяких поправок и малейших ошибок – даже в знаках препинания».

Очень интересный тип этот Иванов. Тогда, в 1891 году, ему было 27 лет. В 1917-м, стало быть, исполнилось 53. Если, конечно, он не умер на этапе, не был зарезан на каторге, не спился на поселении. Так или иначе, в революционных событиях он по возрасту и состоянию здоровья вряд ли мог принять активное участие, даже если дожил до них. Но именно такие, как он, только помоложе, и были главной движущей силой февраля Семнадцатого. Помнится, Ленин, едва приехав в революционный Петроград, по горячим следам охарактеризовал эту революцию как «пролетарскую по своим движущим силам и буржуазно-демократическую по своим задачам». Ее главный участник – некто средний между рабочим и «буржуем»: пролетарий из обывателей, то есть деклассированный мещанин. То есть Иванов. То есть штабной писарь, из простых, но с запросами, читатель романов и прокламаций, неустроенный материально и в личном плане; в то же время большой знаток того, как должно быть и чего быть не должно. То, чего быть не должно, – нужно изничтожить: свергнуть, сжечь, разрушить, расстрелять. На худой конец – зарезать. Он же еще и моралист (цитируем нравоучение из показаний подсудимого Иванова): «Достойны также порицания пляски замужних женщин, из числа которых некоторые имеют замужних дочерей, невест, а другие – женатых сыновей». Вспоминается, что, с точки зрения мелких партийных и комсомольских работников в 1920-е годы, танцы, то есть «пляски», замужних и прочих женщин и мужчин также были «достойны порицания». То есть, конечно, сами плясали, но других осуждали. Все ведь вполне естественно: в событиях Семнадцатого года огромную роль сыграла «мелкобуржуазная стихия»; она же восторжествовала по завершении Гражданской войны. Нэповский Петроград – это город, из которого исчезли многие категории его прежних обитателей – аристократы, князья, дворяне, генералы в шитых золотом мундирах, вытянутые в струнку гвардейские офицеры, великосветские дамы, банкиры и заводчики в безупречных сюртуках и сияющих цилиндрах… А кто уж точно

остался? Зощенковские персонажи, мещане, бывшие штабные писари, а теперь – совслужащие, мелкие и средние управленцы. В их ряды влились выходцы из бывшей черты оседлости, их концентрацию лишь слегка разбавляли по окраинам мрачноватые и не всегда трезвые питерские рабочие; вокруг них бледными тенями бродили ощипанные «бывшие». А вообще-то, в результате революции город занял мещанин-обыватель.

И вот в свете итогов революционно-криминального процесса оказывается, что могучий революционный пафос деяний Засулич, Карповича, Балмашова мало чем отличается от пискливого бытового пафоса убийцы Иванова, в чьих «круглых глазах, большей частью серьезных, мелькает беспокойный огонек блуждающей мысли». Этот огонек – отсвет пламени, пожиравшего душу Раскольникова, освещавшего путь апологета идейного убийства Сергея Нечаева и всех прочих, отвергших простую Божью заповедь «не убий» ради того или иного сомнительного идеала. Они все делали одно дело. Мещанин Карпович, бывший студент, убил человека из идейных соображений. Но и мещанин Иванов, бывший канцелярист, тоже убил человека из идейных соображений (правильно сделал суд, что не признал аффекта). Идея Карповича: государство отвергло меня и мою истину, следовательно, оно есть зло; стреляя в министра, я уничтожаю это зло и себя вместе с ним. Мысль, «блуждающая в глазах» Иванова: «Она отвергла меня, она неверна мне! Она – само злодейство! Убив ее, я уничтожу зло! Умри же, несчастная!»

Характерная деталь: Засулич, Карпович, Балмашов и Иванов после совершения преступления ведут себя совершенно одинаково: никуда не спешат, не пытаются скрыться. «Когда смертельно раненная Настя выбежала из комнаты, Иванов – уже убийца – с видимым спокойствием сел за стол». Все они в свой звездный час «стоят спокойно и уверенно, как будто в ожидании чего-то». Понятно, в ожидании чего. В ожидании награды за совершение высшей справедливости.

Награду все они получили. Для Балмашова ею стала смерть – упоительнейшая радость всякого «идейного» убийцы. Для Засулич – почет и слава и восхитительная роль бабушки революционного террора. Для Иванова – те несколько часов в зале суда, когда к нему было приковано боязливое и любопытное внимание петербургского общества. Когда – шутка ли! – лучший адвокат столицы, указывая на него, восклицал: «В нем есть и карамазовская кровь, есть большое сходство с Позднышевым из „Крейцеровой сонаты“» – и сравнивал его, щупленького, серенького, тонкошеего, с Данте и Фаустом. Ради таких минут и живут честолюбивые питерские мещане, ради них и убивают.

Адвокат, для того чтобы выиграть дело, должен дышать одним воздухом с залом; содрогаться и трепетать в одном ритме с залом. Адвокат Андреевский идеально уловил чувства и вожделения общества – как в свое время Александров на процессе Засулич. Главное чувство масс по отношению к личности убийцы и его деянию можно назвать так: боязливое восхищение. Есть такая форма любви, проявляющаяся в страхе, соединенном с необоримым влечением.

Потому-то власть и общество оказались столь бессильны перед революционным террором. Потому и адвокаты – умные, добропорядочные, интеллигентные люди – так старались, не просто защищая, но возводя преступников на пьедестал. Возлюбили диавола.

Императорский Петербург был чертогом этой любви. Именно здесь разрушение праведности в душах людей шло интенсивнее всего. Честолюбцы, искатели чинов и наживы, любители сладкой жизни, бездельники, нищие, женщины легкого поведения, «золотые ручки», графы Калиостро, изобретатели эликсира жизни и борцы за всеобщее счастье стекались сюда не только со всей России – со всего мира. Конечно, не одни они ходили по петербургским мостовым. Благонамеренно-робкие Акакии Акакиевичи, энергичные Штольцы, безобидные Обломовы, правильные Разумихины составляли, наверное, пестрое и разобщенное большинство его жителей. Но не они становились героями реальных петербургских романов, трагедий и поэм. В октябре Семнадцатого, да, пожалуй, и в феврале, добропорядочные противники революции тоже были в большинстве. На страшное меньшинство, состоящее из демонических вождей и множества полууголовных бесов, они смотрели с тем же боязливым восхищением, с каким дореволюционная публика взирала на обвиняемого в зале суда. И приходится добавить: бывало, что кое-кто из добропорядочных очертя голову бросался в омут революционного или просто так, безыдейного криминала.

Историю преступного Петербурга еще предстоит написать.

Пора заканчивать это затянувшееся предисловие. К делу. В первой части нашей книги, которая называется «Ловцы и звери», мы познакомим читателя с основными особенностями российской правовой системы последней трети XIX века, а также попытаемся в общих чертах обрисовать общественное устройство столичного града. Вторая часть, «Петербургские бесы», содержит криминальные истории, сгруппированные по видам правонарушений: кражи – с кражами, убийства – с убийствами.

Третью часть, «Криминальные прогулки», составляют своего рода экскурсии по пристанищам криминала и местам преступлений. В заключение – постскриптум – история одной криминальной драмы, затронувшей царскую семью и заставляющей вспомнить сюжет «Железной маски».

Итак, переоденемся Гаруном ар-Рашидом, запустим уэллсовскую машину времени – и вперед, в закоулки блистательного и преступного города трех революций, семи дворцовых переворотов и несчетного числа просто криминальных историй. Пожелаем сами себе успеха.

Часть I
Ловцы и звери

«На Литейной такое есть здание…»

17 апреля 1866 года на углу Литейного проспекта и Захарьевской улицы было необыкновенно шумно и людно. На тротуарах и мостовых клубилась разношерстная толпа. То со стороны Таврического сада, то со стороны набережной Невы подъезжали богатые экипажи; господа в шитых золотом мундирах выходили из них, сопровождаемые ливрейными лакеями. Золото мундирных кантов и эполет сгущалось возле закрытых еще дверей только что отстроенного высокого здания с колоннами. Опытный глаз мог определить: преобладали в толпе мундиры чиновников Министерства юстиции. Кого-то ждали – видно, самого министра. Точно в назначенный час министр юстиции действительный тайный советник Д. Н. Замятнин прибыл на место действия в карете с гербом. Золоченая толпа расступилась, двери здания отворились, министр вошел внутрь, а за ним важно и неторопливо в сумрачные, пахнущие краской сени потянулись тайные, действительные статские и прочие советники, прокуроры, чины полиции.

Так или примерно так выглядело начало торжественной церемонии открытия Здания судебных установлений, перестроенного из старого екатерининского Арсенала ради размещения новых, порожденных судебной реформой 1864 года учреждений.

Судебная реформа – это известно каждому старательному школьнику – была самой стройной, самой последовательно либеральной из всех реформ эпохи Александра II. Основные ее черты были определены Учреждением судебных установлений и судебными уставами, которые царь-реформатор подписал в 1864 году. Однако вводились в действие новые суды не сразу и не везде. В авангарде процесса шли столичные города – Питер и Москва, затем – центральные губернии. В Петербурге все было готово к началу действия пореформенных судов весной 1866 года. Апофеозом подготовительных работ стало открытие нового Здания судебных присутственных мест. Именно в этом, еще не просохшем после отделочных работ здании в мае того же года открыл счет своим заседаниям Петербургский окружной суд. Российская правовая система получила мощный импульс развития, а столичная публика – новомодное увлечение, заменявшее криминальное чтиво: посещение открытых судебных процессов. Именно судебные заседания, а особенно заседания по важным уголовным делам с участием присяжных, стали, бесспорно, главным развлечением и главной общественной

«страшилкой» того времени.

Впрочем, кому-то новшества нравились, а кому-то нет. Чуткий барометр эпохи Н. А. Некрасов отозвался о пореформенном суде нелицеприятно:

На Литейной такое есть здание,
Где виновного ждет наказание.
А невинен – отпустят домой,
Окативши ушатом помой.
Я там был. Не последнее бедствие,
Доложу вам, судебное следствие…

Что же представляла собой новая судебная система?

В ее основу были положены правовые принципы, перенесенные на российскую почву с буржуазного Запада: равенство лиц перед судом и законом; отделение судебной власти от законодательной и исполнительной; несменяемость судей; открытость и гласность судопроизводства; состязательность судебного процесса. Виды судов Учреждение судебных установлений определяло так: «Власть судебная принадлежит: 1) Мировым судьям; 2) Съездам мировых судей; 3) Окружным судам; 4) Судебным палатам и 5) Правительствующему Сенату».

В компетенции мирового суда находились мелкие дела: гражданские по искам на сумму до 300 рублей и уголовные, по которым налагаемое наказание составляло не более года тюремного заключения. 26 апреля 1866 года газета «Санкт-Петербургские ведомости» опубликовала роспись 28 мировых участков Петербурга, в каждом участке должен был находиться один участковый мировой судья и непостоянное количество почетных. Участковый мировой судья разбирал единолично все дела в пределах подведомственности; почетные судьи – только те дела, по которым стороны сами обратились к их посредничеству. Апелляции на решения мировых судей подавались съезду мировых судей, представлявшему собой высшую инстанцию мирового суда. Участковые и почетные мировые судьи избирались общим собранием Городской думы. Первые выборы мировых судей в Петербурге состоялись в мае 1866 года.

Предполагалось, что мировой судья – уважаемый и состоятельный человек, независимый материально и безупречный в нравственном смысле. Мировые судьи должны были соответствовать следующим требованиям: возраст – не моложе 25 лет, образование – не ниже среднего или не менее чем трехлетний опыт службы в должностях, связанных с судебно-правовой сферой, и главное – владение недвижимым имуществом

на сумму не менее 6 тысяч рублей (довольно крупная сумма по тем временам). Кроме того, в мировые судьи не могли быть избраны лица, состоящие под следствием или судом; подвергшиеся неотмененным приговорам судов; исключенные из службы по суду или из духовного ведомства за порок; исключенные из дворянских собраний; объявленные несостоятельными должниками; находящиеся под опекой; а также священнослужители и военнослужащие. За строками закона угадывается образ типичного мирового судьи: человека немолодого, солидного, живущего постоянно в своем округе, пользующегося хорошей репутацией у соседей и независимого.

Мировые судьи избирались сроком на три года. Избранными считались те, кто получил при голосовании в Думе больше голосов «за», чем «против». Набравшие наибольшее число голосов становились участковыми, а все остальные избранные – почетными мировыми судьями.

Объем работы мирового судьи был велик; проходившие перед ним лица – разнообразны. Газетные отчеты и хроники первых лет судебной реформы дают обильный и весьма живой материал из практики мирового суда. Прислуга (вчерашняя крепостная), подающая жалобу на барыню за грубое обращение: «Пусть заплатит мне хоть рубль за то, что дурой называла»; барыня с иском к прислуге за нерадивость; подравшиеся извозчики; пойманный за руку карманник; мальчишка, нашедший кошелек с деньгами и ложно обвиненный в краже; сожитель, избивший сожительницу; ростовщик или «старуха-процентщица» и их нищие жертвы; наследники, затевающие споры из-за грошового наследства, и много, много прочего.

Гражданские дела по искам свыше 300 рублей и уголовные, мера наказания по которым превышала год тюрьмы (то есть самые интересные с обывательской точки зрения), разбирались в окружных судах. Окружные судьи – председатель и члены окружного суда – назначались лично государем по представлению министра юстиции и не могли быть уволены или переведены с одной должности на другую без их согласия, кроме как по приговору суда. Эти назначенные императором – так называемые коронные – судьи были профессиональными правоведами и за свою судейскую службу получали государственное жалованье. Единоличному рассмотрению окружным судьей подлежало большинство гражданских дел. Все крупные уголовные дела (убийства и покушения на убийство, изнасилования, причинения тяжких телесных повреждений, грабежи, разбой, крупные имущественные преступления) разбирались при участии коллегии присяжных заседателей.

Суд присяжных представлял собой, пожалуй, самую яркую и самую спорную сторону судебной системы, возникшей в результате реформы. Участие в работе коллегии присяжных было введено как обязанность, как своего рода государственная повинность, от которой нельзя было уклоняться. Присяжные избирались из мужчин всех сословий, состоящих в русском подданстве, в возрасте от 25 до 70 лет и проживающих в Петербурге не менее трех лет. Не могли быть присяжными лица, состоящие под следствием, судом, отбывающие наказание, исключенные из службы по суду, несостоятельные должники, находящиеся под опекой, слепые, глухие, немые, лишенные рассудка (любопытно, что таких оговорок нет в соответствующих статьях о мировых судьях!) и, наконец, не знающие русского языка. Любопытно и то, что в списки присяжных не вносились священнослужители, военные, а также учителя народных школ. Естественно, служащие правоохранительных органов от этой службы также были освобождены. Имущественный ценз для присяжных в Питере был установлен такой: недвижимость на сумму от 2 тысяч рублей или доход от капитала – не менее 500 рублей в год). Все цензовые граждане вносились в списки присяжных заседателей, которые публиковались в газетах. После этого комиссия Городской думы составляла очередные списки присяжных на текущий год. В Петербурге ежегодно в очередные списки вносилось 1200 имен и в запасной список – еще 200. Присяжные призывались к исполнению обязанности на судебную сессию в порядке очередности, в количестве 30 человек. На каждый судебный процесс назначалось по жребию 12 основных и 2 запасных присяжных заседателя.

Главная задача присяжных – присутствовать на судебных заседаниях и выносить вердикт. По окончании судебных слушаний председатель суда обращался к присяжным с напутственной речью и формулировал вопросы, на которые их коллегия должна дать ответы, устанавливающие или отвергающие факт совершения преступления и определяющие степень виновности подсудимого. Присяжные удалялись в совещательную комнату, куда никто не имел права заходить и откуда сами присяжные не могли выйти до принятия ими решения. Решение принималось большинством голосов; несогласные могли представить в письменном виде свое особое мнение. После этого присяжные возвращались в зал суда, и старейшина оглашал вердикт. На предложенные судом вопросы присяжные должны дать ответы по определенной форме: «невиновен», «виновен», «виновен, но вынужден крайностью», «виновен, но заслуживает снисхождения»; «действовал с заранее

обдуманным намерением» или без такового; «действовал в состоянии умоисступления» и пр. В случае объявления вердикта «невиновен» по всем пунктам обвинения подсудимый тут же, в зале суда, освобождался из-под стражи. В других случаях председатель и члены суда определяли виновному меру наказания в соответствии с Уложением о наказаниях. Закон предусматривал для осужденных судом присяжных такие виды наказаний, как заключение в крепости, в арестантских ротах, в исправительных и работных домах, ссылка на поселение в места «не столь отдаленные», «отдаленные», «весьма отдаленные» (соответственно: Европейский Север и Северо-Восток, Сибирь, Забайкалье и Крайний Север) и, наконец, ссылка в каторжные работы. Смертной казни как наказания за уголовные преступления закон не предусматривал; смертные приговоры мог выносить лишь суд Особого присутствия Сената или военный суд в исключительных случаях. Русские присяжные не отправили на эшафот ни одного человека.

Суд присяжных, безусловно, был судом общественного мнения, или, как говорили его враги и критики, «судом улицы». В его составе мы видим дворян, купцов, лавочников, ремесленников, чиновников, крестьян, интеллигентов, мещан… Пестрый срез русского общества той поры. В этом заключались его сильные и слабые стороны. Присяжные представляли действительно все сословия и классы общества, но преимущественно его наиболее устойчивую середину. На дело они смотрели не глазами образованных юристов, а с точки зрения простого здравого смысла и господствующих в обществе представлений о законности и морали. Практика показала, что суд присяжных склонен проявлять крайнюю осторожность в отношении признания виновности и готов скорее отпустить виновного, нежели осудить невиновного. Несомненно, такое настроение присяжных отражало высокую степень морального здоровья тогдашнего русского общества. Однако частенько присяжные становились жертвами своей некомпетентности и впечатлительности, подпадая под обаяние обвиняемого, а еще чаще – талантливого и красноречивого адвоката (реже – прокурора). Порой на исход дела влияли и политические настроения в обществе: присяжные готовы были принимать решение, направленное против представителей государственной власти или привилегированных классов общества.

Такие настроения сыграли свою роль, например, в деле знатной и богатой игуменьи Митрофании (в миру баронессы Розен). Игуменья, состоявшая в дружеских отношениях с императорской фамилией, обвинялась в подлоге денежных

документов. Поступок ее с нравственной точки зрения был весьма неоднозначен, что не помешало суду вынести суровый приговор «без снисхождения» (подробнее об этом – в части II, гл. «Обман, кругом обман»). Другой пример – дело Веры Засулич. К революционерам и «нигилистам» петербургские присяжные вообще склонны были относиться более чем снисходительно. (Поэтому очень важно было, как квалифицировано дело: если убийство, покушение или иное противоправное деяние признано уголовным, то суд присяжных неизбежен; если же определено как преступление, направленное против государственного порядка, то преступнику грозит военный суд или суд Особого присутствия Сената. Тут уж общественное мнение не сможет спасти обвиняемого от каторги или виселицы.)

Но и те вердикты, которые выносили присяжные по делам сугубо уголовным, нередко грешили зависимостью от взглядов и мнений «властителей дум» петербургского общества. Много шуму вызвал, например, случай с Корниловой, молодой женщиной, выбросившей из окна свою шестилетнюю падчерицу. Факт преступления не вызывал сомнений, при первом рассмотрении дела присяжные вынесли обвинительный вердикт. Однако под давлением общественного мнения и при активном, страстном участии Ф. М. Достоевского, писавшего о Корниловой в «Дневнике писателя» и деятельно хлопотавшего за нее, дело было пересмотрено. Сенат направил его на повторное рассмотрение. На сей раз присяжные подсудимую освободили от наказания. Конечно, основания для такого решения были: Корнилова в момент совершения преступления была беременна, лет ей было всего 17, да и пострадавшая девочка не погибла, отделавшись одними ушибами. Подсудимая явно раскаивалась в содеянном; муж ее и падчерица столь же явно ее простили. Крестьянское происхождение и бедность Корниловой тоже сыграли свою роль. Но все эти обстоятельства едва ли привели бы к такому итогу, если бы не широкая волна общественного сочувствия к «несчастной, доведенной до отчаяния женщине» и не авторитет Достоевского. Наоборот, в случае с убийцей двух человек, Ландсбергом, гвардейским офицером и аристократом, или с богачом Овсянниковым, обвинявшимся в поджоге собственной мельницы с целью получения страховой премии, общественность осуждала суд за мягкость приговора: в России не любили аристократов и богачей.

В истории петербургского суда присяжных были и другие скандальные приговоры. Оправдание молодой и интересной Ольги Палем, убившей своего любовника; признание ростовщика Мироновича виновным в покушении на изнасилование и убийстве

тринадцатилетней Сарры Беккер при отсутствии серьезных доказательств; оставление без наказания банкира Кронеберга, систематически истязавшего свою восьмилетнюю дочь, – эти и другие случаи давали обильную пищу для возмущения. Суд присяжных имел и своих непримиримых критиков (М. Н. Катков, Ф. М. Достоевский), и своих апологетов (А. Ф. Кони, С. А. Андреевский). Безусловно одно: он предоставил среднему обывателю возможность реально влиять на решения и действие судебной власти.

Окружной суд представлял собой суд первой инстанции. По апелляциям на решения суда, принятые без участия присяжных, судом высшей инстанции являлась окружная судебная палата. Она рассматривала также особо важные государственные и должностные преступления. Заседала палата тоже в здании на Литейном. Да уж, кого только не видели его стены, чье только красноречие не гремело с трибун окружного суда и судебной палаты! Прокуроры В. И. Жуковский, А. М. Бобрищев-Пушкин, знаменитый Анатолий Кони соперничали со светилами адвокатуры – С. А. Андреевским, А. И. Урусовым, В. Д. Спасовичем, Н. П. Карабчевским, с заезжей московской знаменитостью Ф. Н. Плевако. Их речи со сладким трепетом слушала публика: слабонервные светские дамы, пламенные студенты, финансисты в черных фраках, плешивые чиновники средней руки, генералы в блестящих мундирах… Бывало, что и тайные советники, директора департаментов и даже министры, и даже… Можно ли верить? Великие князья! Да, бывало, что и они освящали своим присутствием эти стены. Министр иностранных дел князь А. М. Горчаков, лицейский товарищ Пушкина, присутствовал на слушании дела об убийстве Фон-Зона; генерал К. П. Кауфман, завоеватель Хивы, выступал свидетелем по делу убийцы Ландсберга. Что уж говорить о Достоевском, Салтыкове-Щедрине или Некрасове! Все побывали тут.

И простая, и знатная публика буквально валом валила на судебные заседания. Кто не мог попасть в зал суда – довольствовался информацией из газет. Отчеты о судебных делах, причем не только о крупных, но и о мелких, разбираемых мировыми судьями, печатались решительно во всех газетах – от «передового» «Голоса» А. А. Краевского до «реакционного» «Нового времени» А. С. Суворина. Рубрики типа «В камере мирового судьи», «Судебная хроника», «Диалоги у мирового судьи», «В окружном суде» непременно имелись во всех уважающих себя печатных изданиях.

Массовый интерес к происходящему в здании на Литейном имел еще и такое объяснение. В условиях чиновной

официальности и при действии стеснительных законов о печати суд воспринимался обществом как зона, свободная от цензуры и вообще неподконтрольная постылой государственной машине. Новые судебные органы были вне контроля со стороны администрации и исполнительной власти (губернаторов, министерств, ведомств). Общее управление деятельностью судебных органов осуществляло Министерство юстиции, однако судьи не назначались министерством и в своей деятельности не зависели от него. Министерство юстиции скорее выполняло функцию обеспечения деятельности судебно-правовой системы, нежели руководило ею. Репутацию оно имело достаточно либеральную. Сначала его возглавлял явный либерал Д. Н. Замятнин; в 1867 году его сменил более консервативный граф К. И. Пален, но и он царствовал, а не правил в судебной сфере. В обществе к нему относились не без иронии, поэт А. К. Толстой шутил:

Ах, зачем у нас граф Пален
Так к присяжным параллелен!
Будь он больше вертикален,
Суд их больше был бы делен!

Добрый суд царем повелен,
А присяжных суд печален,
Всё затем, что параллелен
Через меру к ним граф Пален!

Душегубец стал нахален,
Суд стал вроде богаделен,
Оттого что так граф Пален
Ко присяжным параллелен.

Всяк боится быть застрелен,
Иль задушен, иль подпален,
Оттого что параллелен
Ко присяжным так граф Пален.

Мы дрожим средь наших спален,
Мы дрожим среди молелен,
Оттого что так граф Пален
Ко присяжным параллелен!

Herr, ebarm' Dich unsrer Seelen!
Habe Mitleid mit uns alien![1]

Да не будет параллелен
Ко присяжным так граф Пален.

Преемником Палена в конце 1870-х годов стал Д. Н. Набоков, либерал в душе, отец известного деятеля партии кадетов В. Д. Набокова и дед писателя В. В. Набокова.

Да. Многое видели и многое слышали эти стены. Жаль только, что их нет. Живет без них Петроград—Ленинград—Петербург, без них и без суда присяжных. Здание сожгли во время Февральской революции; его обгорелые стены долго торчали посреди заброшенной столицы как мрачный призрак идеи правового государства. Потом их разрушили, а на «месте святе» построили «Большой дом». Тоже памятник, только чего – права или бесправия? Что касается мировых судов и судов присяжных, то они были упразднены еще до революции. Теперь вот пытаются их возродить. Поживем – увидим.

А здания на Литейном отчасти жаль. Нет его – и негде отметить очередную годовщину учреждения судов присяжных и мировых судов. Вспомнить о благих порывах и больших надеждах времен просвещенно-юридического романтизма.

«Городовой! Городовой!»

Слово «полиция» сродни крику «караул!»: ни у кого оно не вызывает чувств радости и счастья. И никакое сообщество людей без полицейской дубинки обойтись не может. Тем более город; тем более столица. Петербург Пушкина и Гоголя немыслим без будочника с алебардой, так же как город Достоевского и Блока – без внушительно-добродушной фигуры городового с кокардой на шапке, а зощенковский Ленинград – без милиционера в шлеме и белом кителе. Доподлинно можно сказать, что все значительные события и великое множество мелочей петербургской жизни совершались при участии и на глазах «блюстителей порядка».

Хотя Российскую империю принято называть «полицейским государством», собственно силы охраны правопорядка в ней были немногочисленны, их структура разобщена, а управление ими раздроблено. Их ядро, так называемая общая, то есть неспециализированная, полиция находилась в двойном подчинении. На местах ею руководили губернаторы, из центра управляло Министерство внутренних дел.

Возле Чернышова моста в воды Фонтанки смотрится казенно-желтое здание с белыми полуколоннами. Это здание Министерства внутренних дел. Здесь связывались в один узел нити управления российской и столичной полицией. Еще одно министерское здание красуется на другом изгибе Фонтанки – напротив Инженерного замка (наб. р. Фонтанки, 16; ныне – здание городского суда); там располагалась казенная квартира министра. Министерство, созданное в 1802 году, было одной из самых значительных бюрократических структур в империи; министр внутренних дел – крупнейшим и влиятельнейшим сановником. Пост этот во второй половине XIX – начале XX века занимали такие «зубры» имперской администрации, как П. А. Валуев, А. Е. Тимашев, В. К. Плеве; попадались среди министров и отъявленные консерваторы, как, например, Д. И. Толстой, и романтики либеральных реформ – М. Т. Лорис-Меликов, П. Д. Святополк-Мирский. На самую блистательную высоту вознес этот пост великий государственник П. А. Столыпин. В тот период, когда разыгралось большинство криминальных историй, описанных в этой книге, с 1868 по 1878 год, начальнический кабинет в здании на Фонтанке занимал А. Е. Тимашев. Отзывы современников о нем достаточно противоречивы: А. Ф. Кони называет его бездушным и пустым царедворцем; А. К. Толстой, иронизируя, возводит в ранг творца и завершителя русской истории – «История государства Российского от Гостомысла до

Тимашева». В этом знаменитом стихотворении находим ядовитый панегирик могущественному министру:

…От Рождества Христова
В год шестьдесят восьмой,

Увидя, что все хуже
Идут у нас дела,
Зело изрядна мужа
Господь нам ниспосла.

На утешенье наше
Нам, аки свет зари,
Свой лик яви Тимашев,
Порядок водвори…

Так или иначе, Тимашева более занимала высокая политика, нежели заурядная полиция. Отчасти потому, что в ходе либеральных александровских реформ функции полиции были изменены и урезаны: в 1864–1866 годах – в соответствии с новыми Судебными уставами; в 1864–1870 годах – при введении нового земского и городского самоуправления. Из ведения полиции изымались: проведение предварительного следствия по уголовным делам, которое передавалось судебным следователям и прокурорам; ряд хозяйственных функций (например, строительство дорог, мостов и др.), отошедших земствам (в Петербурге – Городской думе).

Полиция Петербурга подчинялась особому должностному лицу – обер-полицмейстеру (в конце 1860-х годов обер-полицмейстер был переименован в градоначальника). Петербургский градоначальник назначался непосредственно государем, пользовался его доверием, имел право личного доклада государю и, таким образом, был фактически независим от министра внутренних дел. В сущности, градоначальник сам пребывал в ранге министра. Это подчеркивалось еще и тем, что некоторые петербургские градоначальники имели высший придворный чин генерал-адъютанта.

При градоначальнике существовала мощная административная структура – градоначальство. Оно было расположено в известном здании на углу Гороховой улицы и Адмиралтейского проспекта (Гороховая ул., 2), где в годы революции обосновалась петроградская ЧК. В подчинении градоначальника состояли, кроме собственно городской полиции, различные специализированные службы: пожарная команда,

речная полиция, врачебное управление, санитарная комиссия, сыскное отделение, охранное отделение и т. д. Высшие чиновники градоначальства и полиции составляли «Совещательное при градоначальнике присутствие». Членами этого присутствия были также городской голова, председатель окружного суда и некоторые другие лица.

Что касается общей полиции (то есть выполняющей функцию повседневной охраны правопорядка), то она была организована по территориальному принципу. Город был разделен на 3 отделения, те, в свою очередь, на полицейские части, числом 12: Адмиралтейская, Александро-Невская, Васильевская, Выборгская, Казанская, Коломенская, Литейная, Московская, Нарвская, Петербургская, Рождественская, Спасская. Части делились на участки, участки – на околотки. Градоначальнику подчинялись частные приставы – начальники полиции частей города; им – начальники участков – участковые надзиратели; участковым надзирателям – околоточные надзиратели (околоточные); наконец, последним – нижние чины полиции, городовые, а также дворники (хотя дворники и не числились на государственной службе, но обязаны были сотрудничать с полицией и выполнять некоторые полицейские функции). Околоточные надзиратели и городовые были главными действующими лицами этой системы. Именно они чаще всего вступали в контакт с народом, с петербуржцами. Им вменялось в обязанность наблюдать за порядком, спокойствием, санитарным состоянием, деятельностью питейных заведений, участвовать в тушении пожаров.

В «Инструкции околоточным надзирателям» 1867 года говорится: «Получив известие о происшедшем преступлении, беспорядке или несчастном случае, [околоточный надзиратель обязан] являться на место происшествия, восстановлять всеми находящимися в распоряжении средствами порядок и спокойствие, задерживать виновных, оказывать защиту и помощь людям, в том нуждающимся» (гл. 1, п. 11). Таким образом, околоточный надзиратель первым из представителей власти прибывал на место преступления, проводил первые следственные действия в ходе дознания; выступал среди важнейших свидетелей на суде. Околоточный числился в офицерском чине; что касается городовых, то они приравнивались по службе к унтер-офицерам.

Городовые несли патрульно-постовую службу. Фигура городового, маячащая на углу, – такой же символ императорского Петербурга, как Медный всадник или Александровская колонна. Городовой – повседневный носитель идеи порядка и справедливости, постоянный участник мелких уличных инцидентов, заканчивавшихся в участке или в камере мирового

судьи. Городовой – это еще и особый нравственно-психологический тип; на эту службу брали преимущественно отслуживших в армии унтеров, обязательно семейных, желательно многодетных; непременно рослых и физически сильных. Добродушие, сила, непримиримость к любому проявлению беспорядка – вот характернейшие черты питерского городового. И – непременная вежливость (с несколько медвежьим оттенком). Увидев, например, господина, бросившего на мостовую окурок сигары, городовой тут же подходит и басовито произносит с высоты своего внушительного роста:

– Милостивый государь, поднимите! Урна – вот. Сорить на улице не положено.

Ежели затевается полупьяная ссора, городовой вырастает как из-под земли со словами:

– Господа, не устраивайте беспорядка, разойдитесь, честью просят!

Расстояние между городовым и градоначальником огромно, но они – звенья одной цепи. Дольше других, с 1866 по 1879 год, должность градоначальника Петербурга исправлял Ф. Ф. Трепов, незаурядный человек и колоритная личность. Современники шепотом передавали: он – внебрачный сын Николая I. Трепова можно назвать – при всей непривычности такого определения – выдающимся деятелем русской полиции.

Для Петербурга Трепов сделал так много, что плодами его трудов мы, сами того не зная, пользуемся до сих пор. При его активном участии и по его инициативе в городе были проложены водопровод и канализация, построена конная железная дорога (конка) – прообраз трамвая и первый опыт городского общественного транспорта. Возведением второго постоянного моста через Неву – Литейного – город тоже обязан ему. При Трепове была введена и новая нумерация домов, сохранившаяся до сих пор. Ранее дома в Питере нумеровались в пределах полицейских частей: «Васильевская часть, дом № 1024». Это было так неудобно, что в обиходе пользовались обозначением домов по имени домовладельца: «В Спасской части, в доме князя Вяземского»; «На Песках, в Третьей Рождественской улице, господину Дудышкину, в собственном доме». Современный петербуржец, проживающий по адресу: Тверская ул., 27, или Владимирский пр., 3, или Гороховая ул., 56, скорее всего, и не подозревает, что адрес этот подарил ему Трепов.

Заметим также, что именно Трепов первым обратил внимание на необходимость государственной защиты прав рабочих: ему принадлежит идея создания фабрично-заводской инспекции, долженствующей регулировать отношения между рабочими и

предпринимателями. Правда, осуществить этот план Трепов не успел; инспекция была создана спустя полтора десятилетия после его ухода с поста, под эгидой Министерства внутренних дел. Что поделаешь, бюрократическая волокита.

Деятельность «царского сатрапа» Трепова высоко оценил либерал А. Ф. Кони: «Будучи назначен на эту должность в 1866 году, он нашел петербургскую полицию в полном упадке. Его ближайшие предшественники играли роль начальства, но почти не заботились о правильной организации полицейского порядка в столице и о надзоре за ним. <…> Петербургская полиция, в лице многих из своих чинов, дошла до крайних пределов распущенности и мздоимства… В противоположность своим предместникам Трепов прошел в должности варшавского генерал-полицмейстера хорошую практическую школу и явился в Петербург с запасом богатого опыта. Он очистил состав полиции, переименовал и обставил ее членов прилично в материальном отношении… Подвижный, энергичный, деятельный, во все входящий, доступный и участливый к нуждам обращавшихся к нему лиц, Трепов вскоре стяжал себе между простым народом чрезвычайную популярность». Этот отзыв особенно ценен, если учесть, что именно суд под председательством Кони вынес в марте 1878 года оправдательный приговор Вере Засулич, совершившей покушение на Трепова.

Тут надо признать: Федор Федорович Трепов – фигура двойственная. Прекрасный организатор, добивавшийся на всех занимаемых им постах высокой эффективности работы подчиненных ему полицейских и жандармских структур, создатель сыскной полиции и охранного отделения, человек безусловно честный, простой и доступный в общении. В то же время грубый солдафон, малообразованный и малограмотный – о нем его недоброжелатели говорили, что в слове из трех букв он делает четыре ошибки: «исчо» вместо «еще», – вспыльчивый, порой склонный сорвать свой гнев на беззащитных и зависимых от него людях. Именно за эту особенность характера наказала Трепова Вера Засулич.

Так или иначе, но при Трепове полиция Петербурга действовала весьма эффективно. Активность, с которой Трепов начал свою работу в должности градоначальника, проявилась, в частности, в обилии приказов и инструкций, которые публиковались в столичной прессе: в газете «Санкт-Петербургские ведомости», а также в «Ведомостях Санкт-Петербургского градоначальства и городской полиции», газете, инициатива создания которой также принадлежит Трепову. Приказы Трепова написаны живым языком и касаются иногда весьма далеких от

формальности сторон полицейской службы. Вот, к примеру, выдержки из приказа, опубликованного в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 27 мая 1866 года, в котором дается инструкция городовым, «чтобы, находясь на улицах, они не занимались единственно отданием чести проходящим и проезжающим офицерам, упуская из виду другие, важнейшие свои обязанности. Никто из начальствующих лиц не взыщет, если занятый своим делом городовой не заметит проходящего офицера. <…> Городовые не обязаны стоять на одном месте, а, напротив, должны прохаживаться вдоль улицы, как по тротуарам, так и посредине дороги, по всему протяжению. <…> Подтвердить городовым… чтобы они были вежливы в обращении со всеми, не исключая простого народа, и отнюдь не дозволяли себе самоуправства». Другой пример стиля Трепова – служебная телеграмма: «Убрать и сколоть снег и лед в три дня. Повторять не стану. Взыскать сумею. Трепов». Снег и лед в указанный срок были убраны.

Безусловно, одним из крупнейших достижений Трепова-градоначальника стало создание специальной сыскной полиции. До александровских реформ в России не существовало никакой службы, которая специализировалась бы именно на розыске укрывающихся от правосудия преступников и правонарушителей. Резкий рост преступности, ознаменовавший эпоху реформ, а также рост городов, в которых преступникам было все легче скрываться, обусловили появление такой службы. В 1868 году при градоначальнике Петербурга было сформировано Отделение сыскной полиции.

Возглавлял его в течение всего последующего десятилетия замечательный сыщик, легенда российской полиции Иван Дмитриевич Путилин. Человек без образования, не очень грамотный (как и его высокородный патрон), не очень щепетильный в выборе средств, потребных для достижения цели, Путилин обладал редкой наблюдательностью, умом и знанием преступного мира. Путилин участвовал в расследовании большинства уголовных дел, упоминаемых в этой книге. Тот же Кони дает ему такую характеристику: «По природе своей Путилин был чрезвычайно даровит и как бы создан для своей должности. Необыкновенно тонкое внимание и чрезвычайная наблюдательность, в которой было какое-то особое чутье, заставлявшее его вглядываться в то, мимо чего все проходили безучастно, соединялись в нем со спокойною сдержанностью, большим юмором и своеобразным лукавым добродушием. Умное лицо, обрамленное длинными густыми бакенбардами, проницательные карие глаза, мягкие манеры и малороссийский

выговор были характерными наружными признаками Путилина». Прямо-таки идеальный портрет русского Лекока. Впрочем, в отличие от героя детективных романов Габорио, Путилин в расследовании преступлений не только опирался на свою природную наблюдательность и чутье, но и широко использовал научные методы зарождавшейся тогда криминалистики. Первым среди русских сыщиков он стал систематически использовать фотографию для идентификации личности и положил начало фотокартотеке сыскного отделения. При исследовании вещественных доказательств применял микроскопию. В последние годы своей сыскной работы отдал дань увлечению антропометрией Бертильона.

Надо заметить: 1870–1880-е годы в Европе, Америке и России были временем зарождения научной криминалистики. В работах бельгийца Ж. Кетле и итальянца Ч. Ломброзо предпринимались первые попытки теоретического осмысления феномена преступности. Во Франции полицейский чиновник Альфонс Бертильон разрабатывал первую в мире систему идентификации личности по совокупности антропометрических измерений (бертильонаж). В Англии, Индии и Североамериканских Соединенных Штатах велись наблюдения над папиллярными линиями и отпечатками пальцев (У. Хершел, Г. Фолдс), позволившие через пару десятилетий перейти к дактилоскопическому способу идентификации личности. Развивалась токсикологическая химия (М. Орфила, Ж. Стас), первые шаги делала криминалистическая баллистика (наблюдения П. Эзериха), ставились опыты по исследованию индивидуальных особенностей человеческой крови, спермы, слюны; расцветала судебная медицина (А. Лакассань, Э. Гофман). Мир потрясали громкие уголовные процессы – такие как дело об убийстве стряпчего Гуффре в Париже (отчасти напоминающее петербургское дело Фон-Зона, о котором см. в ч. II, гл. «Знаменитые убийства») и зловещие преступления вроде деяний Джека Потрошителя в Лондоне. И все же полиции остро недоставало научных методов и технических средств. При отсутствии таковых успех в сыскном деле определялся в первую очередь личными качествами сыщика. Но такие выдающиеся «сыщики милостию Божией», как И. Д. Путилин, рождаются не каждый день. Поэтому полиция часто, слишком часто стремилась отделаться от необходимости расследовать мрачные происшествия, приписывая их «несчастному случаю». Петербургские газеты того времени изобилуют упоминаниями о нахождении мертвых тел на улицах, помойках, чердаках, всплытии утопленников (особенно часто, почти ежедневно, такие

сообщения появлялись в апреле—мае, по вскрытии льда). В подавляющем большинстве случаев инцидент исчерпывался тем, что полицейские дознаватели приписывали смерть случайности, последствиям пьянства или самоубийству. Трепов и Путилин боролись как могли с полицейской некомпетентностью, но им и их агентам нужно было самим учиться, набираться опыта.

Кстати сказать, сыскное отделение отличалось от остальной полиции тем, что имело штатную секретную агентуру. Другой структурой, возникшей при Трепове и также осуществлявшей агентурную работу, было созданное в 1866 году Отделение по охране государственного порядка и общественного спокойствия (охранное отделение, «охранка»).

В «полицейской» России до самой революции 1917 года не существовало единой общеимперской службы, осуществлявшей функции тайной политической полиции. Жандармерия, о которой речь ниже, не имела штатной секретной агентуры; жандармские офицеры гнушались такого рода работой. В 1880-е годы под руководством министра внутренних дел графа Д. И. Толстого и по инициативе начальника петербургской «охранки» подполковника Г. П. Судейкина была предпринята попытка создания общеимперской секретной политической полиции.

Но в 1883 году Судейкин был убит при встрече с собственным агентом, двойником, народовольцем и провокатором Дегаевым (см. об этом в ч. III, гл. «В двух шагах от Невского»), и с его гибелью подобные проекты более не возрождались.

Вообще же функции политического надзора, поддержания общественной нравственности и некоторые другие полицейские функции призваны были выполнять III Отделение собственной его императорского величества канцелярии и жандармерия.

III Отделение было создано в 1826 году и просуществовало до 1880 года. Последний выдающийся деятель, его возглавлявший (с 1866 по 1874 г.) – граф Петр Шувалов, консерватор, человек влиятельный и властный. Когда звезда Шувалова закатилась, пост этот короткое время (с 1874 по 1876 г.) занимал малоприметный А. Л. Потапов, а затем Н. В. Мезенцов, убитый в 1878 году революционером-народником Кравчинским (Степняком). Располагалось III Отделение на набережной Фонтанки у Цепного моста.

Само III Отделение представляло собой управленческую структуру с небольшим штатом сотрудников. Но в его распоряжении находился корпус жандармов. Начальник III Отделения был одновременно шефом жандармов, то есть командующим этим корпусом. Корпус жандармов имел отделения и штаты сотрудников во всех губерниях Российской империи. До

1867 года существовали жандармские округа, включавшие в себя по нескольку губерний; в 1867 году вследствие покушения на Александра II, совершенного Д. Каракозовым, структура жандармерии была усложнена, а штаты значительно увеличены. Громоздкие жандармские округа были упразднены, и вместо них созданы губернские и уездные жандармские управления, а также жандармские управления на железных дорогах.

В 1860-х годах наблюдается тенденция сосредоточить в ведении жандармерии все дела, имеющие государственное и политическое значение, хотя до конца эта идея реализована не была. До 1871 года существовала Следственная комиссия по делам о государственных преступлениях, в работе которой жандармерия не принимала участия. С 1871 года ее функции были переданы Петербургской судебной палате с участием представителя III Отделения в качестве консультанта. В связи с этим на жандармерию были возложены функции осуществления дознания и следствия по делам, имеющим государственную важность. Жандармы железнодорожных управлений участвовали в расследованиях преступлений, совершенных в пределах их участков.

В таком виде жандармерия существовала до 1880 года. После громкого (в прямом и переносном смысле) покушения на Александра II – взрыва в Зимнем дворце, совершенного народовольцами в феврале 1880 года, – правительство осуществляет новые преобразования правоохранительных органов. Под руководством нового министра внутренних дел графа М. Т. Лорис-Меликова была предпринята попытка объединить все структуры, выполняющие полицейские функции. III Отделение было упразднено, образован Департамент государственной полиции, деятельность коего распространялась и на политические преступления; жандармерия передана в ведение Министерства внутренних дел, с возложением на министра обязанностей шефа корпуса жандармов. Эффективность работы этих структур повысилась: вскоре начались аресты среди руководства «Народной воли»… Однако предотвратить убийство царя, осуществленное народовольцами 1 марта 1881 года, реформированная полиция и жандармерия все же не смогли. Ведя более или менее эффективную борьбу с уголовными преступниками и мелкими правонарушителями, эти органы оказались бессильны перед нарастающей волной политического терроризма.

Помимо полицейских частей и участков, жандармских управлений, III Отделения, градоначальства, Министерства внутренних дел, Департамента полиции и прочих милых сердцу

верноподданного россиянина адресов, в правоохранительную топографию столицы были вписаны петербургские тюрьмы.

Большинство «героев» нашей книги в тот или иной момент своей жизни оказались вынуждены посетить эти учреждения. Им посвящена отдельная главка наших «Криминальных прогулок». В тюрьмах содержались подследственные (предварительное заключение) и осужденные, несостоятельные должники и нарушители паспортного режима, а также просто бродяги, нищие и подозрительные личности. Сроки предварительного заключения определялись судебной властью и могли быть – увы, увы – довольно продолжительными: несколько месяцев, год и более. Известны случаи (например, нашумевшее политическое «дело 193 пропагандистов»), когда срок предварительного заключения нескольких десятков подследственных, многие из которых в итоге судом были оправданы, превышал два года. Для подследственных арестантов специально был выстроен Дом предварительного заключения на Захарьевской улице. Административно задержанные содержались при полицейских частях или в тюрьме градоначальства на Гороховой улице, в доме № 2. Несовершеннолетние правонарушители – в детской тюрьме при Коломенской части и в тюрьме Литовского замка. Несостоятельные должники – в долговой тюрьме, что в 1-й роте Измайловского полка (ныне 1-я Красноармейская). Бродяги и беспаспортные, а также ожидающие этапа ссыльнокаторжные – в пересыльной тюрьме в Демидовом переулке (ныне пер. Гривцова). Приговоренные к тюремному заключению – в арестантских ротах полков, на полковых гауптвахтах и, конечно же, в главной тюрьме Петербурга, каковой до постройки Крестов была тюрьма Литовского замка.

В этом странном здании постройки Старова, с классическим фронтоном посреди главного фасада и с романтическими башнями по углам, занимавшем целый квартал между Офицерской улицей (ныне ул. Декабристов), Крюковым каналом, Мойкой и Литовским переулком (ныне пер. Матвеева), когда-то помещались казармы лейб-гвардии Литовского мушкетерского полка. В 1820-х годах казарма была переделана под тюрьму. Здесь содержалось большинство осужденных на длительные сроки по приговорам судов; здесь было и детское отделение, в котором работал воспитателем Е. И. Гасабов, предтеча А. С. Макаренко, известный своим гуманным отношением к подопечным.

Тюремное дело являлось предметом заботы со стороны столичной общественности. Существовали государственно-общественные тюремные комитеты, мужской и женский, в функции коих входил контроль за порядком и соблюдением

законности в тюрьмах, в первую очередь в области материального обеспечения. Тюремные комитеты занимались также вопросами улучшения условий содержания и нравственного состояния заключенных. В состав обоих комитетов входили представители министерств юстиции и внутренних дел, судов и прокуратуры, а также общественные деятели и деятельницы, в том числе из высшего общества. Достаточно сказать, что во главе женского тюремного комитета стояла родственница императора принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская, а среди его участниц активной деятельностью выделялась жена министра внутренних дел Тимашева. Душой женского тюремного комитета долгие годы была истинная подвижница дела помощи заключенным княжна Мария Михайловна Дондукова-Корсакова, чью жизнь, по словам Н. С. Лескова, «гораздо удобнее назвать житием». Княжна ухаживала за больными в тюремном лазарете, обучала заключенных грамоте, материально помогала узникам и, как могла, старалась оживить в их немилосердных сердцах веру в благодать Божию.

Явная и тайная жизнь петербургского обывателя

Главный герой истинных, а не придуманных криминальных историй вовсе не романтический Ринальдо Ринальдини, не Робин Гуд, не Мефистофель и не злодей со скошенным лбом и свирепым взглядом. Итальянский антрополог-криминолог второй половины XIX века Чезаре Ломброзо совершенно зря пытался доказать существование врожденных «преступных типов»: якобы предрасположенность к преступлению заложена в будущем преступнике от рождения и проявляется в особенностях его анатомического строения и психофизиологического склада. Если бы так, всех преступников можно было бы определить как ядовитые растения, переловить, изолировать – и обыкновенные добропорядочные обыватели зажили бы припеваючи, не зная, что такое грабеж, воровство и убийство. На практике именно этот обыватель – средний человечек, прилично одетый, неброский, как правило семейный, частенько не без образования, имеющий чин, звание и место в обществе, – и есть подлинный герой криминала. Именно он зачастую выступает и в роли преступника, и в роли жертвы. Великий знаток преступного мира сыщик И. Д. Путилин говаривал, что из ста обывателей девяносто не отваживаются на самое страшное преступление – убийство – только из страха наказания и что если эти девяносто обывателей из ста были бы абсолютно уверены в своей безнаказанности, то в случае надобности легко пошли бы на душегубство, не говоря уж о чем другом.

Мир петербургского криминала не что иное, как оборотная сторона, грязноватая изнанка мира блистательной Северной Пальмиры. Лицевая сторона не бывает без оборотной. Петербургские преступники – чиновники, офицеры, гвардейцы, князья, адвокаты, придворные, извозчики, мастеровые, врачи, горничные и лакеи, солдаты, рабочие, даже околоточные и городовые, даже профессора, даже художники и писатели… Из нескольких сотен тысяч душ человеческих, столпившихся в углах и закоулках каменного лабиринта под тусклым невским небом, хищный демон преступления по ему одному ведомым причинам выхватывал то одну, то другую жертву; кого-то толкал на убийство, кого-то – на подделку деловой подписи, кого-то заставлял украсть, кого-то – смошенничать, кого-то – поджечь… Случайный выбор совести и судьбы. Как в оперной арии: сегодня ты, а завтра я.

Петербургский обыватель – наш главный герой. Кто он?

Он обязательно состоит в каком-нибудь сословии

С этого стоит начать, ибо тут главное – de jure и de facto – отличие тогдашнего россиянина от сегодняшнего. Принадлежность к сословию накладывала глубочайший, ничем не вытравимый отпечаток на весь образ жизни, стиль мышления, характер поведения, внешность, манеру одеваться, на вкусы и пристрастия и даже особенности интимной жизни каждого россиянина, каждого петербуржца.

Вот они, основные сословия государства Российского: дворянство, духовенство, почетное гражданство, купечество, мещанство, крестьянство (до 1861 года разделявшееся на крепостных и находившихся вне крепостной зависимости крестьян); особое место в этой системе занимали казаки, а также иноверцы и инородцы. Первые четыре сословия были привилегированными, то есть обладали рядом особых прав (свобода от рекрутской повинности, податные льготы и т. п.). В ходе реформ 1860–1870-х годов некоторые права были изменены, некоторые – распространены на все сословия (например, свобода от телесных наказаний). В Петербурге были представлены решительно все сословия, но лидировали по численности крестьяне (почему – см. ниже), далее шли служащие (мелкие чиновники, офицеры, солдаты, придворные служители) и мещане, далее – инородцы (преимущественно «чухны» и остзейцы); далее – потомственные дворяне, купцы и духовенство. Сословия имели свое внутреннее корпоративное и территориальное устройство: крестьянские миры, городские общества, ремесленные цехи, купеческие гильдии, дворянские собрания и т. п. Нижегородский мещанин, тверской государственный крестьянин, орловский однодворец, московский купец второй гильдии – каждый осознавал себя частью именно своего сословия и социального круга.

Образ жизни, род занятий, стереотипы поведения, особенности культуры, социальная психология и даже внешний вид и стиль одежды у представителей разных сословий были свои. Безупречная прическа, холеные руки, белоснежный воротничок – идет дворянин; сапоги и стрижка «под горшок» – верный признак мастерового, крестьянина на заработках; одет по-благородному, но лицо простовато, манеры слащавы и говорит немножко вычурно – молодой мещанин. И так далее.

Сословная принадлежность практически всегда передавалась по наследству (исключения: личное дворянство и личное

почетное гражданство; связанные с этими состояниями права предоставлялись за личные заслуги и не наследовались). Способы выхода из родительского сословия были строго ограничены. Для мужчин это прежде всего успешная государственная служба: достижение определенного чина давало права личного или потомственного дворянства. Другой вариант: отставной солдат, из какого бы сословия он ни происходил, имел право приписаться к непривилегированному сословному обществу по месту жительства и роду промысла. Для людей, готовых идти жертвенным путем, пострижение в монахи давало возможность влиться в духовное сословие. Был и негативный способ, ведущий к деклассированию: совершение преступления, за которое следовало наказание, сопровождавшееся лишением прав состояния. Что касается женщин, то для них путь государственной службы был невозможен, зато имелся другой, недоступный мужчинам: выйти замуж за представителя иного сословия. Жена вступала в сословие мужа; исключение делалось для дворянок: выйдя замуж за недворянина, женщина сохраняла права дворянства, но не могла передать их детям от этого брака. Впрочем, межсословные браки традиционно не приветствовались обществом и даже осуждались, а потому были редкими.

В своем старом, дореформенном виде сословный строй был органичен, устойчив и являлся мощнейшим стабилизатором общества. После отмены крепостного права, с развитием капиталистических отношений сословия стали разрушаться – и в аспекте социально-экономическом, и в правовом, и в культурном, и в бытовом. Массовый отток населения из деревни в город на постоянное место жительства или на сезонные работы; уравнение в правах представителей разных сословий при осуществлении судебной реформы; развитие банков и рост промышленности и, между прочим, успехи железнодорожного строительства, сделавшего неизмеримо более легким и доступным перемещение по стране, – все это лишь некоторые из множества факторов, подтачивавших и разрушавших сословную систему. В крупных городах, и в первую очередь в Петербурге, процесс разрушения межсословных граней шел стремительно. Проявлялось это вот в чем.

Петербург, как никакой другой город империи, испытал мощный наплыв сельских жителей, кои числились в крестьянском сословии. К середине 1870-х годов около половины постоянных жителей Петербурга по документам числились крестьянами. А ведь ежегодно в столицу наезжало из деревень еще и множество сезонных рабочих!

«В каменных джунглях» столицы, как нигде, интенсивно шли

процессы люмпенизации. Активнее всего – в среде служилого люда, мещан, приезжающих в город на заработки крестьян и, как это ни странно, среди дворянского сословия. Так, большую часть питерских нищих в 1870–1872 годах составляли отставные нижние чины – 35,6 % (военная столица!), затем мещане – 27,7 %, крестьяне – 22 % и лица дворянского сословия – 8,5 %. В общем числе официально зарегистрированных столичных проституток 37,5 % приходилось на крестьянок, 33,6 % – на мещанок, 25 % – на солдаток и солдатских дочерей; 3,6 % – на представительниц всех, вместе взятых, привилегированных сословий. (В скобках напомним, что дворяне составляли лишь около 2–3 % населения страны в целом, крестьяне же – свыше 80 %.)

В то же время активно шло социальное сближение капиталистического класса (представленного главным образом купечеством) и дворянства. Родовитые дворяне-предприниматели, такие как князь Вяземский (владелец так называемой Вяземской лавры), крупный промышленник князь Тенишев, финансист барон Фитингоф и другие, по роду занятий и социальной психологии мало чем отличались от богатых купцов. В свою очередь, купцы гнались за чинами, орденами и другими привычными атрибутами высшего сословия и все чаще удостаивались их.

Еще один любопытный социокультурный процесс – размывание духовного сословия. Сыновья священников, получавшие бесплатное и неплохое образование в духовных семинариях, все чаще предпочитали не идти по стопам отцов, а поступать в светские высшие учебные заведения или на государственную службу. Нередко именно они становились носителями наиболее радикальной, а то и антисоциальной идеологии. Примеры: идеологи революционного народничества Добролюбов и Чернышевский, создатель народовольческих бомб Кибальчич.

И наконец, стремительно растет число межсословных браков. Женитьбы небогатых дворян на купеческих дочках, равно как и купеческих сынков на бедных дворянках, стали притчей во языцех и предметом изображения комедиографов. Менее заметны, но куда более многочисленны были браки между представителями мещанского и крестьянского или мещанского и купеческого сословий. Были и вовсе экзотические случаи: молодой князь Щербатов, например, женился ради денег на семидесятисемилетней неграмотной вдове… Она, правда, была вдовой генерала, но по второму своему браку; по рождению же принадлежала к крестьянскому сословию (об этом см. в ч. II, гл. «Любовь, брак… и преступление»). Это пример редкий, но характерный для Петербурга пореформенных лет.

Под воздействием этих и других факторов на месте старых сословий начинают складываться новые общественные классы: капиталисты, городской пролетариат и интеллигенция. Между тем законы Российской империи не только не поспевали за этими процессами, но и во многих смыслах игнорировали их. В результате обязательная с точки зрения закона фиксация сословной принадлежности становилась делом все более бюрократическим. Все чаще сословная принадлежность определялась не реальным положением в обществе, а записью в паспорте; запись же эта делалась на основании формальных признаков: по месту рождения и по сословной принадлежности родителей. Народоволец Желябов никогда в сознательной жизни не пахал землю, но на суде по делу о цареубийстве 1 марта 1881 года проходил как «херсонский крестьянин Андрей Желябов»; его революционная возлюбленная на том же процессе именовалась «дворянка Софья Перовская»; их соратник и создатель роковой бомбы – «сын священника Николай Кибальчич».

Сословная принадлежность указывалась в документах следующим образом: сословие и место приписки, затем имя (иногда отчество) и фамилия. «Саратовский дворянин Дмитрий Каракозов», «костромской крестьянин Комиссаров» (ставший, после того как его рука отстранила направленный на государя пистолет Каракозова, «дворянином Комиссаровым»). В определенных случаях более полно: «крестьянин Новгородской губернии, Белозерского уезда, Покровской волости Иван Петров Сидоров». Когда речь шла о дворянах и духовных лицах, не имевших приписки, писали просто: «священник Гавриил Чернышевский», «дворянин Владимир Михневич». Неслужащие и неслужившие дети дворян писались просто дворянами, служащие – с обязательным указанием действительного чина или чина, полученного при отставке: коллежский асессор такой-то, отставной надворный советник такой-то. Обучение в высших учебных заведениях в смысле прав приравнивалось к государственной службе, поэтому в документах учащиеся именовались без указания происхождения: «действительный студент Дмитрий Разумихин», «бывший студент Родион Раскольников». Женщины паспортов, как правило, не имели, а вписывались в паспорт мужа (до замужества – отца); соответственно, в документах именовались: «жена майора Ковалева», «вдова генерала Хомутова», «дочь коллежского регистратора…», «купеческая дочь…», «дочь мещанина…». Дворянские жены и дочери могли именоваться просто: «дворянка такая-то».

Он обязан молиться Богу

Наряду с сословной принадлежностью в паспортах, в других важных документах, в текстах имущественных договоров, в обвинительных заключениях и судебных приговорах указывалось вероисповедание. Каждый житель империи обязательно принадлежал к одному из дозволенных вероисповеданий; отсутствие вероисповедания законом не допускалось. Самым массовым и единственным государственным вероисповеданием было православное. Среди дозволенных крупнейшими по численности были христианские: лютеранское, католическое, старообрядческое, армянское; а также нехристианские: мусульманское (магометанское), иудейское (еврейское), буддийское. Необходимо отметить, что нигде в документах дореволюционной России не указывалась национальность; эту графу заменяло вероисповедание. Исключение составляли евреи, национальность коих была неразрывно связана с религией. Поскольку в те времена еврей, отказавшийся от веры отцов, выходил из еврейского общества, постольку он с точки зрения закона переставал быть евреем. Поэтому дочь симферопольского еврея Мордки Палема Мариама Палем после принятия крещения стала именоваться: «симферопольская мещанка Ольга Васильевна Палем (отчество давалось по имени крестного отца. – *А. И.-Г.*), православного исповедания» (и в этом статусе проходила обвиняемой по делу об убийстве своего сожителя действительного студента Александра Довнара). Представители нерусского населения и при этом неправославные в совокупности именовались инородцами. Их инородчество указывалось только в том случае, когда отсутствовали принятые в документах социальные признаки, например: «бухарский житель Ислам Каримов, мусульманского исповедания».

В Петербурге жили представители всех названных вероисповеданий. Православные составляли абсолютное большинство. Кроме них, много было лютеран – в основном немцы, эстонцы и финны (последних именовали «чухонцы», «пригородные чухны»). К лютеранам относились и многочисленные в Петербурге «рижские граждане» (то есть мещане города Риги). Далее шли: католики (поляки), мусульмане (татары), армяне, старообрядцы. Все они имели в городе свои храмы. Очень мало было буддистов, храм их община смогла построить только в начале XX века. Что же касается евреев, то они хотя и не имели права свободно селиться вне черты оседлости, все же активно проникали в Петербург, и постепенно здесь сложилась довольно многочисленная еврейская община. Для того

чтобы легально поселиться в Петербурге, еврею необходимо было получить разрешение полицейских властей, которое прежде всего выдавалось богатым коммерсантам, купцам, представителям дефицитных в столице профессий и учащимся. Возможность жить в Петербурге давало вступление в брак с лицом христианского вероисповедания и, конечно, принятие крещения. Евреи широко пользовались всеми этими законными и множеством незаконных способов пребывать в столице. Евреев было много среди петербургско-московского купечества, среди издателей и журналистов (Н. А. Нотович, А. Ф. Маркс, А. Я. Липскеров, И. Я. Гурлянд, И. Ф. Манасевич-Мануйлов), среди банкиров и финансистов (к концу XIX века еврейский капитал в лице Гинзбургов, Рубинштейнов, Поляковых, Гуревичей и других уже полностью преобладал в столице). Чрезвычайно активно включалась еврейская молодежь в подпольную революционно-террористическую деятельность. Данные полицейской статистики указывают на неожиданный факт: и в жизни преступного мира столицы евреи играли роль очень заметную, во всяком случае значительно превышавшую их пропорциональное представительство среди столичного населения.

Он служит или мечтает о службе

Россия – страна чинопочитания. Так обстоит дело и сейчас; стократ весомее слово «чин» звучало столетие назад. «А какой на тебе чин?» – от ответа на этот вопрос зависела и мера уважения, и глубина поклона, и формула обращения. Императорский Петербург с его многочисленными департаментами и канцеляриями был подлинной столицей чинопочитания и законодателем чиноразличительных мод.

Система чинов императорской России в основном сложилась еще в начале XVIII века и была узаконена Петром Великим в 1722 году. Указ вводил так называемую Табель о рангах, то есть регламент, определяющий порядок прохождения государственной службы, старшинство и взаимное соотношение служебных чинов. За два столетия в Табель о рангах вносились изменения, но в основных чертах она сохранилась, пережив эпоху реформ, до революции 1917 года.

Из государственных служащих вне Табели о рангах находились «нижние чины» – например, канцеляристы, унтер-офицеры и солдаты. Их служба не давала никаких прав и привилегий (кроме права выбора места жительства и рода занятий после отставки) и носила обязательный, а в большинстве случаев принудительный характер. Солдат до 1874 года набирали

из низших податных сословий по рекрутским наборам; после 1874 года, после введения всеобщей воинской повинности, – по призыву. Ежегодно определялось потребное для армии количество новобранцев, после чего конкретные лица призывного возраста призывались на службу по жребию.

Служба в чинах Табели (в классных чинах) была добровольной и давала ряд важных прав и привилегий: право на получение государственного жалованья и на ношение мундира, свободу от телесных наказаний, право подавать в отставку и, наконец, важнейшее: при достижении чина определенного класса (этот уровень постоянно повышался) – получение прав дворянства. Однако служба накладывала на человека и ряд ограничений: так, например, чиновник или офицер, вознамерившийся жениться, должен был испрашивать у начальства разрешение на этот шаг. От начальства зависела выдача служащим паспортов и подорожных, и им нельзя было отлучиться от места службы в иной город без соответствующего разрешения. От чиновника или офицера требовалось соблюдение строгих правил поведения; особенно суров был офицерский кодекс чести, но и гражданским чиновникам много чего не полагалось. Например, находиться в мундире в «скверных» местах (публичных домах, трактирах, у цыган). Буянить на улице. Попадать в участок. Печатать под своим именем статьи или стихи в газетах. За подобного рода «безобразия» чиновника могли хорошенько «распечь», а то и уволить от службы без прошения, без пенсиона и без производства в следующий чин. Это, конечно, не значит, что офицеры, чиновники (и приравненные к ним по правам и обязанностям учащиеся государственных учебных заведений) строго воздерживались от посещения кабаков и борделей; просто-напросто, направляясь туда, надобно было переодеться в партикулярное.

Социальный статус носителя классного чина был тем выше, чем дальше от столиц служил его носитель. В Петербурге, где государственных служащих роилось особенно много, высок был статус носителей только самых высших чинов; но все же служившие в самых малых чинах на общественной лестнице стояли выше крестьян, наемных работников, торговцев, ремесленников, инородцев, то есть выше большинства населения столицы.

Кроме военной и статской, в Петербурге был еще третий род службы – придворная. Нижние, вне классов, чины дворцового ведомства в документах именовались придворными служителями. Их насчитывалось свыше 2 тысяч, а вместе с членами семей – до 8 тысяч, – при населении города в 600–700 тысяч. Классные

придворные носили высокие чины – от VIII до II класса.

Особенно почетной была служба в гвардии. В общественном сознании гвардейский офицер стоял едва ли не на одном уровне с придворными. Кроме того, гвардейская служба была дорогостоящей, да и определиться в гвардию было непросто; как правило, служба в гвардейском полку свидетельствовала о связях, состоятельности и принадлежности к высшему обществу. Поэтому широкий резонанс получали преступления или любые скандалы, в которых были замешаны гвардейские офицеры, даже и отставные. Например, дело об убийстве, совершенном гвардии прапорщиком Ландсбергом (см. об этом в ч. II, гл. «Знаменитые убийства»), дело об игорном доме, который содержал гвардии штаб-ротмистр Колемин (см. об этом в ч. III, гл. «В двух шагах от Невского»), дело о подделке завещания отставного гвардии капитана Седкова (см. об этом в ч. II, гл. «У истоков организованной преступности»).

Все чины распределялись по четырнадцати классам, от высшего I до низшего XIV. Между чинами статской, военной и придворной службы было установлено строгое соответствие. Периодически в Табель о рангах вносились изменения, среди них очень существенные были сделаны в 1884 году. Ниже приводим роспись чинов Табели о рангах полностью в том виде, в каком она действовала в 1860–1880-х годах.

Чины I класса присваивались лишь в особых случаях именным указом государя. Чины II класса носили министры и генерал-губернаторы; III класса – товарищи министров, сенаторы; IV класса – директора департаментов, губернаторы, председатели и прокуроры судебных палат; V класса – вице-губернаторы, председатели окружных судов. Чины первых пяти классов именовались генеральскими, причем генералами называли и их статских носителей; с VI по VIII классы – штаб-офицерскими; остальные – обер-офицерскими.

Служащие жандармерии имели воинские чины и являлись офицерами. Например, отец погибшего при не вполне ясных обстоятельствах юноши Николая Познанского (см. об этом в ч. II, гл. «Незабудки и самоубийцы») был жандармским полковником. Именно принадлежность жандармов к офицерству делала для них невозможной агентурную работу: «шпионство» было несовместимо с честью офицера. Служащие полиции не именовались воинскими чинами, а при их должности обычно просто указывался класс Табели о рангах: «околоточный надзиратель, двенадцатого класса, Миронович». Специально оговаривалось, что околоточному надзирателю присваиваются права чина не ниже XIV класса, даже если при вступлении в эту

должность служащий не имел классного чина. Что же касается судебных следователей и прокуроров, то они имели гражданские чины в зависимости от конкретной должности, обычно IX–VI классов.

При добровольной отставке офицер или чиновник, как правило, получал повышение в чине: майор, выйдя из службы, становился отставным подполковником, титулярный советник – отставным коллежским асессором. При отставке за провинность – отставлялся «тем же чином». Гвардейский офицер, если он переводился в армию, обычно получал повышение на два класса: из гвардии майора в армейские полковники, из гвардии корнета в армейские поручики. Перевод из гвардии в армию тем же чином был равен разжалованию.

Всем чинам военной, статской и придворной службы, а также студентам и учащимся государственных средних учебных заведений предписывалось и дозволялось ношение мундира. Это нужно знать, чтобы представить себе вид уличной толпы, посетителей общественных мест и тайных притонов тогдашнего Петербурга. Обладателей классных чинов и учащихся в столице было, как нигде, много. Военные носили мундиры полков. После Крымской войны 1853–1856 годов форма была несколько упрощена по сравнению с эпохой Николая I; в частности, блестящие эполеты были заменены скромными погонами (эполеты были оставлены для парадов). Офицеры всюду и всегда появлялись только в форме; ношение ими штатского платья считалось несовместимым с офицерской честью, оскорбительным для полка. Особенно выделялись на улицах и в общественных местах Петербурга гвардейские мундиры. Большинство офицеров, находившихся в Петербурге, служили в гвардейских полках. Гвардейские мундиры различались цветом сукна и сохраняли еще множество декоративных элементов – золотое и серебряное шитье, меховые выпушки и т. д. Рядом с ними скромно темнели мундиры статских служащих: в отличие от военных они были одинаковыми, или почти одинаковыми, у большинства чиновников. Черный двубортный сюртук или фрак определенного покроя, без знаков различия, но с форменными медными пуговицами, украшенными двуглавым орлом; панталоны; фуражка с кокардой (эти фуражки были введены в 1856 году); у высших чинов – сюртук, шитый золотом, и треуголка. На кокарде изображался символ ведомства, в котором служит чиновник. От них отличались мундиры студентов (шинель, куртка со стоячим воротником, фуражка с околышем и кокардой; цвет мундира и форма кокарды обозначали институт, в котором учится владелец), гимназистов и дипломатов. Ношение этих

мундиров было обязательно в присутственных местах и во время службы (учебы); вне ее чиновник или учащийся мог появляться в партикулярном платье. Свои мундиры, и очень роскошные, были, разумеется, у придворных. Полицейские носили синие мундиры; жандармы – голубые.

Табель о рангах

(состояние на конец XIX века){Дается по изданию: Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1. А—Г. М., 1989. С. 661–663.}

Класс	*Придворная*	*Придворная*	*Статская*
I	—	Генерал-фельдмаршал, генерал-адмирал	Канцлер, действительный тайный советник I класса
II	Обер-камергер, обер-гофмаршал, обер-шталмейстер, обер-гофмейстер, обер-егермейстер, обер-шенк, камергер, гофмаршал, шталмейстер, егермейстер, гофмейстер, обер-церемониймейстер, обер-форшнейдер	Генерал от инфантерии, кавалерии, артиллерии; адмирал (флот)	Действительный тайный советник
III	—	Генерал-лейтенант, вице-адмирал (флот)	Тайный советник
IV	—	Генерал-майор, контр-адмирал (флот)	Действительный статский советник
V	Церемониймейстер	—	Статский советник
VI	Камер-фурьер	Полковник, капитан 1-го ранга (флот)	Коллежский советник
VII	—	Подполковник; капитан 2-го ранга (флот)	Надворный советник
VIII	Камер-юнкер[1]	До 1884 г. майор, после 1884 г. капитан, ротмистр (кавалерия), капитан-лейтенант (флот)	Коллежский асессор
IX	—	До 1884 г. капитан, ротмистр, после 1884 г. штабс-капитан, штабс-ротмистр (кавалерия), лейтенант (флот)	Титулярный советник
X	—	До 1884 г. штабс-капитан, штабс-ротмистр, лейтенант, после 1884 г. поручик, мичман (флот)	Коллежский секретарь
XI	—	До 1884 г. поручик	Корабельный секретарь[2]
XII	—	Подпоручик, после 1884 г. корнет; до 1884 г. мичман (флот)	Губернский секретарь
XIII	—	До 1884 г. корнет, после 1884 г. прапорщик	Провинциальный секретарь, сенатский, синодский, кабинетский регистратор
XIV	—	До 1884 г. прапорщик	Коллежский регистратор

[1] Придворный чин камер-юнкера мог соответствовать чинам VII–IV классов.

[2] Гражданские чины XI класса (корабельный секретарь) и XIII класса (сенатский регистратор, синодский регистратор, кабинетский регистратор, провинциальный секретарь) числились в Табели, но не присваивались. В 1884 году они были упразднены.

Чин во многом определял психологию и социальный статус человека. Чин не только обязательно указывался в документах, но и становился как бы частью имени его носителя. Действительный или бывший служащий при знакомстве представлялся, называя сначала чин, а потом имя. Младший в чине всегда с долей подобострастия обращался к старшему. Старший немного снисходительно и свысока смотрел на младшего.

Чинам соответствовала и строго определенная форма словесного обращения. К обер-офицерам и чиновникам XIV–X классов положено было обращаться «ваше благородие». К штаб-офицерам и чиновникам IX–VI классов – «ваше высокоблагородие». К особам V класса – «ваше высокородие». К генералам – «ваше превосходительство». К особам первых двух классов – «ваше высокопревосходительство». Эти обращения были обязательны со стороны младших к старшим; среди равных или неслужащих дворян бытовало обращение «милостивый государь». Эти обращения использовались как в устной речи, так и на письме. Не использовались – только накоротке, между друзьями.

Для полноты картины – два слова о дворянских титулах. Подавляющее большинство российского дворянства было нетитулованным. Почти половина его к тому же не являлась родовитой, а выслужилась в XVIII–XIX веках. Лишь самая верхушка, несколько процентов дворян, носили титулы: князь, граф, барон. Единственный титул русского происхождения – князь. Большинство князей считали себя либо потомками Рюрика (например, Вяземские), либо – Гедимина (например, Голицыны), либо – Чингисхана (например, Юсуповы). Родственники угасшего рода царей Грузии при присоединении ее к России тоже получили княжеский титул (Багратионы, Грузинские, Имеретинские). Со времен Петра, однако, государи и государыни начинают жаловать княжеский титул своим самым избранным приближенным. В XVIII веке это делалось так: российский император договаривался со своим союзником, императором Австрии, который был также императором Священной Римской империи, и тот награждал фаворита титулом «князь Римской империи». Такими князьями Римской империи были Меншиковы, Орловы (от екатерининского фаворита Григория), Суворовы и т. д. В XIX веке русские государи сами, правда в исключительно редких случаях, раздают княжеское достоинство. Так появились, например, князья

Голенищевы-Кутузовы.

Гораздо чаще император в награду за длительную успешную службу или за какие-то исключительные заслуги жаловал своим сановникам графский титул. За полтора столетия появилось довольно много таких служилых графов: Бенкендорфы, Палены, Киселевы, Васильевы, Толстые, Панины, Игнатьевы, Шуваловы и пр. В общественном сознании графы стояли много ниже князей, но неизмеримо выше прочего дворянства. К графам и князьям полагалось во всех случаях обращаться «ваше сиятельство». В отдельных случаях, если государь жаловал князю еще и дополнительный титул – «светлейший», – следовало обращение «ваша светлость». Баронский титул, за редкими исключениями, не жаловался, а принадлежал главным образом представителям остзейской (прибалтийской, немецкой) или шведской родовой аристократии: бароны Дельвиги и Корфы, Врангели и Розены. В общественной иерархии бароны стояли значительно ниже князей и графов.

Титул (любой) давал дворянину особое положение в обществе. Титулы ценились в купеческой и мещанской среде, и нередкими были случаи браков, связанных со стремлением капиталистов породниться с бедными носителями титула. Титул также рассматривался как своего рода гарантия благородства и честности. Поэтому преступления и всяческие темные деяния, в которых были замешаны представители титулованной знати, привлекали к себе особое внимание общественности.

Он не то чтобы жаден, но любит копейку

Петербург был самым дорогим городом Европейской России. Здешние цены позволяли жить, не переходя черты бедности, на 300–400 рублей в год. Впрочем, понятие бедности и богатства – относительное. Петербург был поистине городом контрастов, и в то время как богатые люди проживали здесь, бывало, по нескольку сотен тысяч в год, средний петербургский обыватель существовал на жалованье или иной доход в несколько сотен рублей в год.

Вот кое-какие разрозненные данные, позволяющие почувствовать масштаб доходов жителей Петербурга пореформенных десятилетий.

Заработок прислуги или дворника, при бесплатном жилье и столе, составлял около 100 рублей в год.

Жалованье чиновника средней руки, самого характерного представителя петербургского среднего класса, составляло 500–600 рублей в год.

Чтобы быть членом коллегии присяжных в столице, надо было владеть недвижимостью не менее чем на 2 тысячи рублей или получать 500 рублей ежегодного дохода (что соответствует капиталу в 8–9 тысяч рублей). Присяжные – в основном средний класс, в имущественном отношении стоящий несколько выше черты бедности. Для кандидатов в мировые судьи, то есть для людей состоятельных и материально независимых, устанавливался втрое более высокий ценз.

Хорошо оплачиваемые государственные служащие, например штатные профессора университета или учителя гимназий, получали 1000–1500 рублей в год (профессора еще и казенную квартиру, что при дороговизне престижного жилья в Петербурге было очень существенно). Высокопоставленные столичные чиновники – на порядок больше: прокурор Петербургского окружного суда – около 8 тысяч; директор департамента в министерстве – около 10–12 тысяч рублей.

Наиболее весомые статьи расходов составляли траты на жилье, прислугу и свой выезд, если таковой имелся (свой выезд – признак богатства; прислугу же нанимали даже лица весьма среднего достатка). Цены на всё в «городе контрастов» были в полтора-два раза выше, чем в провинции. Проживание в недорогом номере респектабельной гостиницы стоило 3–5 рублей в день. В дешевых трактирах переночевать можно было за 20–30 копеек. В грязной и преступной «Вяземской лавре» (см. ч. III, гл. «Преступное сердце Петербурга») за ночлег брали пятак. Копеек 30–40 стоил обед в кухмистерской. Зато в дорогом ресторане за ужин с вином можно было выложить 10–15 рублей. За фунт говядины (около 400 г) на Сенном рынке просили гривенник (10 копеек) или пятиалтынный (15 копеек). Французская булка стоила пятак, а соленую салаку «чухонцы» продавали всего по 15 копеек за сотню! За проезд от Николаевского вокзала на Васильевский остров извозчик запрашивал полтину; впрочем, надо было торговаться. За 3–4 тысячи можно было купить маленькое именьице, по-нашему – дачу; а за 15–20 тысяч – вполне приличное поместье. Надо, однако, отметить, что цены в пореформенные годы сильно менялись, жизнь быстро дорожала, а деньги обесценивались.

Курс русской национальной валюты во второй половине XIX века – со времен Крымской войны до денежной реформы С. Ю. Витте – был весьма неустойчив. В 1860–1870-е годы колебаниям курса способствовали, во-первых, последствия Крымской войны и завершившейся только к 1860-м годам войны на Кавказе; эти войны осложняли экономическую жизнь страны и способствовали росту государственного долга. Во-вторых, огромные

государственные расходы на проведение реформ (прежде всего крестьянской, в частности, на ссуды крестьянам для погашения выкупных платежей помещикам). В-третьих, распространившиеся биржевые спекуляции, игры на курсе, шаткость нарождающейся банковской системы: как раз 1860–1870-е годы ознаменовались целой серией громких и драматичных банковских крахов, унесших сбережения массы средних вкладчиков и подорвавших доверие к русскому рублю. Наконец, в-четвертых, Русско-турецкая война 1877–1878 годов, победоносная, но стоившая огромных расходов, способствовала резкому росту цен. Укрепить рубль удалось только во второй половине 1890-х годов, когда Министерство финансов, руководимое Витте, смогло накопить достаточные запасы золота и валюты, чтобы ввести золотое обращение и привязать стоимость кредитного рубля к золотому эквиваленту.

Он не прочь покутить – когда случатся денежки

Надо сказать, что при известной склонности к скопидомству питерский обыватель – как дворянин, так и купец, и мещанин, и офицер, и нижний чин – представляется нам большим любителем при случае кутнуть «во всю лопатку». Для этого в городе существовало немалое количество мест – фешенебельных и сомнительных, дорогих и дешевых, а иногда – фешенебельных, дорогих и сомнительных одновременно.

Самыми утонченными были рестораны закрытых клубов. Самые-самые среди них – Морской яхт-клуб на Большой Морской, между Гороховой улицей и Исаакиевской площадью; Английский клуб (он несколько раз менял адрес, располагаясь то на Мойке, то на Английской набережной, то на Итальянской улице, то на Невском в доме Бернадаки, неподалеку от Михайловской улицы). Членами этих клубов состояли министры, великие князья, не говоря о титулованных аристократах и богачах вроде князя Демидова-Сан-Донато, купившего себе княжество в Италии и проигрывавшего в Английском клубе целые состояния.

Далее шли рестораны дорогих гостиниц, сосредоточенных преимущественно вокруг Большой Морской и начала Невского: «Бель-вю», «Демут», «Отель де Франс», «Гранд-отель». Там же, поблизости, располагались шикарные рестораны Дюссо (Большая Морская ул., 11), Донона (Мойка, 20), Пивато (Большая Морская ул., 38), Бореля (Большая Морская ул., 8), Кюба (угол Большой Морской ул. и Кирпичного пер.). Эти заведения, угнездившиеся в самых фешенебельных местах столицы, посещаемые богатыми аристократами и нуворишами, служили излюбленными местами

проведения банкетов и юбилеев преуспевающих петербургских дельцов, центрами времяпрепровождения столичной «золотой молодежи». В ресторане Дюссо разворачивается действие поэмы Некрасова «Современники», в которой поэт (сам завсегдатай дорогих ресторанов и игорных клубов) едко-сатирически изображает пиршества новых хозяев жизни пореформенной России:

У Дюссо готовят славно
Юбилейные столы;
Там обедают издавна
Триумфаторы-орлы…

Бытописатель Петербурга В. О. Михневич следующим образом характеризует сии заведения в ироническом словаре «Наши знакомые». Донон: «…Цены умеренные, всего два рублика за обедец…» Дюссо: «Французско-татарский аристократический ресторан…» Борель: «…проедаются и пропиваются в один присест такие деньги, которых хватило бы на продовольствие иной голодной деревни в течение года».

Нередко упоминает эти заведения – наряду с другими, им подобными, – Салтыков-Щедрин: «Сидит, например, Феденька за тонким обедом у Бореля, сквернословит насчет предстоящих ему карьер…» («Круглый год». Первое февраля). «Сегодня поют девки в „Ливадии“, завтра – будут петь в „Аркадии“… Сегодня пьянство у Донона, завтра – у Дюссо, послезавтра – у Бореля…» («Пестрые письма». Письмо первое). «Ливадия», «Аркадия» – это пригородные рестораны и увеселительные сады с опереточными театрами, популярные среди светской и полусветской петербургской публики. В Новой Деревне, в Шувалове и других модных во второй половине XIX века местах отдыха состоятельных петербуржцев процветал еще ряд таких заведений: «Озерки», «Дорот» (Черная речка, Ланское шоссе, 17), «Красный кабачок» (по Петергофскому шоссе). Ресторан «Дорот» В. О. Михневич характеризует в соответствующей статье словаря «Наши знакомые» как «фирму загородного притона для фешенебельного обжорства».

Это все – места дорогие, с ценами поистине грабительскими. Из заведений, более приемлемых для кутежа средних питерских обывателей, можно назвать ресторан Благородного собрания (дом Елисеева, Невский пр., 15), «Малый Ярославец» на Большой Морской, ресторан и кондитерскую «Доминик» на Невском у лютеранской кирхи (первое место по количеству посетителей, приличное качество, приемлемые цены), винные погреба Фохтса

(12 погребов в разных местах города: Невский пр., 20, угол Воскресенского пр. и Сергиевской ул.; у Кокушкина моста и др.), ресторан Ротина в гостинице «Москва» (угол Невского и Владимирского пр.) и, конечно же, вездесущих конкурентов – Палкина и Одинцова.

Фруктово-овощной магазин Одинцова, считавшийся лучшим в городе заведением такого рода, располагался в так называемых Милютиных (по-другому – Серебряных) рядах, на Невском, у Думской башни. В этом же магазине находилась и приличная закусочная-распивочная с «кабинетами». Другой одинцовский магазин помещался на углу Гороховой и Малой Морской. Палкин развернул в городе целую сеть трактиров и закусочных; столицей этой империи был ресторан «Новый Палкин» на углу Невского и Владимирского, напротив гостиницы «Москва», если смотреть через Владимирский.

Чуть ниже рангом, чем вышеназванные рестораны, стояли развлекательные театры, кабаре и кафешантаны, в коих актрисы нестрогих нравов разыгрывали легкие оперетки, отплясывали канкан, куда манили недорогие буфеты с обилием горячительных напитков. Театр «Буфф» на Невском, возле нынешнего Елисеевского магазина; театр Берга на Екатерингофском проспекте (ныне пр. Римского-Корсакова); «Орфеум» на Владимирском (где сейчас Театр Ленсовета); сад и театр «Аквариум» на Каменноостровском проспекте; наконец, совсем уже развеселые и низкопробные танцклассы (по-нашему – дискотеки с баром) «Эльдорадо» и «Марцинки» (танцкласс Марцинкевича на углу Гороховой и Семеновского моста). Тут можно было и музычку послушать, и полюбоваться на бедра балерин, обнажаемые в лихом канкане, и мадеры выпить в буфете, закусив сладеньким, а после этого – поймать продажную фею на время или на ночь: тут сновало их великое множество на всякий вкус, возраст и темперамент.

Все мало-мальски «приличные» петербуржцы рвались в эти «райские» места; отставной надворный советник Фон-Зон, сутенер Александр Штрам, молоденький купчик Чекалин, его роковая возлюбленная буфетчица Лебедева и его соперник поручик Авксентьев, реальные убийцы и жертвы, а также вымышленные персонажи Некрасова, Крестовского, Достоевского, Салтыкова-Щедрина – все побывали тут. А у кого вовсе уж плохо было с денежками – тех ждали дешевые трактиры, «ренсковые» погреба, полпивные, кухмистерские, а то и просто обжорки Сенного рынка, Ямской улицы или копеечного «Малинника», что на Сенной площади.

Он всюду ходит с паспортом. Или без паспорта

В России существовала жесткая, архаичная и очень неудобная паспортная система. Основы ее были заложены еще законами Петра Великого; при Николае I в 1833 году был принят «Свод уставов о паспортах и беглых».

Паспорт (или, что то же самое, «вид на жительство») служил не только (и не столько) документом, удостоверяющим личность, но, главное, пропуском, разрешающим пребывание и перемещение в пределах государства Российского. Статья 1 «Свода уставов о паспортах» гласила: «Никто не может отлучиться от места своего постоянного жительства без узаконенного вида, или паспорта». Эта норма была введена еще указом Петра Великого в 1719 году и за полтора столетия не претерпела изменений. Устав определял также: «Постоянным местом жительства (водворения) является то место, 1) где кто обязан службою или состоит в ведомстве оной; 2) где находится недвижимое его имущество…; 3) где кто был записан в книгах дворянских, городовых, ревизских…» (статья 2). Паспортная система привязывала человека к службе, имению или податной общине (в паспорте делались отметки об уплате подати). При этом наряду с имущественным и служебным критерием для определения места жительства применялся и критерий сословный (дворянские, городовые книги – списки лиц дворянского, купеческого и мещанского сословия; ревизские книги – данные переписи податных крестьян). После отмены крепостного права население стало неизмеримо более подвижным, назревала необходимость коренного реформирования податной системы, но таковая реформа была осуществлена лишь на рубеже XX века. Прежние нормы, определяющие место жительства, явно устарели… И тем не менее долго продолжали применяться.

Паспорта полагалось иметь всем лицам мужского пола. Женщины считались ограниченно правоспособными и обычно вписывались в паспорт мужа (незамужние – в паспорт отца). Отдельный вид на жительство женщина могла получить в случае смерти мужа (отца); при расторжении брака; в случае, если супруги жили раздельно и муж был согласен на выдачу паспорта жене; а также в тех случаях, когда жене по суду удалось доказать невозможность совместного проживания с мужем (например, вследствие его жестокого с ней обращения). Можно было, конечно, получить паспорт проститутки, так называемый желтый билет… Но об этом – ниже.

Уставы предусматривали два вида паспортов: бессрочные и срочные. Бессрочные паспорта выдавались только офицерам и

чиновникам, уволенным в отставку, их вдовам и дочерям, а также выслужившим срок нижним чинам военной службы. Для последних местом водворения становились крестьянские или городские общины, к которым они приписались.

Все остальные получали паспорта на срок. Служащие дворяне при необходимости отлучиться от места службы испрашивали служебный паспорт у начальства. В нем указывались чин, имя, фамилия, служба, должность, место, куда отпущен, и срок. Духовным лицам паспорта выдавали епархиальные архиереи и консистории (монахам – настоятель монастыря). Лицам купеческого сословия и мещанам – городские думы или магистраты; крестьянам – волостные правления. Евреям паспорта выдавались для временного пребывания только в черте оседлости; для проживания вне ее требовалось особое разрешение полицейских властей.

За соблюдением паспортных уставов следили полиция, дворники и домохозяева. По действовавшим правилам «всякое лицо, прибывшее в Санкт-Петербург, обязано дать заведывающему домом, в котором остановится, вместе с видом на жительство сведения о себе и о малолетних детях».

Таким образом, лицо, отлучившееся надолго от постоянного места жительства, должно было своевременно, до истечения срока, вернуться и получить новый паспорт. Тот же, кто оказался вне постоянного места жительства без паспорта или с просроченным паспортом, должен быть административным порядком, по этапу, в кандалах, водворен на место. Можно представить себе, сколько опасных неприятностей подстерегало российского жителя вследствие действия такой паспортной системы. Особенно часто сталкивались с ее мрачными проявлениями крестьяне, жившие отхожим промыслом и городскими заработками. Все они должны были время от времени получать новые паспорта, а для этого – покидать рабочие места, ехать домой, ждать, когда волостное правление соизволит заняться оформлением бумаг… Можно было, конечно, выправить паспорт и по почте, но волостные писари предпочитали получать взятки при личном свидании… Не лучше было и положение мещан и инородцев, проживавших не в тех городах, к которым были приписаны. В результате крупные развивающиеся города, и особенно Петербург, были буквально наводнены нарушителями паспортного режима, большинство которых становились таковыми невольно. Между тем все они, наравне с отпетыми угловниками и убийцами, подлежали в случае поимки отправке в указанные места в кандалах и по этапу.

Ненормальность положения была очевидна; об этом писали

многие юристы и публицисты. А. Ф. Кони, в бытность свою прокурором Петербургского окружного суда, специально водил одного из сыновей Александра II, юного великого князя Сергея Александровича, в пересыльную тюрьму в Демидовом переулке, дабы показать ему ужас положения вольных и невольных нарушителей уставов о паспортах (см. ч. III, гл. «Тюрьмы императорского Петербурга»). Несколько раз была собираема комиссия для разработки новых паспортных законов; в состав ее входили сенаторы и министры… И все это (типичная для России ситуация!) заканчивалось ничем. Архаичная, не соответствовавшая времени, тормозившая развитие общества и нравственно ущербная система сохранялась практически без изменений вплоть до 1895 года, когда наконец был принят новый, более прогрессивный Закон о паспортах и видах на жительство.

Он не любит пришлых, но сам – человек пришлый

В Петербурге, как и в других промышленно развитых городах России, основная масса вольнонаемных рабочих в те годы была представлена выходцами из деревни. Одни из них приходили в город на сезонные заработки, а потом возвращались домой, в деревню. Другие перебирались на постоянное место работы и жительства. В столице, бурно развивавшейся и строящейся, умножались артели рабочих: строительные, плотницкие, малярные, каменщицкие и пр. Всего, по данным полиции, на 1869 год в городе было зарегистрировано 1176 артелей. Обычно артели формировались по земляческому принципу: артельщики-вытегорцы набирали себе работников, знакомых и незнакомых, из Вытегорского уезда Олонецкой губернии; уроженцы Солигалича Костромского – своих, солигалицких земляков, тотемские-вологодские жители – своих и так далее. Кроме артельщиков, множество крестьянских выходцев прибывало в город поодиночке. Мужчины шли на заводы и фабрики, на дорожные и строительные работы; крестьянки – в услужение: в кухарки, няньки, горничные; крестьянские мальчишки попадали «в учение», то есть за жилье и харчи служили на побегушках, помогали в трактирах, лавках, мастерских. Особенно много в Питере было трудящихся из Петербургской, Новгородской, Тверской, Ярославской и Костромской губерний. Существовала специализация по регионам: костромские составляли артели маляров, столяров и плотников; грузчиками («крючниками») трудились тверские и смоленские артельщики; индивидуалисты-ярославцы служили половыми в трактирах и приказчиками в лавках; они же составляли большинство пригородных

огородников, снабжавших город овощами; чухонки чаще всего устраивались кухарками; эстонки слыли хорошими экономками; извозом занимались новгородские, тверские, а также финляндские уроженцы.

Как показывают экономические исследования, для населения нечерноземных областей России «отхожий промысел» в конце XIX века составлял источник дохода более значительный, чем сельское хозяйство. Выходцы из деревни по документам числились в крестьянском сословии. В пореформенные годы их численность в столице измерялась сотнями тысяч; плюс еще около 50–80 тысяч человек (8–12 % населения города) прибывало в Петербург на сезонные работы, преимущественно летом.

Разумеется, большинство выходцев из деревни были не прочь остаться здесь навсегда, основываясь на соображениях гоголевского Осипа: «Если пойдет на правду, так житье в Питере лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная…» Прочие питерские жители, которые сами были в подавляющей массе людьми пришлыми, недолюбливали вновь прибывающих. Да, наверно, и было за что. Немалое количество бойцов преступного мира рекрутировалось из этих «крестьян на заработках» – например, жуткая убийца Дарья Соколова (об этом см. в ч. II, гл. «Знаменитые убийства»). Впрочем, и жертв преступлений среди них было немало – убили же злоумышленники доверчивого чухонца-извозчика Андерса Паксу (об этом см. в ч. III, гл. «Дворяне в Мещанской…»).

Он косится на изгоев, но сам нередко становится изгоем

А теперь о непременном зле больших городов – о люмпенах.

Люмпенизация населения в Питере после отмены крепостного права приобрела угрожающий размах. Жесткие особенности паспортной системы, по мысли властей, должны были сдерживать этот процесс: паспорта привязывали людей к своим податным общинам, к своей собственности и местам жительства; беспаспортное бродяжничество каралось в административном порядке высылкой или тюрьмой. Но административные меры не достигали цели. Об этом свидетельствует процветание в Северной столице (как ни в каком другом городе России) нищенства и проституции.

Нищенство как таковое, то есть существование за счет выпрашиваемого подаяния, было запрещено в Петербурге еще указами Петра Великого. С правовой точки зрения оно являлось административным правонарушением, как и нарушение

паспортного режима. В обязанности петербургской полиции входило выявление профессиональных нищих, их задержание и либо отправление к месту постоянного жительства, если таковое имеется, либо привлечение к труду, либо определение в богадельни по состоянию здоровья. Ради оказания помощи полиции в этом деле в Петербурге с 1837 года существовал так называемый Комитет для разбора и призрения нищих; в него входили представители как полицейских властей, так и общественности. Комитет занимался сортировкой задержанных нищих и бродяг и их определением в богадельни, работные дома или препровождением к месту жительства. Однако нетрудно догадаться, что эффективность работы полиции и Комитета была невелика. Высланные возвращались, направленные в работные дома и богадельни убегали оттуда и продолжали нищенствовать до следующей поимки. (Иной раз небезуспешно: так, в 1860-х годах наделал шуму случай, когда профессиональный нищий, некто Соловьев, умер, оставив наследникам 200 тысяч рублей капиталу.)

Помимо этого, в чопорном, ценящем добропорядочность Петербурге были широко распространены полускрытые формы нищенства. По словам В. Михневича, один севастопольский ветеран, «владея лоском светского образования… заводил блестящий разговор и между скобок политично вставлял словечко о своей мизерной пенсии и бедственном положении. Делал он это так ловко и остроумно, что хозяин сам предлагал ему лепту от щедрот своих». Другой отставной офицер облюбовал зимние пешеходные мостки через Неву, где нагло приставал к прохожим с требованием «оказать помощь» герою, проливавшему кровь за императора. Тут, как видим, подаяния напрямую или окольным образом просили лица, внешне вполне приличные; по виду, да и в самом деле принадлежащие к привилегированным сословиям. И таких было много. Привлечь их к ответственности при наличии паспорта было чрезвычайно трудно. Поэтому, несмотря на все запреты и неусыпную бдительность полицейских властей, нищенство в столице существовало, постоянно подпитываясь за счет неизбежной в условиях капиталистического города люмпенизации населения.

Процесс превращения добропорядочных петербуржцев в нищих люмпенов описан Достоевским в «Преступлении и наказании» на примере бывшего чиновника Мармеладова и всего его семейства. Мармеладов, опустившись и спившись, неминуемо встает на путь нищенства. Он ночует на дровяных барках и живет за чужой счет, но административному воздействию не подлежит, ибо проживает в постоянном месте, документы его в порядке и

открыто подаяния он не просит. Его жена и дети обречены либо на смерть, либо на воспитательный дом и богадельню, либо на профессиональное, противозаконное нищенство. Однако его дочь Соня идет по другому пути, вполне правовому, предусмотренному законами.

Если нищенство и беспаспортное бродяжничество не допускались, то проституция в дореволюционной России была явлением узаконенным. Вообще говоря, такой род заработка с правовой точки зрения рассматривался как частное дело. Для того чтобы зарабатывать продажей себя, женщине нужно было соблюдать «технику безопасности», то есть регулярно проходить медицинское освидетельствование, а также получить в полиции отдельный и особый вид на жительство, именуемый в обиходе «желтым билетом». Это не что иное, как паспорт проститутки: ведь вполне естественно, что профессиональная «жрица любви» едва ли проживала с мужем или отцом и, следовательно, была вписанной в его паспорт.

Живущая по «желтому билету» могла зарабатывать индивидуально, на свой страх и риск, а могла жить и «работать» в публичном доме (по второму пути в основном шли приезжие из других мест, не имеющие своего жилья женщины). Заметим кстати, что число зарегистрированных публичных домов в Петербурге неуклонно росло, в среднем прибавляясь на 10–15 заведений (7–9 %) в год (о чем докладывал государю императору неутомимый Трепов в своих ежегодных всеподданнейших отчетах). В той же пропорции росло и число «одиноких» владелиц «желтых билетов».

Главное правовое стеснение, которое налагало на женщину проживание по «желтому билету», заключалось в устанавливаемом за ней полицейском надзоре; он же проявлялся главным образом в периодическом обязательном медицинском освидетельствовании на предмет выявления венерических заболеваний и в принудительном лечении, буде такие заболевания обнаружатся. Освидетельствования и вообще надзор за «законными» проститутками осуществляла особая структура, находящаяся в ведении градоначальства: Врачебно-полицейский комитет. Он же следил за санитарным состоянием и порядком в публичных домах. Для проституток, у которых выявляли признаки болезни, существовала казенная больница, где они подвергались принудительному лечению. Располагалась больница у Калинкина моста, на южном берегу Фонтанки. Это обстоятельство нашло отражение в известном стихотворении Саши Черного «Городская сказка»:

…Потом у Калинкина моста
Смотрела своих венеричек.
Устала: их было до ста…

Традиции устойчивы: до сих пор почти на том самом месте находится Областной кожно-венерологический диспансер…

Разумеется, не все «падшие женщины» жили по официальным документам («оседлые проститутки»), были и «бродячие». С юридической точки зрения эти последние являлись правонарушительницами, так как жили без паспорта. В качестве беспаспортных бродяжек, а вовсе не за свой род заработка, они подлежали наказанию в административном порядке. Нет сомнения, что именно этот контингент особенно досаждал полиции и властям города, борьба с ним была столь же эффективна, как и в наше время. Процветанием незаконной, а стало быть, неконтролируемой проституции следует объяснить широкое распространение венерических болезней во всех слоях петербургского общества, особенно среди столичной молодежи. В том числе – увы, увы – среди молодых интеллигентов: гимназистов старших классов, реалистов, студентов… Позволим себе высказать предположение: среди революционно настроенной молодежи, митинговавшей под красными знаменами в сентябре—октябре 1905 года, не меньше трети переболели гонореей или были заражены сифилисом…

Он – человек семейный. Или мечтающий быть таковым

Идеал обывателя во все времена – надежный семейный очаг. Петербургский житель эпохи капитализма не исключение. Между тем данные статистики свидетельствуют о явном неблагополучии на этом фронте. К примеру, по переписи 1869 года из 538 тысяч взрослого населения столицы в браке состояло 226 тысяч человек обоего пола. Примерно 41 %! Из этого следует, что более половины столичных обывателей удовлетворяли свои половые (физиологические и психологические) потребности вне брака. Это поразительное для дореволюционной России соотношение отчасти объясняется наличием большого количества солдат, матросов, приезжих рабочих-артельщиков и прочего люда, «молодого, холостого, незарегистрированного». Кстати, в силу этих же причин мужское население в столице значительно преобладало над женским, примерно в соотношении 6: 4. Благодатная почва для всевозможной девиантности в семейной

сфере!

Дефицит семьи восполнялся по-разному: продажная любовь, внезаконное сожительство, обзаведение содержанками – все это стало нормой жизни, Трудно назвать состоятельного человека, тем более в генеральских чинах, который бы не мог похвастаться перед приятелями хорошенькой содержанкой. Тон задавал император Александр Николаевич, открыто живший (от живой жены) с Екатериной Долгорукой (княгиней Юрьевской); за ним поспевали великие князья, министры, директора департаментов, финансисты; на этих, в свою очередь, равнялась мелочь вроде старшего кассира Общества поземельного кредита Юханцева (в будуаре его содержанки цыганки Шишкиной обнаружили горы драгоценностей, купленных на украденные в Обществе деньги). Простой народ, не имея возможности оплачивать дорогую любовь, искал выхода в простом сожительстве; идеологизированные студенты и курсистки называли это гордо «гражданским браком»; пролетарии не называли никак, а просто сожительствовали.

Такое положение дел порождало проблемы: огромное количество незаконных детей и имущественные конфликты.

Надо отметить некоторые особенности тогдашнего законодательства о браке и семье. Оно противоречиво. Если имущественные отношения супругов регулировались вполне созвучными капиталистической эпохе законами, то в основе семейного права лежали принципы религиозно-конфессиональные, очень возвышенные и правильные, но находившиеся в остром (и все более обостряющемся) противоречии с условиями реальной жизни.

Брак – дело добровольное. Статья 12 Законов гражданских Свода законов Российской империи: «Брак не может быть законно совершен без добровольного и непринужденного согласия сочетающихся лиц». Брачный возраст: с 18 лет для мужчин и с 16 для женщин; предельный возраст для заключения брака – 80 лет (как сказано в законе 1744 года: «Брак от Бога установлен для продолжения человеческого рода, чего от имеющих за восемьдесят надеяться весьма отчаянно»). В остальном законодательство устанавливало различные нормы для представителей разных вероисповеданий. Для мусульман, например, допускалось многоженство, и отношения супругов регулировались шариатом. Брак между лицами христианских исповеданий заключался только в церкви, гражданской регистрации для них не существовало. Православный брак считался заключенным после совершения обряда венчания, о чем делалась запись в церковной книге и выдавалось свидетельство.

Гражданские браки в России вообще не допускались и не признавались, если были заключены в других странах. Исключение делалось для старообрядцев-беспоповцев, браки которых регистрировались в полицейских управлениях.

В свое время Синод осудил браки между кровными родственниками до седьмой нисходящей, восходящей и боковой степени родства; запрет распространялся и на находящихся в тех же степенях духовного родства (духовные родственники – кумовья, то есть имеющие общих крестников). Законы гражданские смягчили эти непомерно суровые запреты, сохранив их для кровных и духовных родственников лишь до четвертого колена.

Православным дозволялось вступать в брак с иноверцами при следующем условии: супруг, исповедующий иную религию, дает письменное обязательство не совращать в свою веру православного супруга и воспитывать общих детей в православии.

Для вступления в брак требовалось согласие родителей. Если же брак был заключен без такового и после родительское прощение не было дано, то супруги лишались права наследовать имущество родителей. Лица, состоящие на службе, должны были получить согласие начальства на брак, иначе они подвергались дисциплинарному наказанию. Запрещено было вступать в брак лицам, осужденным за двоебрачие, и лицам, виновным в расторжении предыдущего брака. Последнее обстоятельство крайне обостряло проведение и без того трудных и тягостных бракоразводных процессов: каждый из супругов знал, что если он будет признан виновным в расторжении брака, то потеряет возможность в будущем вступить в законный брак.

Брак мог быть признан недействительным: если он был заключен в результате насилия; при признании сумасшествия одного из супругов; в случае, если супруги находятся в недозволенной степени родства; при наличии другого нерасторгнутого брака.

Статьи 106–107 Законов гражданских, определяя взаимные обязанности супругов, опираются на Священное Писание (Первое послание апостола Павла к коринфянам, глава 7; послание к ефесянам, глава 5 и др.): «Так должны мужья любить своих жен, как тела свои: любящий свою жену любит самого себя» (Еф. 5: 28). «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу» (Еф. 5: 22). Власть мужа над женой декларировалась законом. Жена обязана была носить фамилию мужа и, как правило, вступала в сословие мужа. Жена не могла проживать самостоятельно, она вписывалась в мужнин паспорт, и место ее жительства определялось по месту жительства мужа. В соответствии с буквой закона жена обязана

была «следовать за мужем» и в случае отказа могла быть, по его жалобе, «принудительно к нему водворена». Муж не мог подвергнуть жену телесному наказанию (закон 1848 года); жене предоставлялось право, жалуясь в суд на жестоко обращающегося с ней мужа, требовать судебного разлучения с ним (не развода!). В случае удовлетворения жалобы она получала отдельный вид на жительство и обретала самостоятельность. Разумеется, разлученные по суду супруги не имели права вступать в новый законный брак.

Имущественные права супругов были в основном равными. Закон признавал жену дееспособной; приданое рассматривалось как ее собственное имущество, которым она распоряжается совершенно свободно, тогда как муж – только по доверенности. При разделе имущества (например, в случае судебного разделения супругов) жена имеет право на половину совместного имущества. Разрешались и сделки между супругами. Жена не может подписывать векселя без согласия мужа, но может выдавать заемные письма, что почти то же самое. При этом муж был обязан содержать жену, но не наоборот. Соответственно, жена была вправе требовать у мужа содержания. Эта обязанность (со стороны жены – право) прекращалась, если жена не выполняла супружеских обязанностей, например отказывалась следовать за мужем.

Закон не определял четко границы применения родителями телесных наказаний в отношении детей. Запрещено было калечить, ранить детей и доводить их до самоубийства. Убийство детей родителями каралось в соответствии с Уложением о наказаниях на общем основании, а на практике – строже. С другой стороны, телесные наказания, не повлекшие тяжких последствий, не были запрещены законом. На этих законодательных нюансах основано, в частности, громкое дело банкира Кронеберга, обвиненного в истязаниях малолетней дочери, но оправданного присяжными под влиянием казуистической речи адвоката Спасовича.

Родителям дозволялось за неповиновение или за «развратную жизнь» заключать детей в тюрьму на срок до четырех месяцев (точнее, требовать заключения у полицейских властей; но власти часто отказывались выполнять такие требования). Родители были обязаны воспитывать детей и предоставлять им содержание. Лишение родительских прав могло иметь место в одном случае: если православные родители воспитывали детей в иной вере.

Законнорожденные дети наследовали права и состояние родителей. При этом законнорожденными считались только дети, родившиеся после церковной регистрации брака; впрочем,

родившиеся вне брака могли быть признаны законнорожденными, если их родители впоследствии вступали в брак. Незаконнорожденные следовали состоянию матери, то есть носили ее фамилию и принадлежали к ее сословию; отчество давалось по имени крестного. Незаконные дети дворян могли получить дворянство и право носить фамилию и отчество отца только именным указом государя. Родительская власть над незаконнорожденным принадлежала матери; при этом отец обязан был материально содержать его наравне с матерью и мог участвовать в его воспитании. Очень важно, что незаконнорожденные дети были сильно ограничены в правах наследования: они наследовали только благоприобретенное имущество матери. Наследования ими ее родового имущества или имущества отца не допускалось.

Итак, законный брак предоставлял супругам важные права, но также налагал обязанности, которые иногда становились очень тягостными. Внебрачное же сожительство, хотя и не влекло особо обременительных правовых последствий, было очень шатким и морально трудным, ибо оставляло женщину материально не обеспеченной, детей – бесправными, к тому же оно осложнялось особенностями паспортной системы, властью законного мужа, правами законной жены, а иногда и властью родителей. Наконец, оно все еще достаточно сурово осуждалось общественным мнением, во всяком случае когда шла речь о женщине.

Все эти обстоятельства порождали одну особенно болезненную социальную проблему – проблему разводов. Здесь все зависело от вероисповедания супругов. Для мусульман развод регулировался шариатом: жена может оставить мужа и вернуться в дом родителей при наличии серьезного повода; муж может отпустить жену от себя, но при этом он должен вернуть приданое. У евреев муж мог расторгнуть брак при наличии любой серьезной причины, жена – только в строго определенных случаях. Христиане протестантских конфессий имели возможность осуществить развод по взаимному согласию. Между католиками брак считался в принципе нерасторжимым, допускалось только раздельное проживание супругов.

Для православных развод был в принципе возможен, но чрезвычайно затруднен законами и процедурными условиями. Как поводы для возбуждения бракоразводного дела рассматривались только: 1) прелюбодеяние; 2) двоебрачие; 3) явная неспособность к брачному сожительству; 4) безвестное отсутствие одного из супругов в течение более чем пяти лет, если оно не было вызвано виновным поведением оставшегося супруга; 6) покушение на жизнь супруга; 7) принятие монашества обоими

супругами по взаимному согласию; 8) ссылка супруга в каторжные работы с лишением всех прав состояния. Других оснований для развода – в том числе и пламенного взаимного желания супругов расстаться – закон не признавал.

Развод осуществлялся церковным судом – духовной консисторией, утверждался епархиальным архиереем и окончательно вступал в силу после рассмотрения в Синоде. Решающее значение придавалось формальному наличию доказательств, а не степени их убедительности. Скажем, факт прелюбодеяния должен был быть засвидетельствован под присягой двумя или тремя свидетелями, после чего он считался доказанным. Понятно, что из всех формальных поводов для развода именно этот использовался чаще всего, причем стороны шли на всевозможные ухищрения, дабы добыть свидетелей прелюбодеяния осточертевшего супруга – прелюбодеяния действительного или мнимого. Чаще всего таких «свидетелей» просто нанимали за деньги. В Петербурге существовал неплохой промысел «свидетеля по бракоразводным делам»; существовали и определенные места, гостиницы и трактиры, дающие, как пишет А. Ф. Кони, «приют мужьям, проделывавшим недостойную и грязную комедию, необходимую для получения развода».

Острота ситуации усугублялась еще и тем, что прелюбодеяние считалось уголовным преступлением, могло рассматриваться судом по жалобе одного из супругов и влекло за собой наказание в виде тюремного заключения на 3–8 месяцев для виновного супруга и для его соучастника (соучастницы) на 2–4 месяца, если он (она) не состоял(а) в браке, и на 4–8 месяцев, если в браке состоял(а). Правда, одновременное возбуждение такого дела и дела о разводе не допускалось, ибо закон рассматривал развод как наказание, а два наказания за один проступок не налагаются.

Если к этому еще добавить, что бракоразводные процессы тянулись долго, иногда годами, что с участников взыскивались судебные издержки, что вместе со взятками консисторским чиновникам и платой наемным «свидетелям» это составляло немалую сумму и что, наконец, супруг, признанный виновным в расторжении брака, навсегда лишался возможности вступить в новый законный брак, – то станет понятно, насколько тяжкой была эта процедура, доступная фактически только лицам из обеспеченных слоев общества, и насколько редкими – случаи разводов.

Тем не менее семейные связи становились в пореформенной России все менее устойчивыми. Если развод был для большинства супругов невозможен, то разъезд и раздельное жительство

практиковались широко. Беллетрист пишет об этом: «Они разъехались… По нынешним вольным правам это делается легко и просто. Семейный очаг повседневно разрушается: то из-за непришитой пуговки, то из-за сваренного вкрутую яйца, когда супруг любит яйца всмятку, то из-за модной шляпки, которую „варвар“-муж не хочет или не может купить своей несчастной прекрасной половине… Все эти „разрывы“, „разъезды“ и им подобные эпилоги семейных драм мотивируются обыкновенно на языке „соломенных“ вдовцов и вдов многозначительным и всеизвиняющим предлогом: „не сошлись характером“ – и баста!»

Наконец, отметим еще одно обстоятельство, осложняющее в особенности положение и личную жизнь женщин. Искусственное прерывание беременности (вытравливание плода, аборт) было законом запрещено и рассматривалось как уголовное преступление, равно как и содействие оному и недонесение об оном. Таким образом, если женщина полюбила и вступила в связь с человеком, не являющимся ее законным супругом, то вся тяжесть последствий ложилась на нее, либо заставляя притворяться и лицемерить, либо загоняя ее в некий круг зла, подталкивая к преступлению.

Немудрено, что несчастливые супруги порой вынуждены были решать свои семейные проблемы в обход закона, а иногда и прямо преступным путем. Среди тяжких преступлений в Петербурге второй половины XIX века преступления, в том числе и убийства, совершенные на семейно-бытовой почве, прочно занимали одно из ведущих мест в статистике правонарушений.

Немудрено также, что полицейская хроника Петербурга изобилует сообщениями об обнаружении трупов младенцев, умерщвленных матерями. Самым распространенным способом отделаться от «плода преступной любви» было утопление его в сортире. Увы, приходится признать весьма нелестный для репутации Петербурга факт: его обитательницы шли на этот отвратительный и грязный поступок с поразительной легкостью. Ни страх Божий, ни страх уголовного наказания не останавливал их. Те же, кто не решался на душегубство, очень часто отказывались от ребенка, сдавая его в Воспитательный дом. Это заведение располагалось в здании нынешнего РГПУ им. Герцена, в его корпусах, прилегающих к Гороховой. Здесь же находилось и Родовспомогательное заведение. Беззаконные роженицы могли здесь произвести на свет дитя и затем оставить его при Воспитательном доме. Это делалось бесплатно. В обмен – одно условие: мать полностью и навеки утрачивала родительские права на оставленного ребенка и никогда не должна была интересоваться его судьбой. И опять – посетуем: по данным

статистики, около 10 % рожденных в Петербурге детей поступали в Воспитательный дом или вкушали горькую судьбу подкидышей в частных домах.

Общее состояние преступности в пореформенные десятилетия

В заключение – несколько слов об общей криминогенной ситуации в России и Петербурге. Из данных статистики явствует, что в Петербурге – при всем очевидном неблагополучии, особенно в сравнении с прочими градами и весями России, – она выгодно отличалась по большинству показателей от того, что имело место в столицах «передовых» капиталистических стран Запада. Если же мы сравним показатели преступности Северной Пальмиры тогда и сейчас, то может показаться, что в городе Крестовского и Достоевского царили идеальное спокойствие и образцовый порядок, а отдельные проявления преступности отсутствовали вообще: так, например, ни Петербург, ни Россия не знали тогда, что такое организованная преступность. В юридическом языке того времени термин «бандитизм» просто отсутствует. Чрезвычайно редки (можно сказать – практически их нет) похищения людей с целью выкупа; немотивированные убийства или убийства, совершенные с особой жестокостью и цинизмом. Единичны сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних. Вообще, преступлений на сексуальной почве крайне мало; это заставляет задуматься: ведь нравы, особенно в образованном обществе, были неизмеримо более строгими, чем сейчас; впрочем, существовала узаконенная проституция…

Впечатляют своей умеренностью данные по особо тяжким преступлениям: в среднем 15 убийств и 12 изнасилований в год на город с населением в 600 тысяч жителей, то есть по 2–2,5 таких преступления на 100 тысяч человек в год (1868–1877). Современная нам статистика дает показатели на порядок более высокие. Не так уж велико было и число арестованных и содержавшихся под стражей: 2 человека на 100 жителей в среднем в год. Неизмеримо более гуманным, чем в наше время, было отношение общества к осужденным; несравненно лучше условия их содержания. Словом, по сравнению с нашим теперешним криминальным беспределом – просто рай. Тем не менее общее ощущение времени – мрачное и тревожное.

Дело в том, что эти кажущиеся нам умеренными цифры показывают резкий рост, даже, можно сказать, взлет преступности по сравнению с предшествующими десятилетиями и предваряют

еще более впечатляющий ее подъем в предреволюционные десятилетия. Не вдаваясь в чрезмерные подробности, укажем лишь некоторые сравнительные данные, взятые из статьи современного исследователя Б. Н. Миронова.

Общий уровень преступности в первой половине XIX века оставался стабильным. Если среднегодовые данные по всем преступлениям в пересчете на 100 тысяч населения в период 1803–1808 годов принять за 100 %, то 1831–1840 годы дают небольшой рост – 110 %, последующие же два десятилетия – некоторое снижение уровня: 1841–1850 годы – 95 %; 1851–1861 годы – 95 %. И после этого в первое же десятилетие реформ (1861–1870) – 146 %! Стремительный рост преступности продолжался и в последующие десятилетия и, после некоторого спада в 1890-х годах, достиг к 1913 году уровня 290 %. Итак, за пять пореформенных десятилетий число преступников на каждые 100 тысяч жителей в России выросло в три раза! При этом за время с 1861 по 1883 год имел место скачок с 95 % до 236 %.

Как то же самое выглядит в абсолютных цифрах? В 1851–1860 годы в стране было зарегистрировано 128 тысяч тяжких и 193 тысячи мелких преступлений и за них осуждено соответственно 31 и 45 тысяч человек (при населении 62 миллиона). В следующее десятилетие, когда население достигло 69 млн (рост незначительный), было зарегистрировано 188 тысяч тяжких и 411 тысяч (!) мелких преступлений и осуждено 41 и 61 тысяча человек.

Итак, именно мелкая преступность, создающая общий мутный криминогенный фон, росла в эти годы наиболее угрожающими темпами. Но, конечно, читателя интересуют данные по крупной преступности. Приводим некоторые из них.

Число некоторых преступлений, в среднем за год, тысячи

Вид преступлений	*1846–1857*	*1874–1883*	*1884–1893*	*1909–1913*
Убийства и покушения	4,2	3,8	5,2	32,6
Сексуальные преступления	0,6	1,8	3,1	14,4
Телесные повреждения	1,7	7,5	12,9	44,9
Грабеж, разбой	1,6	12,3	14,1	73,1

Количество убийств в первое пореформенное время не возрастает. Но зато стремительно растет количество преступлений против собственности и количество преступлений, связанных с неуправляемой агрессией. Российское общество становится все более агрессивным; все меньше ценятся в нем принципы неприкосновенности личности и имущества; рушатся устои общественной нравственности. Происходит явная раскачка общества изнутри. И в итоге – мы видим поистине устрашающие цифры 1909–1913 годов. С учетом роста населения (почти в три раза с 1846 по 1913 год) можно сделать выводы: ценность человеческой жизни уменьшилась втрое, сексуальная агрессия возросла в восемь раз, агрессия против личности – почти в девять раз, захват чужой собственности с применением насилия стал в пятнадцать раз более распространенным явлением. Совершенно понятно, почему за этим последовал 1917 год и 1918-й, революция и Гражданская война, бандитизм, красный террор и экспроприации.

Не будем сейчас анализировать это явление, ограничимся констатацией. Эпоха, последовавшая за отменой крепостного права, в истории криминала в России и Петербурге – переломная. На кривой динамики преступности в России она знаменует начало устойчивого и зловещего роста. Разумеется, в Петербурге все означенные процессы шли быстрее, чем в целом по стране. Возможно, поэтому ему и суждено было стать городом трех революций.

Часть II
Петербургские бесы

Человеку свойственно считать свою эпоху исключительной. Мы слышим и читаем о современном криминальном Петербурге – и нам кажется, что вследствие каких-то особенных козней дьявола именно в наши дни на город обрушилось цунами убийств, грабежей, поджогов, мошенничеств – в общем, всякого грязного обмана и насилия. Спору нет, криминальная обстановка нашего времени не дает расслабиться ни органам правопорядка, ни нам, простым гражданам. Однако и прежде в этом огромном, холодном, многоязыком и многоукладном городе творилось предостаточно самого отъявленного криминала. Началось с казнокрадства губернатора Данилыча, с пьяных буйств первых подневольных строителей города. И потянулось через столетия.

В наше время москвичи придумали Питеру название: «Криминальная столица России». Питерцы отреагировали на это по-разному: одни обиделись, другие возгордились. Оставив эмоции, скажем: криминальной столицей России во все времена была ее же политическая столица. 100–150 лет назад императорский Петербург действительно лидировал по этой части. Динамичный, многолюдный, он притягивал и честолюбцев-пассионариев, стремившихся сделать карьеру, и авантюристов чуть ли не со всего мира, и мелких жуликов, и бродяг, рассчитывавших перебиться здесь как-нибудь – милостыней, а то и воровством… Американка Фанни Лир, «окрутившая» великого князя; остзеец Штрам из Ревеля, зарезавший дядюшку из-за наследства; таинственный итальянец, выдававший себя за маркиза Боргезе, обобравший польскую помещицу Янину Коссову при помощи и содействии великосветской вдовы генеральши Хомутовой-Собаньской; доктор богословия баварец Пихлер, выкравший из Публичной библиотеки четыре тысячи книг… И так далее и тому подобное.

Конечно, преступный мир тогдашнего Петербурга кажется нам «детской комнатой милиции» по сравнению с криминальным разгулом нашего времени. И все же: с середины XIX века, с начала осуществления великих либеральных реформ, уровень преступности в России рос стремительно, и в авангарде этого процесса шел блистательный Санкт-Петербург. Реформы перевернули общество, подточили общественную мораль, а дикий, неуправляемый капитализм обострил социальные противоречия. К концу этой эпохи Петербург уже был насквозь

пропитан криминалом. За сияющим фасадом Северной Пальмиры творились все виды преступлений, ведомые тогдашней России. Криминальные сюжеты разворачивались в шекспировские драмы, обращались в нелепые фарсы, складывались в трагикомедии в духе Сухово-Кобылина и Островского.

Перелистаем пыльные страницы газетных подшивок, судебных и полицейских отчетов того времени. Посмотрим, что рассказывают о преступном Петербурге свидетели и мемуаристы. Начнем с дел нестрашных. Вот – фальшивомонетничество. В наши дни мы уже устали слушать про миллиарды поддельных долларов; не удивляемся, если продавец, беря из наших рук сторублевую купюру, вертит ее и рассматривает на свет, как офорт Рембрандта. А как было дело у них – тогда?

Золушка и фальшивомонетчики

Изготовление фальшивых денег не являлось уж очень распространенным преступлением в России конца XIX века. Подделывать предпочитали ценные бумаги – векселя, акции, кредитные обязательства, билеты внутреннего выигрышного займа – это и проще, и безопаснее. И все-таки время от времени полиция ловила разных темных субъектов на сбыте фальшивых государственных ассигнаций.

Шел по городу отставной солдат. Зашел в портерную лавку (по-нашему – в пивную). Бытовая сценка во фламандско-русском духе. Выпил пива, расплатился десятирублевкой. Оттуда вышедши, направился, естественно, дальше: в ренсковый погреб (по-нашему – в разливуху; «ренским» тогда называли пойло, похожее на рейнское вино, так же как наш «Три семерки» – на портвейн). И там выпил и стал расплачиваться. Как можно догадаться, десятирублевкой. Что-то смутило в этой бумажке приказчика, и он принялся ее внимательно изучать, смотреть на свет и тому подобное. Солдат уже хотел забрать свою купюру и смыться, но тут в кабак вбежал приказчик портерной лавки с городовым. Солдата арестовали. Больше фальшивых ассигнаций у него не нашли, и откуда он их брал – так и не выяснили.

В Петербурге в пореформенное пятнадцатилетие (1865–1879) в среднем за год фиксировалось лишь двадцать с небольшим преступлений, связанных с изготовлением и сбытом фальшивых денег и ценных бумаг. Очень мало, даже притом что население тогдашней столицы составляло чуть больше 600 тысяч жителей – в семь раз меньше, чем теперь. Зато иные фальшивомонетнические дела, дошедшие до суда, бывали весьма интересными.

В те времена Михайловская улица выглядела совсем не так, как сейчас. Еще не было построено помпезное здание гостиницы «Европейская»; ее место занимали несколько домов, первые этажи которых блистали дорогими магазинами и роскошными мастерскими, предназначенными для дам и господ петербургского beau-monde'a. Среди них вполне достойное место занимали магазин и ателье дамских платьев, принадлежащие модистке-француженке Жермини Акар. Надо сказать, что модные лавки нередко служили изящными ширмами, за которыми скрывались публичные дома большей или меньшей степени респектабельности. В них порой устраивались секретные свидания скучающих светских дам с услужливыми кавалерами. Очаровательные работницы этих лавок – преимущественно

француженки и немки – не отказывали в благосклонности мужьям упомянутых дам. А хозяйки этих своеобразных любовно-галантерейных предприятий крепко держали своих подопечных в руках и подсчитывали барыши.

Заведение мадам Акар процветало: еще бы, самое дорогое место города, между Гостиным двором, Городской думой и дворцом великого князя Михаила. Прямо напротив – здание Дворянского собрания (ныне Большой зал Филармонии). Клиентура здесь была великосветская. Владелица заведения имела широкие связи в обществе.

Среди ее знакомых встречались и дипломаты, в том числе молодой соотечественник-француз, некто месье Обри, служивший курьером во французском посольстве в Петербурге.

Вследствие неразвитости полиграфического дела в России фальшивомонетчики тех лет предпочитали печатать поддельные купюры за границей, чаще всего в Лондоне. При либеральном попустительстве англичан этот город в те годы – годы юности Шерлока Холмса – представлял собой столицу темных дел и Мекку темных дельцов, от политических террористов до торговцев опиумом, со всего света. Месье Обри постоянно бывал по делам в Бельгии и Голландии, где и установил контакт с коммерсантом Эмилем Янсеном. Отец Эмиля, почтенный господин Станислас, жил в Петербурге. Папа с сыном наладили дело. Янсены изготавливали фальшивки где-то под Лондоном (прямо как в Конан-Дойлевом рассказе «Палец инженера»!), перевозили их на континент и там передавали Обри. Багаж дипкурьера, естественно, не подлежал досмотру. Обри доставлял чемоданы с «товаром» в Петербург… И тут в игру вступала достойная мадам Акар.

На ее долю приходилось самое ответственное: сбыт. Делалось это просто. Давая сдачу богатым клиентам, Жермини подсовывала им вместе с настоящими десятирублевками фальшивые. Расчет был точен: сто-, пятидесяти– или даже двадцатипятирублевые бумажки богатый клиент мог бы и проверить, а возиться с «красненькими» в голову посетителям и посетительницам модного салона даже не приходило.

К несчастью для преступников, сыскную полицию Петербурга в те годы возглавлял знаменитый И. Д. Путилин. Его сыщики выследили всю шайку. Жермини Акар была предана суду. На суде она держалась уверенно, разыгрывая невинную жертву полицейского произвола, и успела настроить присяжных в свою пользу… До того момента, пока в зал не была вызвана свидетельница, тоже француженка, девица Маргарита Дозье. При перекрестном допросе выяснилось, что Дозье, совсем юная

барышня, была по протекции принята на работу в ателье своей соотечественницы. Однако спустя несколько месяцев вследствие неустановленной причины была уволена хозяйкой. Причем при расчете, швырнув жалкую сумму – тринадцать рублей, – мадам Акар подсунула Дозье фальшивую десятирублевку.

Несчастная Маргерит была выброшена на улицу огромного чужого города, в котором у нее не было ни друзей, ни знакомых, да еще и без гроша… Куда она направилась, обливаясь горькими слезами, в тот роковой день – неизвестно. Через два года она явилась в зал суда, как пишет очевидец, «блистая красотою, в изящном дорогом наряде, с большими брильянтами в ушах и на пальцах». Увидев ее, обвиняемая внезапно потеряла самообладание. Какое-то, по словам того же компетентного очевидца, «воспоминание о распрях интимного характера» до такой степени выбило Акар из колеи, что, набросившись на бывшую Золушку с оскорбительными вопросами (закон предоставлял право подсудимому задавать вопросы свидетелям), забыв обо всем, она стала давать показания против себя… И была признана виновной.

Вот какие сказочные истории в духе Александра Дюма-сына разыгрывались некогда на месте нынешнего пятизвездочного «Гранд-отеля Европа». Возникает законный вопрос: каким образом Маргарита Дозье превратилась из жалкой Золушки, жертвы произвола, в блистательную принцессу? Ответ очевиден: она нашла своего принца. Правда, он был не настолько юн, чтобы жениться… Но достаточно состоятелен, чтобы взять ее на содержание. После суда, когда дело попало в газеты, пошли слухи, что здесь не обошлось без князя… И даже, может быть, высочества… Владельца особняка на Английской набережной…

К сожалению, подобные истории для Золушек куда чаще заканчивались вовсе не в великокняжеских особняках на Английской набережной, а в заведениях на Мещанской или Офицерской. И развязка бывала порой и криминальна, и трагична.

Незабудки и самоубийцы

Россия до великих реформ Александра II, можно сказать, не знала проблемы самоубийств. На начало XIX века данные статистики по этому мрачному предмету не внушали опасений: всего 17,6 случая на миллион жителей в год. Стремительный рост их числа приходится на пореформенные годы. И здесь, как и вообще во всех проявлениях девиантности, Санкт-Петербург шел впереди если не планеты всей, то по крайней мере всей России.

К началу реформ показатель самоубийств в Петербурге был в несколько раз выше, чем в целом по стране: от 40 до 60 случаев в год (при населении в 600 тысяч жителей). К концу 1860-х годов в Северной столице фиксируется уже около 100, а к середине 1870-х – более 150 суицидов ежегодно. Эпоха преобразований, как видим, втрое увеличила численность «душ, не нашедших покоя».

Впрочем, причины большинства самоубийств носили самый прозаический характер. Доктор Ю. Гюбнер, автор «Статистического исследования санитарного состояния Санкт-Петербурга» и современник «великих реформ», рассмотрев почти 300 случаев суицида, более чем в трети из них определил причину просто: пьянство, запой, белая горячка. Примерно столько же самоубийств совершалось на почве болезни, в том числе душевной. (Показательно, однако: в застойные дореформенные времена, при всех «свинцовых мерзостях» николаевского режима, и алкоголиков, и отчаявшихся страждущих было в несколько раз меньше!) Социальный состав самоубийц был весьма пестрым: в нем почти равными долями представлены и крестьяне (большинство вольнонаемных рабочих в Петербурге по документам числились в крестьянском сословии), и дворяне, и разночинцы (то есть интеллигенция средней руки), и чиновники, и мещане, и военные, и купцы. А вот способы совершения самого тяжкого из грехов весьма однообразны: по 30 % приходится на повесившихся и утопившихся (воды-то кругом много!); застрелившиеся – на третьем месте: около 15 %, и это в основном военные и дворяне; 25 % – все остальные.

Хотя мир самоубийств в целом однообразен и тосклив, были и здесь яркие происшествия, окрашенные в излюбленные тогдашней публикой псевдоромантические тона. Пожалуй, самым громким судебным делом такого рода было дело Маргариты Жюжан.

Условия задачи, которую пришлось решать Петербургскому окружному суду с участием присяжных в течение нескольких

мрачных ноябрьских дней 1878 года, были просты и по-житейски банальны. Маргарита Жюжан – француженка и гувернантка. Тут хочется сразу добавить: молодая и привлекательная… Но она была не так уж молода – под сорок. Опасный возраст для одинокой француженки. На свою беду, устроилась она работать в весьма приличную семью жандармского полковника Познанского. Не ведаем, сколь грозен являлся он своим подчиненным жандармам и всевозможным врагам порядка, но по отношению к домашним, и прежде всего к обожаемому сыну Коле, гимназисту, это был рохля, туфля, либерал и добрейшей души человек Коле шел пятнадцатый год, когда в доме появилась гувернантка Жюжан… Ученик и учительница нашли общий язык. Как писали в старинных романах, «в сердце ее вспыхнуло пламя преступной страсти» к воспитаннику. Некоторое время спустя он уже звал ее Маргошей и в кругу приятелей-гимназистов похвалялся – понятно чем. Однажды отец-жандарм, случайно войдя в комнату сына, застал совратительную сцену… очень смутился и тихо вышел, аккуратно притворив за собой дверь. Француженка всей душой привязалась к подопечному, но кончилась эта история печально. Коля рос, Маргарита стала ему надоедать… И вообще, он становился каким-то не таким… Стал употреблять морфий… Отец-жандарм ахал, но ничего не мог поделать… Однажды утром юноша был найден в своей постели мертвым. Рядом на столе стояла склянка, в которой экспертиза обнаружила следы морфия. В соседней смежной комнате ночевала Жюжан. Она была заподозрена в отравлении своего возлюбленного на почве ревности.

В суде обвинение быстро развалилось. Обвиняемую защищал прекрасный адвокат К. Ф. Хартулари; сама Маргарита вела себя совершенно искренне, не скрывая ни своего отношения к покойному, ни своего горя по поводу его смерти. Этим она вызвала сочувствие присяжных, вынесших оправдательный вердикт, и председателя суда А. Ф. Кони, описавшего позднее всю эту историю в своих воспоминаниях. Причиной смерти Николая Познанского было признано случайное самоубийство на почве злоупотребления морфием. По-нашему говоря, юноша умер «на передозняке». Увы, увы, знакомая картина…

Кстати сказать, безвременно погибший юноша вел дневник; документ сей фигурировал на суде в числе материалов, рисующих внутренний мир и условия жизни погибшего. Звучащая в нем пессимистически-упадначеская нота чувствительно отозвалась в душах всех, кто присутствовал в зале суда; старательные репортеры донесли это впечатление до сентиментально настроенной широкой публики.

«Кровь моя с этого возраста приведена в движение, движение крови привело меня ко многим таким поступкам, что при воспоминании их холодный пот выступает у меня на лбу… Мое сердце, не выдерживавшее прежде малейших страданий ближних, окаменело… Много таких взглядов получил я, что и врагу не пожелаю додуматься до этого: таков, например, взгляд на отношения к родителям и к женщинам… Недовольный существующим порядком вещей, недовольный типами человечества, я навряд ли найду человека, подходящего под мой взгляд, и придется проводить жизнь одному».

И так далее. Тогдашнее общество любило концерты в подобной тональности. В распущенном наркомане увидели ищущую, поэтическую натуру, в грязноватой бытовой драме – романтическую трагедию. С нашей скромной точки зрения, пассажи из дневника Познанского свидетельствуют не о «преждевременной душевной усталости» автора, а о распространившейся в конце 1870-х – начале 1880-х годов в среде питерской богемы моде на эгоизм, порочность и душевную лень, скрываемую в обличье утонченной пресыщенности. В этом смысле ничего, кроме общих мест и заимствований, мы в дневнике Познанского не видим. В стихах его ровесника С. Я. Надсона (они оба родились в 1862 году, оба принадлежали к кругу петербургской учащейся молодежи из хорошего общества) присутствуют похожие пессимистические мотивы, сквозь которые звучит, однако, нота самодовольства:

Мы входим в мир, все отрицая,
Без жажды пользу приносить;
Наш пошлый смех, не понимая,
Готов все светлое клеймить;
Зовем мы предрассудком чувство,
В груди у нас сомнений ад,
Сорвав венец златой с искусства,
Мы увенчали им разврат.

В дневнике Надсона тоже есть нечто созвучное цитируемым выдержкам из дневника Познанского: «Как пусто то, что называется жизнью, как пусты и мелочны все ее волнения и как ужасен тихий сон могил…» (апрель 1875 г.); «Страшно пугает меня вопрос „к чему жить?“… Жить мне незачем, и жизнь для меня мука, так как не может удовлетворить потребностей моей души» (10 мая 1880 г.). Не ставя знака равенства между творчески активным пессимизмом дневника Надсона и пассивно-развращенной вторичностью высказываний Познанского, отметим

сходство: таков был психологический настрой поколения.

История другого самоубийства, и тоже на почве романтических переживаний, которая относится к тому же времени, куда более драматична.

В 1870-е годы панорама Крюкова канала возле Театральной площади выглядела совсем иначе, чем сейчас. На месте Второй сцены Мариинского театра тянулись аркады торговых рядов, а напротив, через Офицерскую улицу (ныне улица Декабристов), где сейчас стоит большой жилой дом сталинской архитектуры, располагалось мрачноватое, приземистое здание с классическим фронтоном, колоннами и башнями по углам – Литовский замок, главная городская тюрьма. Соседство торговых рядов и «исправительного учреждения» накладывало своеобразный отпечаток на всю ту часть Офицерской улицы, которая тянулась от Крюкова канала в сторону Пряжки. Здесь жил беспокойный народ; здесь располагалось множество дешевых кабаков, портерных, трактиров с отдельными кабинетами и третьеразрядных гостиниц, в которых комнаты сдавались на время и на ночь вместе с обитающими в них «нимфами». Напротив Литовского замка, через канал, большое уродливое здание занимал трактир «Роза». Репутация его была своеобразна. Как мы уже говорили, в те времена единственным законным основанием для расторжения брака являлся засвидетельствованный несколькими лицами факт супружеской неверности одного из супругов. Такой порядок заставлял осточертевших друг другу благоверных идти на всевозможные ухищрения, включавшие наем лжесвидетелей и инсценировки пикантных in flagranti[2]. Вот для этих-то целей чаще всего и использовались номера трактира «Роза». Впрочем, обслуживались здесь и обычные клиенты.

Как-то раз это заведение посетила небольшая компания веселых молодых людей. Один из них – преподаватель немецкого языка в привилегированном Училище правоведения – никак не мог отказать себе в удовольствии повеселиться на холостую ногу: через несколько дней он должен был жениться. Невеста – семнадцать лет, ангел, образец невинности; они оба безумно любят друг друга, но… С некоторых пор молодой человек стал получать анонимные письма: мол, его невеста не такова, какой кажется. Чем ближе к свадьбе, тем настойчивее становился анонимщик. Наконец жених получил анонимку примерно следующего содержания: «Вы не хотите прислушаться к словам доброжелателя. Что ж, посетите известный вам дом терпимости в Офицерской улице и спросите там Незабудку…»

Юноша посетил. Хозяйка заведения предложила ему

посмотреть альбом с фотографиями девиц, выбрать понравившуюся. Просмотрев альбом и, к своей радости, не найдя там фото той, которую искал, жених все же спросил:

– А фотокарточки Незабудки ведь здесь нет?

– Нет, – ответила хозяйка, – в последнее время Незабудка редко стала у нас бывать. Но если хотите, для вас я ее вызову. Приходите завтра.

На следующий день – до свадьбы оставалось два дня – преподаватель немецкого после службы приехал в дом невесты; они разговаривали; она играла ему на пианино… Под предлогом срочных занятий он стал собираться.

– Ах, – сказала невеста, – я выйду вместе с вами, вы проводите меня к подруге: нам с ней нужно примерить мое свадебное платье.

Они вышли; жених довел невесту до дома подруги, а сам отправился в «Розу». Хозяйка ждала его:

– Проходите, вот ваш нумер. Незабудка сейчас придет.

Жених остался один. Через некоторое время в комнату вошла Незабудка. То была его невеста.

Пылкий юноша вышел из публичного дома, побрел по Офицерской, вышел на Вознесенский, свернул в Казанскую… Там в недорогой гостинице «Рига» заплатил за номер, вошел в комнату и застрелился.

Романтическое убийство в отеле «Европа»

Современное название пятизвездочной гостиницы на Михайловской улице – «Гранд Отель Европа» – результат исторической путаницы. В Петербурге-Ленинграде на этом месте с давних пор существовала всем известная первоклассная гостиница «Европейская», а на Фонтанке, возле Чернышова моста, был (до революции) второразрядный отель «Европа». Весной 1894 года в одном из его номеров произошло убийство.

«Господа присяжные заседатели! Менее года тому назад, 17 мая, в обстановке довольно специфической, с осложнениями в виде эсмарховской кружки на стене и распитой бутылки дешевого шампанского на столе, стряслось большое зло. На грязный трактирный пол упал ничком убитый наповал молодой человек, подававший самые блестящие надежды на удачную карьеру, любимый семьей, уважаемый товарищами, здоровый и рассудительный, обещавший долгую и благополучную жизнь. Рядом с этим пошла по больничным и тюремным мытарствам еще молодая, полная сил и жажды жизни женщина…» – так начал знаменитый адвокат Н. П. Карабчевский защитительную речь в Петербургском окружном суде 18 февраля 1895 года.

В двух словах – фабула дела.

16 мая (NB: по старому стилю – день основания города; правда, об этом сто лет назад никто не вспоминал) в гостиницу «Европа», ту, что у Чернышова моста, явился молодой человек в форме студента-путейца. Снял комнату. На улице студента ожидала стройная высокая дама под вуалью. Студент провел даму в номер, они заперлись и до утра из номера не выходили. Утром студент потребовал подать завтрак, что и было исполнено. После этого дверь снова заперли на ключ. Днем 17 мая коридорная прислуга услышала выстрел, потом другой. Дверь номера распахнулась; в коридор выбежала дама, в крови: она была ранена в грудь. Молодой человек был обнаружен в комнате на полу, мертвый: револьверное ранение в сердце.

Быстро были установлены личности студента и дамы. Убитый – дворянин Александр Довнар, студент Института путей сообщения; его спутница по документам именовалась Ольгой Васильевной Палем, дочерью симферопольского мещанина, двадцати восьми лет, не замужем. Ольга Палем не скрывала, что Довнара убила она. Мотив преступления прост – ревность. Выяснилось, что Палем состояла с Довнаром в длительной связи, надеялась на брак; год-полтора назад Довнар начал охладевать к Палем, хотя и продолжал с ней изредка встречаться,

преимущественно в номерах. Встречи носили чрезвычайно бурный характер (постель в номере отеля «Европа» была буквально перевернута) – и нередко заканчивались громкими ссорами. Очевидно, в припадке ревности Палем совершила убийство и попытку самоубийства. Все ясно. И вдруг сенсационный исход: суд присяжных выносит вердикт «Невиновна!». Оправдание.

Что же произошло?

В этом деле все резко меняется в зависимости от того, под каким углом зрения посмотреть на взаимоотношения героев. Кто такой Довнар? Невинный юноша из благовоспитанной семьи, попавший в лапы авантюристки? Или негодяй, хладнокровно мучивший глубоко любящую его женщину? И кто такая Ольга Палем? Убийца или жертва?

Гениальный защитник Карабчевский сказал присяжным: да, она убийца, но она – жертва. Вот вкратце сюжет созданной им мелодрамы. Ольга Палем, дочь симферопольского еврея, импульсивная, страстная, томилась в провинциальном родительском доме. Обратившись ко Христу, она, против воли родителей, приняла крещение, после чего должна была покинуть отчий кров. Перебралась в Одессу, где пыталась найти работу… Но произошло неизбежное: семнадцатилетнюю красавицу увидел богатый старик, известный в Одессе Кандинский. Увы и ах, Ольга стала его содержанкой. Спустя несколько лет богач, добрый в душе, захотел устроить будущность своей Мени (еврейское имя Ольги – Мариам). Он стал подыскивать ей пару и вскоре подыскал – студента-математика Сашу Довнара. Довнар и Палем сошлись. Довнар страстно влюбился в Палем. Палем через некоторое время поняла, что и она страстно любит Довнара. Из Одессы они вскоре перебираются в Петербург: он – учиться в Медико-хирургической академии, она – вместе с ним, на правах жены (что это не так, знает домохозяин: видел паспорта). Роман их продолжался; бурные приливы страсти (настолько бурные, что слышала даже прислуга на кухне) сменялись ссорами: она царапала ему лицо, пыталась выпрыгнуть из окна; он колотил ее шваброй, ножнами мундирной шпаги…

Карабчевский мастерски внушает: в отношениях Палем и Довнара главное – страсть. Со стороны Палем – по-женски альтруистическая, со стороны Довнара – животно-эгоистическая. Эта страсть заставляет героиню терять голову. Ее поступки тем неуправляемее, чем эгоистичнее поведение ее возлюбленного. Но все бы ничего, если бы не скверные друзья и жестокие родственники Довнара. Именно они, и особенно его мать, некая госпожа Шмидт, – вот истинные виновники трагедии. Любовь – и

грубый мир обывателей, в коем истинное чувство глохнет, гибнет… И вот роковые выстрелы в отеле «Европа». Не ведая, что творит, обезумевшая от страсти и горя молодая женщина пытается убить его и себя… Получается только первое.

Карабчевский погрузил присяжных в мир сентиментального романа, и те поддались привычным чарам (мелодрама – популярнейший жанр тогдашней литературы и театра).

Успеху адвоката способствовал облик преступницы: на скамье подсудимых она сидела молчаливая, страшно исхудавшая, вся в черном; в ее словах и жестах сквозило мучительное раскаяние; и южная красота, оттеняемая «интересной бледностью», вполне соответствовала образу падшего, но рвущегося обратно на небо ангела. Однако чары не подействовали на прокурора. На приговор суда была подана кассационная жалоба. Дело перешло в Сенат.

На эту историю можно посмотреть и по-иному.

Будучи, скорее всего, незаконной дочерью мадам Палем (жены торговца Мордуха Палема) и проживавшего в Симферополе генерала Попова, она с детства беззастенчиво пользовалась покровительством последнего. Крестившись (крещение давало ей свободу проживания в империи), она с деньгами Попова в кармане отправилась из захолустного Симферополя в шумную Одессу, где вела образ жизни дорогой гетеры. После серии романов смогла добиться покровительства богача Кандинского. Получив от него вскоре достаточное денежное обеспечение, она решила бросить своего «толстого кота» (так Палем именует Кандинского в письмах) и подыскать себе возлюбленного помоложе – не без расчета женить его на себе. Обыкновенный жизненный путь содержанки.

Ей это почти удалось. В Петербург она приезжает с молодым Сашей Довнаром уже как замужняя дама… Но тут выяснились две вещи. Во-первых, Палем действительно страстно привязалась к Саше. А вот Саша – и это во-вторых, – принимая ее ласки, вовсе не горел желанием вступить в законный брак. Палем была нужна ему прежде всего из-за ее связей.

За спинами главных фигурантов дела Палем присутствует некая безымянная тень. Кто-то, на кого намекают, не называя имени, и защита, и обвинение. Довнару хочется перейти из Медико-хирургической академии в привилегированный Институт путей сообщения – Палем с рекомендательным письмом от Кандинского идет к некоему высокопоставленному лицу, и в нарушение всех правил Довнара зачисляют на курс. Начинается следствие по делу об убийстве – Палем в исступлении кричит следователю, что она «ничего ему не скажет, а все, все расскажет»

опять-таки этому самому лицу. Настолько значительному, что его имя не заносится в протокол.

Кто это лицо? Как обмолвился в своем докладе сенатор А. Ф. Кони, с ним Палем была «мимолетно знакома» еще по Одессе. Сопоставим данные. Лицо, настолько значительное, что его имя не может фигурировать в уголовном деле, – либо великий князь, либо министр. Лицо, начальственное в железнодорожном ведомстве (слово его для директора Института путей сообщения – закон), но власть которого простирается за путейские пределы (юного брата Довнара через то же посредничество пытались устроить в Кадетский корпус). Наконец, лицо, по службе часто бывавшее в 1886–1887 годах в Одессе. Все эти данные позволяют высказать догадку: а вдруг это не кто иной, как Сергей Юльевич Витте? Бывший управляющий Юго-Западными железными дорогами (центр – в Одессе), потом директор Департамента железных дорог, в описываемое время находился на вершине могущества: занимал пост министра финансов, фактически же являлся негласным лидером правительства. Отметим, что, общаясь постоянно и много с одесскими коммерсантами, Витте не мог не быть знаком с Кандинским, а тот отнюдь не скрывал от друзей черноокую содержанку.

В общем, картина вырисовывается неприглядная. Довнар просто использовал охваченную страстью и надеждой на брак женщину, при этом не брезгуя деньгами и протекцией ее любовников. А когда добился своих целей – перестал жить с ней, но продолжал встречаться – нравилось. Причем заразил дурной болезнью, и не одной, а сразу двумя… Карабчевский, уж конечно, не преминул выдать публике этот пикантный и компрометирующий убитого факт: таскаясь по всевозможным злачным местам и перемежая бурные встречи с Ольгой Палем употреблением обыкновенных проституток, Саша подхватил сифилис, наградил им «нежно любящую женщину»; недолечившись и продолжая развеселую жизнь, приобрел еще и гонорею и тоже «поделился» с подругой.

Возможно, осложнения, вызванные болезнями, и в самом деле способствовали развитию нервно-аффективного настроения у бедной угасающей красавицы. В начале следствия она в самом деле вела себя неуравновешенно, то мрачно молчала, то исповедовалась следователю в греховной страсти, то билась в рыданиях. Один из экспертов, привлеченных к этому делу, доктор Чацкин, даже говорил, что у него «мелькнуло подозрение о ненормальности ее психического состояния». «Достаточно указать, – продолжал медик, – на самые первые высказывания Палем о том, что она не желает ничего отвечать, ибо слишком

высоко себя ставит в связи с безрассудным заявлением о лице, которому она, пожалуй, кое-что расскажет». Несчастная хваталась за соломинку, воображая, что вельможа, которого она, быть может, знала в постели, придет ей на помощь. Правда, жаль ее, да не очень: сама создала себе такую жизнь.

Сенат вынес решение: осудить Ольгу Палем на десять месяцев тюрьмы за непредумышленное убийство, совершенное в состоянии аффекта.

На углу Столярного переулка и канала Грибоедова угловой башней возвышается большой доходный дом, принадлежавший некогда питерскому богачу Ратькову-Рожнову. 110 лет назад в этом доме жила странная пара: черноокая красавица и молодой студент. Они то голубили друг друга, то буйно ссорились. Кончилось это плохо: она убила его. Трагедии с подобным сюжетом разыгрывались в Петербурге неоднократно. Если по каналу пройти от дома Ратькова-Рожнова в сторону залива, то попадешь в Коломну. Там на тридцать лет раньше совершилась драма, во многом похожая на дело Ольги Палем. В ней были замешаны юноша с немецкой фамилией и некая восточная княжна… А может, и не княжна… Об этом речь пойдет во время одной из «криминальных прогулок» (см. об этом в ч. III, гл. «В тихом омуте Коломны»). А сейчас – к другим криминальным драмам, разыгравшимся под сенью крыл Амура и Гименея.

Любовь, брак… и преступление

В дореволюционной России совершалось множество преступлений на брачно-любовной основе: жена зарубила топором супруга-пьяницу, муж из ревности зарезал жену, богач застрелил содержанку, авантюристка прикончила любовника «из благородных»… В 1869 году петербургские газеты писали о некой Большовой, которая убила мужа по-карамазовски, пестиком по голове, да еще и удавила; труп же спрятала в чулане. В 1866-м – о мещанине Веретенникове, обвиняемом в нанесении своей благоверной «тяжких побоев и истязаний, причинивших ей смерть». В 1884-м – о Евдокии Вольфрам, жене студента-путейца, на почве любви к дворянину Козлову пытавшейся отравить мужа серной кислотой. И далее в том же духе. Причины преступлений – и в суровой ригористичности общественной морали, и в особенностях законодательства. Об этом мы уже говорили в первой части, но еще раз отметим: жена была ограничена в своей правоспособности, не имела собственных документов и вписывалась в паспорт мужа; разрешение на раздельное жительство (без развода) мог дать только суд; оба супруга обладали равными имущественными правами; имущество жены, с которым она вступала в брак, оставалось ее, а не мужниной собственностью.

Для многих корыстолюбцев, карьеристов, растратчиков и гуляк женитьба «на деньгах» представлялась блистательным решением жизненных проблем. Но законодательство подстраивало ловушку искателям богатых невест. Муж мог распоряжаться имуществом жены (в том числе приданым) по доверенности; в случае развода или (что случалось много чаще) раздельного жительства супругов жене возвращалось все ее добро до копейки. Да и при совместном жительстве жена могла просто-напросто отказать мужу в деньгах.

С этим связана трагикомическая история женитьбы одного молодого князя, представителя известного рода Щербатовых, на вдове генеральше Барышниковой. Аристократу-Рюриковичу было двадцать восемь лет, а его невесте – семьдесят семь. Князь был гол как сокол и при этом страстный игрок и любитель пожить красиво. Свое состояние он промотал; за долги (около 300 тысяч, колоссальная сумма) ему грозила тюрьма. Генеральша слыла богатой старухой; она была скупа, но мечтала о княжеском титуле. Князь посватался, невеста согласилась. На пути «молодых» возникли трудности: закон запрещал вступать в брак после восьмидесяти лет, а так как метрического свидетельства у

генеральши не оказалось, священник не хотел ее венчать. Хитрая старуха заявила на исповеди (NB: двойное преступление – обман на исповеди и разглашение ее тайны), что ей сорок пять лет, и венчание состоялось.

Своеобразие ситуации заключалось и в том, что новоиспеченная княгиня не умела ни читать, ни писать. В детстве (еще до нашествия на Москву французов!) она сбежала из дому, встретила помещика, которому понравилась; помещик этот на ней женился. Овдовев, вышла замуж за генерала. Овдовела вторично. Грамоте не обучилась; умела подписывать лишь фамилию – на документах, которые ей читали вслух доверенные слуги.

Надеждам князя не суждено было сбыться: супруга оплатила часть его долгов, но, так как он продолжал беспутничать, отказала ему в средствах. Его посадили в долговую тюрьму, где он и умер. Вскоре умерла старуха. Богатства после нее осталось гораздо меньше, чем ожидали. Так что князь Щербатов дважды ошибся в своих расчетах. Радоваться мог разве что другой титулованный аристократ, барон Энгельгардт, соперник князя и тоже отпрыск известного и разветвленного рода, в свое время неудачно сватавшийся к семидесятисемилетней Мессалине.

Юридическая зависимость жены от мужа в сочетании с материальной зависимостью мужа от жены – благоприятная почва для преступлений. Пример – бракоразводное дело другого аристократа, князя Бориса Голицына. История, сплетенная из коварства и любви, наподобие современных мыльных опер.

В свое время, будучи в стесненных обстоятельствах, а отчасти и по любви, князь женился на прелестной богатой наследнице. Лет десять супруги прожили сравнительно мирно, не мешая друг другу. Князь, игрок и бонвиван, проводил время на курортах Франции, а тем временем его супруга княгиня Мария утешалась в Петербурге в обществе неотразимого итальянца маркиза Инбоктри. Под его-то влиянием она решила добиться развода. И обвинила мужа в неверности, дабы отсудить состояние: по закону супруг, на коего была возложена вина за развод, терял право на свою долю в совместно нажитом имуществе. А поводом для расторжения брака мог быть засвидетельствованный очевидцами факт супружеской неверности. Если свидетелей не было, их следовало отыскать. За деньги, разумеется.

Княгиней и маркизом были отысканы «мастера бракоразводных дел» – один бывший полицейский и два мещанина. Эти «свидетели» заявили, что видели аристократа Голицына в гостинице «Москва» (угол Невского и Владимирского пр.), «шумной и довольно-таки грязной», по выражению

современника. Князь якобы играл на бильярде, проигрался и обратился к одному из «свидетелей» с просьбой дать денег под вексель. А когда, спустя некоторое время, «друзья» вошли с обещанными деньгами в номер князя, то застали его там в постели с неизвестной женщиной. Делу был дан ход; в 1870 году оно рассматривалось в консистории. Князь доверил представлять свои интересы малоизвестному адвокату Ностичу, и зря: тот вступил в сговор с противоположной стороной и быстро проиграл дело. Брак был расторгнут с возложением вины на князя. Такое решение не только влекло потерю имущества, но и лишало князя возможности когда-либо вновь жениться. Голицын, узнавший обо всем в Ницце, кинулся искать милости у государя, отдыхавшего тогда в Эмсе. Александр II выслушал жалобщика, но от вмешательства уклонился. (Надо полагать, император был изрядно недоволен: он сам был неверным супругом, в августейшей семье царил плохо скрываемый разлад. Со стороны князя бестактно было искать у замученного семейными и государственными неурядицами царя «мужской солидарности».) Голицын вынужден был обратиться в суд. Возбудили дело о лжесвидетельстве. Два года ушло на розыск обвиняемых. Два лжесвидетеля были отысканы; третий, темная личность, к тому времени погиб (его нашли мертвым в петле; полиция предпочла констатировать самоубийство). Факт лжесвидетельства был установлен, решение о расторжении брака отменено. Как доживали супружеский век князь и княгиня Голицыны – можно только догадываться.

Но богатым аристократам со связями жилось легче: у них были средства на бракоразводные дела. Тех же, у кого таких возможностей не было, стремление сбросить узы Гименея иногда толкало на совершение тяжких преступлений. За два года до голицынской истории в Петербургском окружном суде за покушение на убийство судили отставного прапорщика Разнатовского. Он стрелял из револьвера в свою жену и, к счастью, лишь легко ранил ее в ухо. Брак Разнатовских, заключенный по любви, оказался неудачным. Любящий муж стал пить; жена ринулась в омут развеселой жизни столичной полусветской богемы. Она изменяла, он ревновал и напивался… Они разъехались, потом помирились, снова стали жить вместе. Как это часто бывает, заложниками отношений между взрослыми стали дети, из-за которых между супругами Разнатовскими шла настоящая война. В конце концов супруги опять разъехались. Страдая от ревности и от разлуки с детьми и выпив по привычке «для храбрости», Разнатовский как-то явился на квартиру жены. Там он застал веселое общество фатоватых молодых людей и был

встречен насмешками. В кармане Разнатовского лежал револьвер. Несчастный муж выхватил его и открыл беспорядочную пальбу…

Через несколько лет петербургское общество было взбудоражено еще одним уголовным делом. В 1875 году актриса Каирова совершила покушение на убийство жены антрепренера Великанова. Талантливая, привлекательная, импульсивная Каирова поступила актрисой в труппу Великанова и вскоре с ним сошлась. Великанов был не прочь получать удовольствия от этой связи, но у него была жена, с которой он не собирался разрывать отношения. Великанов лгал и той и другой женщине, периодически то ссорился, то опять сходился со своей любовницей. Каирова терпела, надеясь на развод между Великановыми. Лето любовники проводили «в счастливом угаре» на даче в Ораниенбауме, которую Каирова снимала на свои денежки. Вернувшись как-то вечером из Петербурга на дачу, она обнаружила, что Великанов дома не один, что он с законной женой в постели – в ее, Каировой, постели! Ворвавшись в комнату, она схватила бритву и нанесла сопернице несколько ран, оказавшихся неопасными. Суд освободил ее от наказания.

Но в иных случаях подобные коллизии заканчивались трагически. Вот – чтобы не было обидно сильному полу – обратный пример: несчастный обманутый муж убивает жену, предавшуюся пороку. Речь идет о деле Андреева, имевшем громкий резонанс в Петербурге тогда, когда его жители уже перестали ужасаться пролитию невинной крови: на исходе первой русской революции, в 1907 году.

По своему социальному положению и образу жизни Михаил Андреев менее всего подходил на роль Отелло. Биржевой маклер, практичный делец из купцов, он вел скучную жизнь обеспеченного обывателя; у него были жена и дети, состояние и дом… И вот на тридцать шестом году жизни, во время гулянья в Лесном, он повстречался с юной, экзотичной и страстной красавицей Саррой Левиной. Репутация барышни была, правда, двусмысленная; про нее шепотом говорили: «Из швеек!» – что в тогдашнем Петербурге служило обозначением общедоступности. Но Андреева это не остановило: говоря словами Ильфа и Петрова, он влюбился в нее со всей решительностью, на которую способен человек в последнем приступе молодости. Она же, по словам адвоката С. А. Андреевского, «почуяла в нем нечто прочное – и отдалась». Вскоре связь их окрепла настолько, что ее невозможно было скрывать от жены Андреева; да, впрочем, Сарра и не стремилась ничего скрывать; напротив, как вспоминали на суде свидетели, встречая законную супругу своего любовника на улице, она показывала ей язык и вообще всячески оскорбляла

прилюдно. Понятно: девушка всеми силами стремилась извлечь выгоду из любовной связи, а для этого ей нужно было любой ценой развалить семейное гнездо Андреевых. Не прошло и двух лет, как Андреев оформил раздельное жительство с супругой и поселился вместе с Саррой. Тут же у них родился ребенок, дочь, а Сарра крестилась и стала Зинаидой Николаевной.

Прошло ни много ни мало пятнадцать лет. Развод Андреевых был наконец оформлен официально. Вслед за этим пятидесятилетний однолюб обвенчался с тридцатипятилетней подругой. Не знал он, стоя под венцом, что в голове у суженой вызревают уже новые матримониальные планы. Пользуясь занятостью своего дельца-содержателя, Сарра-Зинаида вела довольно-таки вольную жизнь, бывала в театрах, в ресторанах, не отказывала себе в удовольствии блеснуть восточной красотой и купленными на деньги Андреева бриллиантами на загородных гуляньях. Где-то там она познакомилась с великосветским аристократом генералом Пистолькорсом. И немолодой генерал увлекся ею, как мальчишка. Самое интересное, что Зинаида быстренько уверила его в своей несчастной доле: она, мол, любит только его, Пистолькорса, и мечтает уйти от этого противного деляги Андреева… Но развод… Это так сложно…

Около трех лет коварная обольстительница ловко балансировала между двумя своими сожителями, водя их обоих за нос и получая подарки от обоих. Мужа уверяла, что смеется над ухаживаниями глупого старика генерала; Пистолькорсу твердила, что нужно подождать еще месяц-другой, подготовить дурака-мужа к сознанию необходимости расставания, получить согласие на развод, а там они заживут в любви, как голубок и горлица. Все это время Зинаида решала, с кем же выгоднее ей быть – с дельцом или с генералом. И сделала выбор в пользу последнего. (Заметим в скобках: на выбор Левиной-Андреевой могло повлиять одно обстоятельство. В свое время в императорской семье наделал шуму скандальный роман великого князя Павла Александровича с некой госпожой Пистолькорс. Роман этот – вопреки воле государя – завершился браком. Долгое время супруги вынуждены были проживать за границей. В конце концов Николай II признал их брак, хотя и лишил некоторых великокняжеских привилегий. Родство с женой великого князя было бы весьма лестным для бывшей «швейки» из черты оседлости.)

И вот в один прекрасный день Зинаида Николаевна за завтраком как бы между делом сообщила мужу: «А знаешь, Миша, я выхожу замуж за Пистолькорса». Миша был потрясен, хотя и пытался держать себя в руках. Но теперь жена требовала уже

развода (естественно, с возложением вины на мужа), требовала со скандалами, бранью и угрозами. Наконец, когда супруга, которую он, как говорится, вытащил из грязи, стала грозить ему своими связями и высылкой из Петербурга (прямо по принципу: «Я тебя выживу из твоего собственного дома!») – взыграло ретивое. Андреев схватил жену за руку, потащил в кабинет, где на столе лежал, словно дожидаясь своего часа, финский нож… Раздался душераздирающий крик – и Левиной-Андреевой не стало.

Характерен приговор суда. Андреев, как совершивший преступление в состоянии крайнего раздражения и запальчивости, вызванном поведением потерпевшей, был освобожден от наказания. Как и в деле Палем, не последнюю роль в формировании настроений суда сыграл национальный мотив. Но если в 1895 году публика и присяжные сочувствовали интересной еврейке Палем, то в 1907 году, после революционных передряг, общественное мнение было настроено совсем по-иному. Что и сказалось на отношении к покойнице Левиной и на решении дела в пользу «запальчивого» убийцы.

Но, пожалуй, самое необычное из любовных убийств – когда Отелло и Дездемона объединились против соблазнителя и зарезали его! Что-то в этом духе случилось 26 ноября 1873 года в доме на Захарьевской улице. Отставной штабс-капитан Непенин с супругой ворвались в квартиру отставного коллежского асессора Чихачева и убили его двумя ножевыми ударами в грудь. Обстоятельства, предшествующие убийству, таковы. Чихачев – помещик, человек сластолюбивый и легкомысленный, как-то, будучи в гостях у соседа-помещика, познакомился с его сестрой, юной институткой. И, как тогда выражались, «соблазнил ее невинность». Прошли годы, случившееся оставалось тайной; девушка вышла замуж по любви за молодого, энергичного земского деятеля Непенина; брак их был счастлив… пока однажды жена не призналась мужу в давнем грехопадении. Реакция Непенина была мучительна и ужасна. Бесконечными упреками, перемежающимися пароксизмами ненависти и страстной любви, он довел себя и жену до грани безумия. Бросился разыскивать «виновника греха». Разыскал, пытался принудить к дуэли; получив отказ, поклялся убить. Напуганный до смерти Чихачев бежал, скрываясь от преследователя, за границу. Непенин вместе с женой, которая целиком подчинилась кровожадному неистовству мужа, несколько лет гнались за ним по пятам и наконец настигли в Петербурге. Кровавая клятва была исполнена.

Суд оправдал ее, а его приговорил к ссылке. Жена последовала за мужем на поселение в Сибирь. Там Непенины

жили счастливо, поддерживали переписку с прокурором А. Ф. Кони, выступавшим по их делу в суде обвинителем (весьма редкий случай дружбы осужденного с прокурором!). Впоследствии им было разрешено вернуться в Европейскую Россию; супруг был даже принят на службу и умер, по словам Кони, «пользуясь уважением окружающих».

Очаровательные мошенницы

Женщины… и преступление. Сии понятия не хотят соседствовать – по крайней мере в головах мужчин. Прекрасные дамы этим пользуются и нередко бывают активными участницами криминальных драм. Хотя вообще представительницы слабого пола совершают преступлений почти в 10 раз меньше, чем представители пола сильного, но есть отрасли криминальной деятельности, неплохо освоенные праправнучками Евы. Один из самых характерных видов женской преступности – мошенничество. Так обстоит дело сейчас, так было и в царском блистательном Санкт-Петербурге. Вот три истории из жизни очаровательных мошенниц.

В мае 1869 года в Петербурге только и говорили, что о суде над генеральшей Генриеттой Хомутовой. Урожденная Собаньская, она принадлежала к знатному польскому роду; ее свойственница, красавица и шпионка Каролина Собаньская-Ржевусская, знаменита тем, что в нее были влюблены Пушкин и Мицкевич. Генриетта вышла замуж за блистательного гвардейца генерала А. Г. Хомутова, командира лейб-гвардии саперного батальона (под началом другого генерала М. Г. Хомутова, его брата, служил Лермонтов). Овдовев, сия великосветская и весьма обеспеченная дама сошлась с неким авантюристом-итальянцем. Хомутовой было за пятьдесят, ее возлюбленному чуть меньше. Хитрый итальянец выдавал себя то за политического изгнанника графа Боргезе, то за гражданина Вероны по фамилии Боргезани, то за… родного брата Хомутовой-Собаньской. Летом 1866 года на гулянье в Павловске Хомутова и Боргезани познакомились с пятидесятилетней помещицей Яниной Коссовой (полькой, как и Собаньская). Коссова влюбилась в неотразимого красавца. Как он утверждал на суде, «преследовала его взглядами, вздохами и встречами»; переехала на дачу, где он жил под видом брата Хомутовой. Сгорая от страсти, Коссова (опять-таки по словам Боргезани) предложила ему денег, чтобы только он ответил на ее чувства… И он не отказался. Более того, у Хомутовой и Боргезани возник план, как отнять у Коссовой все состояние. Ее уговорили отправиться втроем путешествовать за границу, а деньги – около 25 тысяч рублей – под предлогом удобства и надежности хранения отдать Боргезани. Теперь от ненужной спутницы пора было избавиться. Тем более что на пароходе Коссова страдала морской болезнью, и Боргезани, как сказано в обвинительном заключении, «находясь при ней, получил такое отвращение, что решился немедленно отделаться от нее». Боргезани с Хомутовой

инсценировали кражу, артистически разыграв сцену обнаружения пропажи денег. Бедная Янина вернулась в Россию без возлюбленного и без копейки.

Тогда за дело взялся ее сын и наследник Венцеслав. Он организовал погоню за мошеннической парой. Хомутова и Боргезани скрывались от него по всей Европе под разными вымышленными фамилиями, переезжая из города в город. Но Венцеслава в погоне за деньгами не так-то легко было сбить с пути. Впоследствии он утверждал, что, будучи в Берлине, добился аудиенции у самого Бисмарка и тот лично отдал приказ прусской полиции арестовать беглецов. Так это или не так, но беглецы были в конце концов арестованы и выданы российскому правосудию. На скамье подсудимых оказались немолодая светская дама «со следами былой красоты» и экзотический авантюрист, которого репортер «Судебного вестника» описывает как чернобородого атлетически сложенного красавца с прекрасными манерами. На суде выяснилось, что Боргезани еще в период «дружбы» с Коссовой склонял Венцеслава к участию в игорной афере. Он утверждал, что знает секрет, как наверняка выиграть в рулетку, но для этого ему нужны 100 тысяч франков и помощник, потому что Хомутова «женщина беспамятная и бесхарактерная». Тогда Коссов почему-то не стал сообщать об этом в полицию…

В этой мошеннической истории роль главной приманки играл красавец-мужчина. А вот следующая целиком основана на действии женских чар. Героиня – вовсе не аристократка, а питерская мещанка Ольга Разамасцева.

В начале 1870-х годов в Петербурге был совершен ряд дерзких краж драгоценностей из домов высокопоставленных особ. Неуловимый похититель почему-то предпочитал обворовывать сановников либерального направления. Из дома военного министра, известного либерального реформатора Д. Н. Милютина, например, были похищены знаки высшей награды Российской империи, ордена Св. Андрея Первозванного: золотые крест, звезда и цепь, украшенные бриллиантами, рубинами и изумрудами. Дальше – больше: у родного брата императора, великого князя Константина Николаевича, пропали золотые часы с бриллиантами. Часы были украдены прямо из кабинета его высочества в Мраморном дворце в то время, когда сам великий князь, по его словам и по свидетельству прислуги, «отдыхал и из своего кабинета не выходил».

Лишь много времени спустя полиции удалось выследить вора. Точнее, воровку. Тогдашний прокурор Петербургского окружного суда А. Ф. Кони описывает ее как «бойкую девушку

двадцати двух лет, с миловидным лицом, большими живыми черными глазами и постоянной веселой усмешкой». На вопрос самого великого князя, как ей хватило смелости совершить такой поступок, Разамасцева (то была она) ответила: «Смелым Бог владеет. Кабы вы изволили войти до этих самых часов, так я бы сказала, что заблудилась по лестницам и попросила извинения, а если бы после часов, так то же самое сказала бы, да и ушла бы с часами. Может быть, даже лакея меня проводить послали бы…» То же самое «повторила она и в судебном заседании, постоянно посмеиваясь и весело поглядывая в публику», – заключает Кони. Понятно, почему она посмеивалась. Согласно полицейскому протоколу, великий князь находился в кабинете и когда «бойкая девушка» туда вошла, и после того, как она оттуда тихо вышла. Похоже, что это было свидание. Да и первое ли?

Заметим к слову, что добрый Константин Николаевич, генерал-адмирал, морской министр, председатель Государственного совета, покровитель либералов и отец либеральных реформ, талантливый виолончелист-любитель, неоднократно страдал от наглости воров. Несколькими годами раньше из его стрельнинского дворца кражу денег и ценностей совершил отставной юнкер Ясинский. Другое дело, трагическое и темное, о пропаже бриллиантов с оклада его венчальной иконы, станет сюжетом отдельного нашего рассказа (см. гл. «Его высочество Искандер»). Что касается Ольги Разамасцевой, то суд дал обаятельной воровке полтора года заключения.

Но самыми масштабными «женскими хитростями» криминального характера следует признать деяния Людмилы Гулак-Артемовской, представшей перед судом в 1878 году по обвинению в подлоге векселей от имени покойного купца Пастухова.

Девица из хорошей семьи, выпускница Смольного института, Людмила рано вышла замуж; семейная жизнь не сложилась (как намекали на суде, из-за ее развеселого поведения); дошло до развода с мужем, что в те времена было делом дорогим и скандальным. Вслед за этим Артемовская, «пользуясь своими связями», как выразился ее защитник В. И. Жуковский, выхлопотала концессию на золотой прииск в Сибири; параллельно завела всевозможные светские знакомства в Петербурге, преимущественно с влиятельными сановниками из либерального лагеря и популярными в столице литераторами. Со своими знакомцами она вовсю кокетничала, обольщая их красотой и очаровательной непосредственностью поведения; когда было надо для дела – вступала с некоторыми из них в любовную связь. Вокруг нее собралось общество поклонников,

среди которых попадались министры, сенаторы, члены Государственного совета.

Жила Артемовская широко, зарабатывала неплохие деньги, по ее собственному выражению, «проводя дела». Например, от подрядчика, богатого промышленника, поступает «заказ» – поспособствовать получению выгодного подряда. Артемовская заводит роман с министром и, используя свои чары, добивается нужного решения. За что получает от заказчика крупный куш.

Одним из завсегдатаев ее салона был известный литератор П. Н. Полевой. Он некоторое время сожительствовал с Артемовской; он же и устроил знакомство с купцом Пастуховым. Артемовская быстро оценила ситуацию: слабовольный, скучающий кутила и богач Пастухов был для нее идеальной добычей. Она привлекает его к себе, пренебрегая дикой ревностью Полевого, обольщает, ведет дело к свадьбе, прознав, между прочим, что Пастухов опасно болен (после у него нашли опухоль мозга), а между тем на всякий случай обыгрывает в карты, в «дурачки», – на 170 тысяч рублей! В последние месяцы жизни Пастухов, однако, был ею отвергнут – по-видимому, из-за того, что состояние его оказалось не таким уж большим. Тогда у Артемовской и возникло намерение составить от его имени подложные векселя в надежде на то, что после его смерти подлинность подписи никто проверять не будет. Она не рассчитала степени мстительности Полевого. При его активном участии подлог был обнаружен. О свидетельском выступлении Полевого на суде мемуарист пишет: «Казалось, с уст его каплет дымящаяся пена и прожигает пол».

Дело вышло скандальным. Подсудимую приговорили к лишению прав состояния и ссылке в Иркутскую губернию. Сразу же после судебного процесса несколько сановников – директора департаментов и даже министры – подали в отставку, а некоторые были уволены без прошения.

Банковское воровство

Радикальные реформы (мы в этом убедились на собственном опыте) способствуют росту преступности. К 1870-м годам, по сравнению с дореформенной эпохой, количество преступлений, связанных с кредитными операциями, возросло в десятки раз. Прежде всего это мошенничества с векселями и заемными письмами. Вот лишь один пример из тысяч.

В августе 1873 года в Петербургском окружном суде состоялся суд над дворянином Симашко, двадцати пяти лет, и еще несколькими лицами, которые обвинялись в изготовлении подложного векселя от имени дяди Симашко, сенатора П. П. Семенова, директора – ни много ни мало – Центрального статистического комитета при Министерстве внутренних дел. (Это тот самый знаменитый Семенов Тян-Шанский, которому Россия обязана замечательными географическими открытиями и статистическими исследованиями. Что и говорить, не повезло Петру Петровичу с племянником!) Механизм преступления следующий. Молодой небогатый дворянин Симашко приезжает в Петербург искать службы. Обращается за протекцией к дяде-сенатору, тот велит ждать. Симашко ждет, а тем временем, остановившись в гостинице «Знаменской», что напротив Николаевского (ныне Московского) вокзала, быстро проживается. И попадает в поле зрения шайки. Его раскручивают на расходы, он влезает в долги. Положение юноши отчаянное; и тут появляется «добрый человек», готовый дать ему 150 рублей при условии выдачи векселя на 350 рублей. Делать юноше нечего, он соглашается. Полученных денег хватает, только чтобы расплатиться с самыми неотложными долгами. А искусители идут дальше: чтобы жертва не сбежала, ее «обездвиживают» – в счет долга забирают пальто, обманом выманивают одежду, оставив несчастного в номере в одном белье. После всего этого предлагается молодому дворянину написать вексель с поддельной подписью его сановного дяди. Он готов.

Состоялся суд, трое были признаны виновными и осуждены. Но подлинные виновники, организаторы шайки, ушли от наказания: в их действиях не было найдено состава преступления…

Но подобного рода мошенничества все же мелочь по сравнению с финансовыми аферами, осуществлявшимися целыми банками и кредитными обществами. Одно из них – «рыковское дело» – хоть разыгралось не в Петербурге, настолько характерно и похоже на дела недавних дней, что стоит сказать о нем два слова.

Рыков со товарищи организовал «Скопинский банк» – типичную «финансовую пирамиду». По номинальной цене продавали финансовые обязательства – вкладные билеты, не обеспеченные реальной наличностью. Вкладчиков, в основном средних обывателей, чиновников, вдов и прочих небогатых искателей легких доходов, приманивали высокими процентами по вкладам. Ради рекламы в печати публиковали сведения о фиктивных сделках, ложные преувеличенные отчеты. В итоге банк лопнул, и трудовые сбережения множества мелких вкладчиков пошли прахом. За все эти деяния были осуждены вместе с Рыковым еще тринадцать человек.

Хищения подобного рода стали знамением времени. В 1875 году прогремело дело Струсберга, члена правления Московского коммерческо-ссудного банка, обвиненного в колоссальных махинациях. Не отставал от Первопрестольной и Петербург. Причем в то время, как беззастенчивые дельцы клали в карман огромные суммы, от их мошенничеств страдал трудовой люд. В конце 1860-х годов в Петербургский окружной суд был подан ряд исков против Петербургского общества взаимного кредита по поводу неправильной продажи заложенных в Обществе домов. Суд наложил арест на средства, полученные Обществом от продажи… И в городе разразился «домовладельческий кризис». Для содержания домов домовладельцы вынуждены были прибегать к ипотеке – получению банковских ссуд под залог недвижимости. Мелкие и средние домовладельцы оказались в финансовой зависимости от кредиторов; многие в результате лишились своих домов и участков. Домовладельческий кризис привел к стремительному росту цен на недвижимость и жилье в Петербурге.

Интересно также дело Кронштадтского городского банка, в особенности потому, что оно сыграло немалую роль в истории крупнейшего промышленного предприятия Петербурга – Путиловского (Кировского) завода. При внезапной ревизии, проведенной в этом банке в начале 1879 года, были обнаружены большие беспорядки и злоупотребления, нарушения в выдаче ссуд, растраты капитала самого банка и средств, отданных банку на хранение. Дело расследовалось долго и дошло до судебного разбирательства только в 1883 году. Наиболее значительные нарушения были связаны с выдачей ссуд на постройку железных дорог, промышленных предприятий, а также с финансированием больших и выгодных подрядов по военно-интендантскому ведомству во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Крупнейшим военным подрядом, в котором принимал участие банк, был сухарный подряд: в связи с ним банк выдал ссуды в

огромных размерах – на несколько миллионов рублей – князю Д. Оболенскому. Часть этих денег князь – с согласия банка – положил в карман. Значительные ссуды на не вполне понятных условиях были выданы известному основателю и владельцу Металлического завода в Петербурге Путилову. Путилов умер до начала суда, оставшись у банка в долгу на сумму до 200 тысяч рублей. В результате судебного разбирательства виновными были признаны лишь второстепенные служащие банка, а его руководители ушли от наказания. Путиловский завод, во избежание закрытия, был выкуплен казной и стал государственным.

Впрочем, в деле растрат и мошенничества от частных финансовых структур не отставали и государственные. Общество потрясали судебные процессы о хищениях в Департаменте герольдии, в Министерстве внутренних дел, в Военном министерстве. Немало шуму наделали известия о грандиозных злоупотреблениях в интендантстве во время русско-турецкой войны за свободу братьев-славян, войны, которая велась с большими жертвами и ценой напряжения всех сил и возможностей страны. Пока русские солдаты погибали на Шипке и под Плевной, чиновники наживались. Опять-таки вполне понятная современному читателю ситуация.

Безнаказанность и масштабы злоупотреблений высших должностных лиц вызывали зависть у деятелей помельче. И они старались догнать и перегнать «больших». В 1875 году перед судом предстал некий Альберт Ковнер, который обвинялся в том, что вместе со своим дядей Герцем Буяриным посредством подложного переводного письма получил 168 тысяч рублей в Московском купеческом банке и с ними скрылся.

История эта сочетает в себе романтические черты с элементами чистейшей корысти. Выходец из глухого еврейского местечка, Ковнер приехал в Петербург, некоторое время сотрудничал в леворадикальной и либеральной печати (газеты «Дело», «Голос»). Лавров не стяжал, зато устроился на хорошо оплачиваемую службу в Петербургский учетный банк. Тут же у Ковнера завязался роман с дочерью квартирной хозяйки, Соней Кангиссер. Мать Сони, вдова Ревекка, не могла нахвалиться на молодого человека. Ковнер так баловал ее младших дочерей, что одна из них как-то сказала: «Мамаша! Это отец наш встал из гроба!» Однако для свадьбы и супружеской жизни денег Ковнеру не хватало. К тому же неуживчивый Альберт уже успел возненавидеть директора банка господина Зака за «пренебрежительное» отношение. Тогда у него и родилась мысль получить в Москве деньги по подложному письму. Подделав

подпись Зака, он отправил своего дядю Герца за деньгами, а сам с невестой скрылся, предварительно написав Заку страстное обличительное письмо (стиль революционных прокламаций!). Герц Буярин получил 168 тысяч, 113 – отдал Ковнеру, 55 – забрал себе за труды. Все трое собирались уехать за границу; Буярин успел, а Ковнер и Кангиссер были разысканы и арестованы. На суде Ковнер, перемежая обличительные речи с рыданиями, умолял оправдать Софью: она, чистая и честная, ничего не знала о преступлении своего возлюбленного. Суд приговорил Ковнера к четырем годам тюрьмы. Кангиссер была оправдана.

Среди длинного ряда дел о растратах и хищениях в различных финансовых и коммерческих учреждениях Петербурга, безусловно, самым громким было дело Юханцева. Оно расследовалось в 1878–1879 годах. Юханцев служил кассиром в Обществе взаимного поземельного кредита более десяти лет. Общество это, заметим, отличалось элитарностью, в его правлении состояли лица, весьма близкие к правительству и ко двору. И вдруг – гром среди ясного неба: при передаче дел новому кассиру обнаружили недостачу на фантастическую сумму – более двух миллионов рублей. На квартире Юханцева произвели обыск – и обнаружили небольшую часть похищенных ценных бумаг, а вместе с ними и сожительницу Юханцева цыганку Ольгу Шишкину. В роскошном будуаре разбросаны были подаренные ей Юханцевым золотые кольца, браслеты, ожерелья с бриллиантами и тому подобные безделушки. Вся квартира битком набита дорогими коврами, бронзой, фарфором и серебром. На следствии Юханцев прямо объявил, что им были растрачены облигации и деньги на всю вышеуказанную сумму, что большая часть этих средств пошла на обслуживание ценных бумаг с целью как можно более длительного сокрытия хищения, а остальное – прожито.

Дело сразу привлекло к себе страстное внимание публики. Поражала сумма похищенного. Два миллиона! Деньги, сопоставимые с расходами России в только что отгремевшей войне! Говорили о роскоши, которой, напоказ всему свету, окружал себя Юханцев. Рассказывали о его кутежах с цыганами, о его бесчисленных любовницах и содержанках, о том, что лошадей он поил шампанским, и прочее в том же духе. Прибавляли и романтические подробности. Первое хищение незначительной суммы денег Юханцев совершил ради жены, которую безумно любил, но она, увы, не любила его, всячески попрекала бедностью, требовала денег и подарков, без этого отказывалась выполнять супружеские обязанности. Купив временное расположение жены путем кражи и убедившись в

безнаказанности, он стал продолжать в том же духе. Вскоре он уже не мог остановиться: покрыть растущую недостачу было нечем, а для обеспечения платежей по украденным облигациям нужны были все новые средства… Юханцев окончательно запутался, принялся кутить. С женой ему все равно пришлось расстаться. Его загулы и та роскошь, в которой он купался, бросались в глаза знавшему толк в разврате петербургскому обществу… Тем не менее эти колоссальные хищения совершались в течение восьми лет!

На суде Юханцев во всем сознался и во всем раскаялся. И был приговорен к ссылке.

Необыкновенные кражи

Хотя кража, вообще говоря, является преступлением банальным, массовым, отдадим должное петербургским ворам – они умудрялись придавать изумительный колорит своим преступным проделкам. Мы не станем утомлять читателя статистикой и анализом этой отрасли преступности, процветавшей в столице Российской империи; расскажем лишь о некоторых наиболее выдающихся кражах. Причем любопытный психологический факт: среди «творцов» этих «художеств» встречаются и лица необыкновенные, и физиономии вполне заурядные. Что еще раз подтверждает известную истину: талант (в том числе и криминальный) порой скрывается за внешностью тихого обывателя.

Во времена Александра II детективной литературы как таковой еще не существовало; публика удовлетворяла свой интерес к криминалу, читая судебные отчеты в газетах; государь же император Александр Николаевич, которому ничто человеческое не было чуждо, пользовался другим источником для «щекотки нервов». Петербургский градоначальник Ф. Ф. Трепов ежегодно представлял высочайшему вниманию «Отчеты о деятельности Санкт-Петербургской городской полиции». Среди скучных сводок, цифр, представлений к чинам и наградам где-нибудь посредине отчета скрывался заголовок: «О деятельности сыскного отделения». Под ним были собраны наиболее остросюжетные истории из жизни петербургского сыска, случившиеся за год. Нет сомнения, что светлым весенним вечером 1873 года государь с интересом читал историю пропажи и возвращения коллекции ценнейших российских и иностранных орденов из Артиллерийского музея.

Пропажа орденов была обнаружена январским утром 1872 года. Коллекция хранилась в здании музея, расположенном во дворе Кронверкского арсенала. Согласно показаниям смотрителей, похищенными оказались около 20 предметов: кресты, звезды, цепи орденов, в том числе принадлежавшие Александру I украшенные рубинами и бриллиантами знаки орденов Андрея Первозванного, Александра Невского, св. Анны, Белого орла, прусский орден Черного орла, английский орден Подвязки и пр. Как злоумышленники проникли в здание? Очень просто: стёкла в дверях, выходящих во двор, были выбиты. Однако выбиты-то они были изнутри! Полиция пришла к выводу об участии в краже кого-то из служащих музея. Некоторое время спустя кое-что из похищенного всплыло: агенты сыскной полиции

обнаружили несколько орденов в лавке купца Кручинина, торговавшего в Апраксином дворе. По цепочке вышли на подозреваемых.

Очень скоро были арестованы служивший при музее отпускной солдат Николай Зелянов, тридцати лет, и два его собутыльника, нигде не работающие крестьянин Иван Артемьев, двадцати трех лет, и мещанин Никита Андреев, восемнадцати лет. Они сознались и повинились.

Как оказалось, мысль похитить ордена родилась у Зелянова, который хорошо знал порядки и расположение помещений в музее. Ночью злоумышленники выбили стекла в дверях, проникли внутрь и утащили драгоценные ордена, стоимость которых по тогдашним ценам исчислялась сотнями тысяч рублей (современную стоимость назвать затрудняемся, но речь шла бы о миллионах долларов). Злоумышленникам удалось сбыть их – за смехотворную сумму в 130 рублей. Практически все вырученные деньги были моментально пропиты. А виновные получили по полтора-два года арестантских рот.

Другая примечательная кража была совершена на пару лет раньше, и не грубыми мужскими руками, а дрожащей девичьей ручкой; и не из пьяно-похмельного расчета, а на почве любви.

Пропажа обнаружилась в аристократическом доме П. Ф. Дурасова, церемониймейстера двора его императорского величества. Из шкатулки, что хранилась в спальне жены Дурасова, исчезли бриллиантовое колье и серьги стоимостью 70 тысяч рублей (цена вполне приличного поместья или двухэтажного каменного дома в центре Петербурга). Опытные сыщики сразу установили причастность к похищению кого-то из домашних: шкатулка была закрыта, а замок не поврежден; следовательно, вор воспользовался ключом. При первом же допросе, коему была подвергнута прислуга, молоденькая горничная Поля разрыдалась и во всем созналась перед полицейскими и барыней. Оказалось, что Поля, Аполлинария Петрова, честная семнадцатилетняя девушка, имела несчастье влюбиться в «лицо лакейского звания» по имени Василий, быть соблазненной им и – увы, увы – забеременеть от него. Гнусный соблазнитель решил воспользоваться фортуной и тем доверием, которое питала госпожа Дурасова к своей горничной. Воздействуя на чувства влюбленной и испуганной девушки обещанием жениться, он уговорил ее совершить кражу. Василия Соловьева тотчас задержали; драгоценности обнаружили у него. На суде Аполлинария повторила свои признания, и Василию ничего не оставалось, как покаяться. Сама потерпевшая госпожа Дурасова ходатайствовала перед судом о смягчении приговора для обоих

подсудимых. Как пишет корреспондент «Судебного вестника», «красивое, чрезвычайно симпатичное лицо Петровой так располагало в их пользу, что защите нетрудно было достигнуть признания присяжными подсудимых заслуживающими снисхождения». Результат: ему – 15, ей – 8 месяцев содержания в работных домах.

Демон воровства порой овладевает людьми из самого хорошего общества. Примеров тому можно привести множество. Штабс-капитан Богуславский и дворянин Перловский утаскивают из сейфа родственника последнего 12 тысяч рублей, принадлежащих доверительнице этого родственника княгине Барятинской. Юнкер лейб-гусарского Павлоградского полка Константин Орлинский, аристократический юноша с самыми блистательными видами на карьеру, крадет деньги из кабинета своего дядюшки, генерал-лейтенанта Суходольского, похоронив все надежды на собственное будущее. Великий князь, племянник государя, похищает бриллианты из оклада фамильной иконы, чтобы швырнуть их к ногам иностранной авантюристки… Обо всем не расскажешь.

Совершенно особняком в ряду выдающихся петербургских краж стоит дело доктора богословия Пихлера. Судите сами. С августа 1869 года работники Императорской Публичной библиотеки стали замечать исчезновение книг из хранилища. Книжное воровство в те времена было неслыханной редкостью, библиотекари терялись в догадках. Их растерянность можно понять: статус Публичной библиотеки как государственного учреждения (не в пример нынешним временам) был очень высок; ее директор носил чин действительного статского советника, что соответствовало должности губернатора или директора департамента в министерстве. Хищения в таком серьезном учреждении бросали самую невыгодную тень на служащих. По этой причине библиотечное начальство не спешило обращаться в полицию, надеясь своими силами разобраться в ситуации. Так прошел год. Книги продолжали пропадать с поразительной регулярностью, несмотря на все меры по части охраны и сыска, принимаемые дирекцией. Лишь в июле 1870 года кто-то из библиотекарей обратил внимание на странность в поведении одного вполне почтенного читателя. Баварский подданный доктор богословия Алоизий Пихлер, имевший разрешение на работу в фондах, почему-то даже летом и в хорошую погоду приходил туда в широком непромокаемом пальто.

Пихлера трудно было заподозрить в хищении: ведь он как ученый (и честный немец) имел право брать книги из библиотеки домой под расписку. И все же за ним решили проследить. И вот

сотрудники библиотеки, спрятавшись за стеллажами, увидели, как, оставшись один, доктор взял с полки толстый древний том сочинений св. Амвросия, сунул его под одежду и отправился восвояси. При выходе из библиотеки он был задержан. Тут же направились к нему домой. На квартире Пихлера, в доме по Большой Конюшенной улице, что возле финской кирхи, провели обыск, результаты которого поразили всех. Там обнаружились 4372 книги, принадлежащие собранию Публичной библиотеки. Некоторые из них уже были упакованы в ящики и приготовлены к отправке за границу. Со многих вытравлены или срезаны штампы с императорскими орлами.

Пихлер и задержанная в ходе обыска его сожительница Кресценция Виммер пытались представить дело так: рассеянный доктор будто бы выносил книги на время, не зная, что имеет право делать то же самое законным образом, под расписку; а необразованная Кресценция, «наводя порядок» в докторской библиотеке и думая, что эти книги – его собственность, стала выводить государственные штампы. Эта версия не убедила следствие: слишком велико было количество книг, да и по содержанию они не вполне подходили под богословскую тематику: например, сборники песен Беранже или руководство к танцам. Приделанный к сюртуку аккуратного немца потайной мешок для переноски книг и подготовленные к отправке ящики и вовсе наводили на мысль о коммерческом характере хищения.

Суд над Пихлером и Виммер состоялся в июне 1871 года. Корреспондент «Судебного вестника» так описывает «виновника торжества»: «…Высокого роста, чрезвычайно тощ; у него маленькая голова, чрезвычайно блестящие глаза; он смотрит исподлобья, не прямо в лицо, постоянно улыбается и краснеет, говорит с большою энергиею и жестикулируя; часто поднимает глаза и руки к небу и произносит имя Бога».

Несмотря на последнее обстоятельство и на старания защитника К. К. Арсеньева, присяжные признали обоих подсудимых виновными. Приговор состоялся почти по формуле «дан приказ ему на запад, ей – в другую сторону»: Пихлер был сослан в Сибирь, а Виммер выслана из России в Баварию.

Знаменитые убийства

Убийство. Самый отталкивающий и самый привлекательный для публики, самый «детективный» вид преступлений. Криминальная жизнь столицы Российской империи раскрывает перед нами вереницу кровавых историй… Правда, отметим одно обстоятельство: убийства в те богобоязненные времена были редкостью – даже в «передовом» Петербурге. По данным полицейской статистики, за период с 1866 по 1878 год в столице совершалось в среднем всего 15 убийств в год. Это при населении в 600–700 тысяч! Другое дело, что ежегодно, в основном по весне, из Невы извлекали около сотни тел утопленников, и все они автоматически считались жертвами несчастных случаев… Но так или иначе, убийство в глазах общества было преступлением страшным и возбуждало живейшее внимание публики. Некоторые дела приобретали громкую известность не только в Петербурге, но и по всей стране. Более всего ужасали и приманивали публику два мотива: кровавый сюжет и неожиданный состав действующих лиц. Гвардейский офицер, иеромонах Александро-Невской лавры, отставной полицейский, почтенный старик-чиновник – эти образы в сочетании с вещественным антуражем – окровавленными трупами и страшными орудиями убийства – создавали социально-мрачный колорит знаменитых судебных процессов той эпохи. В таковом колорите с недавних пор стали черпать вдохновение современные нам детективные писатели. Полагаем, читателю будет небезынтересно знакомство с первоисточниками.

Убийство в Гусевом переулке

Утром 4 июня 1867 года (это был праздник Троицы) жильцы дома № 3 по Гусеву переулку (ныне пер. Ульяны Громовой) обратили внимание на странное молчание в одной из квартир. На стук в дверь ее обитатели не откликались. Убедившись в том, что дверь заперта изнутри, домохозяин статский советник Яковлев послал за полицией. Взломали дверь с черного хода. Войдя в кухню, полицейский пристав обнаружил лежащее на полу в луже крови тело молодой женщины. При дальнейшем обследовании квартиры в спальне, на кровати, были найдены залитые кровью и обезображенные трупы мужчины и женщины. Постель вся была забрызгана кровью. Множество следов крови виднелось на кухне, в спальне и кабинете. В убитых удалось опознать проживавших в квартире съемщиков, отставного майора Ашмаренкова, его

сожительницу мещанку Григорьеву и служанку Аграфену Бабаеву. Во время осмотра кто-то из присутствующих услышал стоны. По этим стонам в кабинете под диваном нашли мальчика лет тринадцати, гимназиста Сергея Петрова, еще живого, в бессознательном состоянии, окровавленного, с ужасающими травмами головы и грудной клетки. Гимназиста отправили в ближайшую больницу – Мариинскую, на Литейном, – и там он к вечеру того же дня, не приходя в сознание, скончался. В довершение всего в дровяном ящике на кухне был обнаружен труп собаки, удушенной полотенцем.

Из квартиры пропали некоторые вещи. Ящики бюро были открыты, но не взломаны. Находившаяся в одном из них шкатулка, в которой хозяин хранил ценные бумаги и деньги, отперта ключом; деньги из нее пропали, а ценные бумаги на сумму около 15 тысяч рублей, к удивлению полиции, оказались засунутыми в поддувало печи вместе с какими-то окровавленными тряпками. Тут же нашлись и вероятные орудия убийства: несколько тяжелых чугунных окровавленных утюгов и полено со следами крови и налипшими на него волосами, похожими на волосы Григорьевой.

При опросе свидетелей выяснилось, что Ашмаренков снимал квартиру в доме Яковлева уже более десяти лет, жильцом считался солидным, исправным, отзывы о нем и о его сожительнице Григорьевой были получены самые положительные. Ашмаренков служил, вышел в отставку менее года назад, имел приличную пенсию и небольшой капитал в ценных бумагах, на проценты с которых и существовал безбедно. Ашмаренков и Григорьева слыли за людей трезвых, аккуратных, добропорядочных и замкнутых; гостей принимали редко, и только близких знакомых. Служанка Груша тоже считалась девушкой скромной, честной. Несчастный гимназист Сережа и его любимая собака Джек вообще оказались в квартире Ашмаренкова случайно: Сережа, дальний родственник домохозяина Яковлева, должен был переночевать здесь, по знакомству, лишь одну ночь…

Между тем обстоятельства дела указывали на то, что преступление совершено не одним человеком, а несколькими и что среди преступников был некто, хорошо знакомый с жизнью роковой квартиры и ее обитателей. Во-первых, преступник знал, где Ашмаренков хранил деньги и ценности. Во-вторых, преступник воспользовался ключом, чтобы отпереть шкатулку и бюро. И в-третьих, преступник представлял себе и распорядок дня, и степень изолированности квартиры, ведь крики жертв легко могли привлечь внимание посторонних. Наконец, и это самое главное, кто-то ведь впустил убийцу в дом! Вышел убийца

(или убийцы) через окно: одна из рам оказалась не закрытой изнутри на крюк. Но войти-то он мог, только если его впустили, отперли ему дверь. Значит, это был кто-то из знакомых.

Довольно скоро под подозрение попали трое: дворник того дома Яким Федоров, его сожительница Анна Андреева и прачка Марья Корнеева. Откровенно говоря, улик против них было маловато. Яким уже судился за ограбление; в день убийства, по показаниям свидетелей, он как-то странно себя вел. В его закутке, среди вещей Анны, было обнаружено пальто убитой Григорьевой и бумага со следами крови. У прачки Корнеевой было обнаружено платье, тоже со следами крови, а также ссадины на руках. Их арестовали. Яким объяснил, что пальто попало к ним еще до убийства, а прачка Марья, горькая пьяница и неряха, заявила, что кровь на подоле у нее от месячных, а ссадины – потому что она в пьяном виде грохнулась и разбила руки и физиономию. При тогдашнем состоянии судебной медицины невозможно было твердо установить, чья это кровь и каково ее происхождение; ясно было только, что это кровь человеческая.

Следствие топталось на месте год. По истечении года наследники погибших вступали во владение имуществом. С квартиры была снята печать, и при новом осмотре в кухне, в дымоходе, обнаружили окровавленную женскую рубашку. Свидетели показали, что рубашка принадлежит некой Дарье Соколовой, ранее служившей у Ашмаренкова и, по некоторым сведениям, бывшей с ним в любовной связи. Дарья, солдатская жена, проживала в деревне Пальцево Устюжненского уезда Новгородской губернии. Время от времени она приходила в Питер на заработки и, случалось, просилась переночевать к бывшему своему барину. Ашмаренков и Григорьева ее пускали. Так было накануне убийства: нашлись свидетели, этот факт подтвердившие. Следствие немедленно отправилось в Устюжненский уезд и там, неожиданно нагрянув в дом Соколовой, обнаружило спрятанные вещи из квартиры убитых и ящик с пропавшими ценностями.

Дарья Соколова созналась в преступлении. Она рассказала, что 3 июня пришла к Ашмаренкову и, как обычно, попросилась ночевать. Ночью ей не спалось, и вот внезапно в ее голове родилась мысль: убить хозяев и завладеть их богатством. Она потихоньку встала, взяла на кухне утюги, подкралась к кровати, первыми ударами (шестью, как показала экспертиза) размозжила голову хозяину; хозяйка проснулась, попыталась выбраться из постели (эксперт-медик показал, что она, скорее всего, успела закричать), но тут же была оглушена и добита утюгом, а потом поленом. Далее убийца двинулась на кухню, где ударом утюга в

лицо сбила с ног вскочившую Грушу и добила ее уже на полу. Собаку она задушила, чтобы та не лаяла, а мальчика Сережу, который ночевал в кабинете и о присутствии которого Дарья заранее не знала, решила прикончить, дабы не оставлять свидетеля… После этого она взяла ценности и вскрыла шкатулку с деньгами. Но тут-то и выяснилось, что наличных денег в ней почти нет, а что делать с ценными бумагами, Дарья по серости своей не знала. Она предпочла спрятать их, а заодно и окровавленную одежду в дымоход, а сама покинула квартиру через окно, прихватив лишь вещи и 15 рублей денег.

Признание Соколовой не прояснило до конца всех обстоятельств убийства. Не вполне ясным оставался вопрос о соучастниках: трудно было поверить, что такое преступление можно совершить спонтанно и в одиночку. В итоге суду были преданы четыре человека: Соколова, Федоров, Андреева и Корнеева. На суде (в январе 1869 года) Соколова отказалась от своих показаний, заявив, что она себя оговорила под давлением следователя; что она действительно ночевала в ту ночь в квартире Ашмаренкова; что ночью слышала, как в квартиру вошли двое неизвестных, и даже видела их, что сумела от них спрятаться под диван; что неизвестные, совершив убийство, бежали, спугнутые каким-то шумом; что она, Дарья, перепуганная до смерти, схватила узел со своими вещами и убежала из квартиры и из города и только на пути домой, в деревню, обнаружила, что вместо своих вещей унесла брошенные грабителями хозяйские.

Присяжным пришлось решать трудную задачу. В виновности Соколовой мало кто сомневался. Но доказательств вины остальных подсудимых следствие собрать так и не смогло. А без них оставался неясным вопрос о соучастниках преступления, и, значит, вся версия обвинения становилась неубедительной. В итоге присяжные вынесли Федорову, Андреевой и Корнеевой оправдательный вердикт; Соколову признали виновной в недонесении и присвоении имущества убитых, но не в самом убийстве. Правда, наказание ей было назначено при таком вердикте максимальное: двенадцать лет каторги и вечное поселение в Сибири.

Это дело, поучительное с житейской и психологической сторон, может служить примером того, как трудно построить обвинение даже при наличии большого числа улик без надежных данных судебно-медицинской экспертизы и идентификации личности. Нет сомнения, что по отпечаткам пальцев и результатам микроскопического анализа крови виновные без труда были бы установлены. Но эти методы появились на

вооружении криминалистики несколько десятилетий спустя.

Убийство Фон-Зона

Это мрачное дело, в самом разоблачительном свете рисующее нравы респектабельных петербургских обывателей, вызвало громкий общественный резонанс, отголоски которого мы слышим в творчестве Достоевского и Салтыкова-Щедрина. В ночь с 7 на 8 ноября 1869 года исчез Николай Фон-Зон, отставной надворный советник, состоятельный пожилой холостяк. Вечером 7 ноября его видели в клубе Благородного собрания, откуда он отправился в ночное увеселительное заведение «Эльдорадо», пользующееся сомнительной репутацией… После этого о нем не было никаких известий.

20 декабря того же года в отделение сыскной полиции, что на Гороховой улице, явился молодой мещанин Александр Иванов, проживающий в Спасском переулке, у Сенной площади, и заявил, что полтора месяца назад они с соучастниками убили Фон-Зона, тело же убитого поместили в чемодан и отправили железнодорожным багажом в Москву. Полиция немедленно провела обыск на указанной квартире. Там были найдены следы преступления: пятна крови, яд, которым, по рассказу Иванова, пытались отравить Фон-Зона, а также утюги, которыми его били по голове. Очень скоро нашлись и торговцы, которым участники убийства сбыли вещи жертвы. Тогда же командированные в Москву полицейские обнаружили в багажном отделении вокзала Николаевской железной дороги чемодан, соответствовавший описаниям Иванова. Чемодан вскрыли. В нем лежал завернутый в тряпье полуразложившийся труп. По седым волосам, усам, эспаньолке, деталям одежды в нем удалось опознать исчезнувшего Фон-Зона. Подозреваемые в убийстве – семь человек – были арестованы. На следствии выявилась следующая картина преступления.

Квартира, где произошла трагедия, была не чем иным, как мини-борделем. Таких «интимных уголков» много действовало в окрестностях Сенной площади. Из прихожей дверь вела вправо на кухню, а прямо – в большую комнату с диваном, креслами и фортепьяно. За этой комнатой скрывалась еще одна, темная длинная спальня. Хозяином квартиры был молодой мещанин Максим Иванов; тут же жили его сожительница Дарья Турбина, брат Александр Иванов, слуги Антон Грачев и Иван Федоров, проститутки Александра Авдеева и Александра Семенова (Саша Большая и Саша Маленькая), а также некая Елена Дмитриева,

которую, судя по всему, Максим Иванов готовил к тому же промыслу. Проститутки зарабатывали деньги, но Максиму все казалось мало. Постепенно им овладела одна мысль – заманить богатого клиента, убить его и ограбить. Наилучшее средство для этого – яд; Иванов приобрел ляпис и цианид и при помощи слуг и Саши Большой начал экспериментировать – ловить и травить котов и собак. Вскоре техника убийства была отработана, оставалось выбрать жертву.

Фон-Зон вполне подходил на эту роль. Одинокий пожилой сластолюбец с капитальцем, он почти еженощно после вечера, проведенного в Благородном собрании, приезжал развлекаться в «Эльдорадо», где крутились проститутки на всякий вкус и карман. Здесь он и познакомился с Ивановым и его «барышнями». На роковую квартиру он стал захаживать ради Саши Маленькой… В ночь с 7 на 8 ноября, приехав в «Эльдорадо», он повстречал Максима вместе с обеими Сашами; те стали зазывать его в свой притон… Но Фон-Зону на этот раз не хотелось ехать: он уже изрядно подвыпил, и его тянуло домой, на отдых. Максим нашел чем соблазнить старика: у него, Максима, дома есть девочка тринадцати лет, невинная, она согласна отдаться за 30 рублей. Против такого предложения отставной надворный советник устоять не мог. Вся компания отправилась в Спасский переулок. На квартире их действительно ждала несовершеннолетняя Елена Дмитриева. Принесли водку. Зон, и без того пьяненький, выпил еще… Но дело не ладилось: Елена почувствовала к пьяному старцу отвращение и убежала. Зон стал собираться восвояси, а тем временем Саша Большая вытащила у него из кармана бумажник. Эту пропажу Зон обнаружил уже на улице и, на свою беду, решил вернуться.

Теперь уже Максим не мог выпустить жертву. Зона уговорили выпить еще. В рюмку всыпали цианид… Что произошло дальше, не совсем понятно: яд не подействовал; Фон-Зона начали душить, повалили на пол. Кто-то накинул ему на голову плед, кто-то притащил утюг, стали бить по голове. Оба Иванова, Грачев и Федоров давили и били старика, а Саша Большая колотила в это время по клавишам рояля, чтобы заглушить крики и шум борьбы. Тело спрятали до утра под кровать в спальне, а наутро запихали в чемодан и отправили в Москву посылкой на вымышленное имя. Вещи продали и деньги поделили. На каждого пришлось круглым счетом по 10 рублей…

Дело разбиралось в суде в марте 1870 года. Интерес к делу был огромный, о нем писали все газеты. В зале яблоку негде было упасть. Среди публики присутствовали несколько великих князей, министр юстиции граф К. И. Пален, министр иностранных дел

князь А. М. Горчаков (лицейский товарищ Пушкина). Защищали подсудимых известные адвокаты: К. К. Арсеньев, В. Д. Спасович, К. Ф. Хартулари, В. И. Герард, А. И. Языков, П. А. Потехин. Впрочем, даже они не подвергали сомнению виновность своих подзащитных. Главным организатором убийства был признан Максим Иванов, он получил 12 лет каторги. А. Иванов и Федоров – по 4 года. Сашу Авдееву приговорили к ссылке в отдаленные места Сибири на поселение. Грачеву дали 3 года тюрьмы, а Турбиной, которая в убийстве не участвовала и была признана виновной лишь в недонесении, – 8 месяцев. Саша Маленькая и «невинная» Дмитриева, якобы мирно проспавшие ночь убийства в темной комнате за стенкой, к суду привлечены не были.

Убийство князя Аренсберга

Это убийство вызвало настоящий переполох в правительственных и дипломатических кругах Петербурга и Вены. 25 апреля 1871 года камердинер австрийского военного атташе князя Аренсберга, жившего на Миллионной улице, возле Зимней канавки, войдя в его спальню в назначенное время, увидел там пугающий беспорядок, опрокинутые ширмы, разбитую лампу, разлитый по полу керосин. Князь лежал мертвый в постели, головой в ногах кровати; лицо его было накрыто подушкой, горло затянуто веревкой, ноги связаны. Прибывшая полиция обнаружила пропажу ценных вещей на небольшую сумму; преступники явно пытались похитить деньги и бумаги из несгораемого сундука, хранившегося в соседней комнате, но не смогли этого сделать. Очень скоро известие об убийстве видного дипломата, совершенном в двух шагах от императорской резиденции, Зимнего дворца, распространилось по городу. На место происшествия приехали министр юстиции К. И. Пален, начальник III Отделения П. А. Шувалов, градоначальник Ф. Ф. Трепов. Вести розыск было поручено начальнику сыскной полиции И. Д. Путилину. Сам государь взял дело под свой контроль.

При опросе свидетелей выяснилось следующее. Князь вел размеренный образ жизни; ежевечерне он отправлялся в аристократический морской Яхт-клуб; там проводил часть ночи за карточной игрой и возвращался домой часа в четыре утра. Дверь он отпирал своим ключом; из прислуги в доме оставался ночевать обычно только кухонный мужик, остальные приходили поутру. По отсутствию следов взлома и по тому, как легко ориентировались преступники в доме убитого, следствие заподозрило участие в

деле кого-то из домашних. Оказалось, что ночевавший в доме кухонный мужик недавно взят на работу, а его предшественник, уволенный две недели назад за скверное поведение (он только что до этого отбыл тюремное заключение за мелкую кражу), как раз накануне приходил к князю за расчетом. Подозрение пало на этого уволенного кухонного мужика, крестьянина Гурия Шишкова. В тот же день он был обнаружен сыскной полицией и арестован.

Но очевидно было, что Шишков действовал не в одиночку. Исследуя его связи, Путилин выяснил, что во время пребывания в тюрьме он общался только с одним заключенным – купеческим сыном Петром Гребенниковым, тоже недавно выпущенным на свободу. Путем хитроумной комбинации сыщики быстро обнаружили и арестовали Гребенникова. При нем оказались некоторые похищенные вещи князя. В конце концов Шишков и Гребенников сознались в убийстве. В день преступления Шишков под видом получения расчета проник в дом Аренсберга и спрятался там до ночи. Ночью, когда слуги ушли, он впустил своего сообщника в дом. Оба они проникли в спальню и кабинет князя, но не смогли взломать сундук и решили дождаться хозяина, с тем чтобы выкрасть у него бумажник и ключи. Около четырех часов ночи князь вернулся домой, лег в постель и заснул. Преступники стали шарить в поисках ключей и бумажника. На свою беду, князь проснулся и закричал. Преступники накинулись на него и задушили. После этого, прихватив то немногое, что смогли добыть, скрылись.

Следствие было проведено и дело раскрыто в рекордно короткий срок – две недели. Суд, состоявшийся 13 мая, признал обоих виновными и приговорил к 15 годам каторжных работ каждого.

Дело Ландсберга

Это дело имело шумный резонанс, потому что убийцей оказался гвардейский офицер, «белая кость», к тому же человек «с идеями».

30 мая 1879 года рабочий-маляр, красивший стену дома № 14 по Гродненскому переулку, увидел в окне одной из квартир окровавленный труп женщины. Прибывшая полиция вскрыла двери квартиры, и в ней, в лужах застывшей крови, были обнаружены хозяин Власов и кухарка Семенидова, зарезанные, со множеством ран, нанесенных острым режущим орудием. Из квартиры были похищены принадлежавшие Власову ценные

бумаги на сумму 14 тысяч рублей. Отсутствие следов взлома свидетельствовало о том, что убийца был впущен в квартиру хозяином, а значит, принадлежал к числу его знакомых. Характер кровавых пятен показывал, что сам убийца ранен в руку.

Очень скоро подозрение пало на знакомого Власова, прапорщика Карла Ландсберга. Было установлено, что он посетил квартиру Власова 25 мая, после чего ни хозяина, ни его кухарку никто не видел живыми. Зато самого Ландсберга видели и запомнили в аптеке Фридлендера у Каменного моста, куда он заходил, чтобы перевязать глубокую рану на правой ладони. Подозреваемый был выслежен, арестован и вскоре сознался в убийстве.

Дело слушалось в суде в июле того же года. Председательствовал на суде Кони, обвинителем выступал прокурор Сабуров, защищал подсудимого присяжный поверенный Войцеховский. Подсудимый не отрицал своей виновности и был изобличен в совершении преступления с корыстными целями. Тем не менее дело привлекло оживленное и даже болезненное внимание публики. Ландсберг – гвардейский офицер, молодой и красивый, принятый в высшем петербургском обществе, имевший успех и у дам, и у их высокопоставленных мужей. К тому же, несмотря на молодость, уже герой двух войн – кокандской и русско-турецкой, – награжденный орденами за храбрость. В числе свидетелей проходили знаменитости, например находившийся тогда в зените славы завоеватель Коканда и Хивы туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман.

Прежде всего интерес вызывали мотивы преступления. Ландсберг не принадлежал к числу «вынужденных к совершению преступления крайностью» (как гласила принятая в те времена юридическая формула). Но для ведения светского образа жизни ему требовались деньги. Появились долги, которые оплатить из имеющихся доходов не было никакой возможности. А в это же время возникла у гвардейского прапорщика перспектива выгодной женитьбы на генеральской дочери. Словом, ситуация вполне романная и достаточно типичная для петербургского светского общества тех времен. Однако, в отличие от множества себе подобных, Ландсберг, разрубая гордиев узел проблем, решился на убийство.

Образ жертвы преступления – Власова – не вызывал сочувствия у публики. Это был жадный и неумолимый ростовщик, охотно дававший деньги в долг молодым бесшабашным гвардейским офицерам и впоследствии мучивший и губивший их неоплатными процентами. Ландсберг имел дела с Власовым еще в бытность юнкером. По каким-то причинам Власов питал к

Ландсбергу симпатию, доверие и даже гордился им как близким знакомым. Ландсберг имел возможность свободно бывать в доме Власова, что облегчало совершение преступления, замысел которого он вынашивал давно. Одно обстоятельство ускорило дело: 25 мая наступал срок платежа Ландсберга по долгам Власову. Несмотря на добрые отношения, рассчитывать на отсрочку не приходилось. И вот в означенный день Ландсберг явился на квартиру своего кредитора, прихватив с собой нож и револьвер, и хладнокровно зарезал его, а заодно – как Раскольников в «Преступлении и наказании» – и случайно оказавшуюся в квартире и ни в чем не повинную кухарку Семенидову. Лишь в тюрьме Ландсберг узнал, что Власов, желая сделать симпатичному офицеру сюрприз к свадьбе, уничтожил его долговые расписки и все свое состояние завещал ему…

Сходство с Раскольниковым усугубляется еще и тем, что Ландсберг подводил под свои преступные действия идейную базу. В записке, составленной уже в тюрьме, он развивает ту мысль, что убийство, и притом массовое, есть главное средство достижения успеха, славы и всяческого блага в мире. В доказательство он приводит примеры Бисмарка, Круппа, Наполеона III, успех колонизаторской политики англичан в Афганистане и Южной Африке, а также события недавней русско-турецкой войны, участником которой был сам. Индивидуалистические, болезненно интровертированные идеи Раскольникова развиты в направлении социально-политической агрессии. В горделивой и кровожадной теории Ландсберга слышатся ноты ницшеанского презрения к человечеству, культ героя-сверхчеловека, идея создания образцового будущего через насилие. Предвестие фашизма.

Все это сделало образ двойного убийцы Ландсберга и отталкивающим, и привлекательным, а его дело – громким. О процессе писали ведущие газеты обеих столиц. Суд приговорил Ландсберга к лишению всех прав состояния, 15 годам каторги и вечному поселению в отдаленных местах Сибири. Отбывал каторгу Ландсберг на Сахалине. Журналист Влас Дорошевич, посетивший каторжный остров в 1898 году, пишет, что все проезжие дороги и прочные мосты в сих гиблых местах построены под руководством бывшего сапера и каторжника Ландсберга. За примерное поведение Ландсберг был переведен на поселение, жил в Александровске-Сахалинском, женился, успешно занялся коммерцией и вскоре подчинил себе чуть ли не всю сахалинскую торговлю. А. П. Чехов тоже встречался с ним на Сахалине, обедал за его столом и оставил описание его самого и его дома в книге «Остров Сахалин», в главе II («идейный убийца» не назван по имени, а скрыт под литерой «Л»).

Убийство иеромонаха Иллариона

Церковь и монастырь – места, защищенные крестом и Евангелием от криминала. Преступления в стенах обителей в дореволюционной России совершались крайне редко. Тем более жадное внимание приковывали они к себе, если все же совершались. И вот – не просто преступление, а зверское убийство иеромонаха в первенствующем монастыре православной империи.

Убийство было совершено в январе 1873 года. О его расследовании рассказывает тогдашний прокурор Петербургского окружного суда А. Ф. Кони. Труп иеромонаха Иллариона был обнаружен в келье, где он «лежал… в огромной луже запекшейся крови, натекшей из массы ран, нанесенных ему ножом. Его руки и лицо носили следы борьбы и порезов, а длинная седая борода, за которую его, очевидно, хватал убийца, нанося свои удары, была почти вся вырвана, и спутанные, обрызганные кровью клочья ее валялись на полу в обеих комнатах». Из кельи была похищена сумка с золотом. Убитый иеромонах был человеком состоятельным: он долгое время служил корабельным священником и за время плаваний скопил некоторую сумму денег в золоте и ценных бумагах. Жизнь вел уединенную, лишь изредка приглашая к себе в келью молодых послушников для общения, и, как намекали некоторые злые языки, не только и не просто для общения… Трудность, с которой столкнулось следствие, заключалась в том, что лавру посещало множество богомольцев и приезжих из других монастырей; все они проживали здесь без регистрации, уезжали свободно. Круг подозреваемых поэтому был неопределенно широк. К тому же с момента убийства до обнаружения трупа прошло два дня; убийца имел достаточно времени, чтобы скрыться. Между тем дело выходило громкое: Александро-Невская лавра – резиденция митрополита, самый почитаемый монастырь столицы, покровительствуемый царской семьей. Как раз в то время, когда в келье Иллариона работало следствие, в Троицком соборе лавры на богослужении присутствовал государь.

Прибывший на место происшествия начальник Петербургской сыскной полиции И. Д. Путилин обратил внимание на то, что, в то время как пол, стены и мебель забрызганы кровью, в донце подсвечника кровь натекла ровно, без брызг. Из этого он заключил, что это – кровь убийцы, что, следовательно, убийца сам ранен в руку; далее по расположению кровавых пятен на некоторых предметах Путилин установил, что ранен тот в ладонь правой руки. Во все полицейские участки Петербурга и соседних

губерний были разосланы соответствующие ориентировки. По описанной примете убийца был в тот же день обнаружен, пьяный, в трактире на станции Любань. Им оказался крестьянин Новгородской губернии Иван Михайлов, восемнадцати лет. При нем было похищенное золото. От ужаса он тут же сознался, что под видом богомольца проник в монастырь, где прослышал о «сокровищах» Иллариона, проник к нему в келью и…

Михайлов был осужден, но, как пишет А. Ф. Кони, «до отправления в Сибирь сошел с ума. Ему, несчастному, в неистовом бреду все казалось, что к нему лезет отец Илларион, угрожая и проклиная…».

Миронович и Сарра Беккер

Дело это привлекло внимание общественности двумя редкими для той поры мрачно-пикантными обстоятельствами. Первое: убийство ребенка, да еще девочки. Второе: убийство на сексуальной почве. К тому же убитая была еврейкой, и это придавало делу модный тогда национальный колорит. В сущности же, перед нами трагедия, мотивы и виновники которой так и остались не выясненными до конца.

Утром 28 августа 1883 года в доме № 57 по Невскому проспекту (сейчас на этом месте возвышается фешенебельный отель «Коринтия»), в помещении ссудной кассы И. И. Мироновича был обнаружен труп тринадцатилетней Сарры Беккер, дочери приказчика Ильи Беккера. Тело лежало поперек кресла, на лбу зияла рана; ноги были раздвинуты, юбка задрана. В правой руке убитой был зажат клок волос. В кармане – недоеденное яблоко. Вокруг разбросаны векселя и другие денежные документы. Ящики, шкафы и витрины в помещении кассы не были взломаны, однако при их осмотре обнаружилась пропажа ценных вещей на сумму около 400 рублей.

Первая трудность, с которой столкнулось следствие, заключалась в определении мотивов преступления. Поза трупа указывала на убийство в связи с изнасилованием. Разбросанные бумаги и пропажа вещей – на убийство с целью грабежа. Судебно-медицинская экспертиза не дала однозначных результатов: изнасилование было категорически отвергнуто, так как половые органы убитой оставались нетронутыми, но относительно возможности покушения на изнасилование мнения экспертов разошлись. Подозрение сразу пало на хозяина кассы Мироновича: он слыл человеком похотливым, кроме жены, имел еще нескольких любовниц, не давал проходу малолетней, но уже

начинающей взрослеть Сарре. Сарра же, по показаниям некоторых свидетелей, терпеть его не могла и неоднократно жаловалась на приставания стареющего сладострастника. Тут как раз внимательные следователи обнаружили на кальсонах Мироновича пятна, которые были сочтены за пятна спермы. Было предположено, что Миронович заманил Сарру в помещение кассы вечером того дня, когда ее родные были в отъезде, попытался изнасиловать, но ему это не удалось; тогда он, будучи в состоянии возбуждения, убил Сарру и инсценировал ограбление с целью сокрытия своего участия в преступлении. Следует отметить, что в распоряжении обвинения не имелось никаких прямых улик, а только косвенные и при этом довольно шаткие. Иные из них развалились при экспертизе: так, относительно пятен на кальсонах, которым обвинение придавало чрезвычайно важное значение, защитой было доказано, что это пятна от клопа. Некоторые ценные улики были по небрежности утрачены: в самом начале следствия, например, пропали волосы, зажатые в руке убитой.

Только следствие сформулировало первую версию, как она едва не разлетелась в прах. В полицию явилась дворянка Семенова и заявила, что Сарру Беккер убила она. Семенова, женщина неуравновешенная (на суде возникли сомнения в ее психической полноценности), сожительствовала с господином Безаком, большим негодяем, к которому была страстно, до безумия привязана. Ради него она уже совершала кражи, ибо Безак, эксплуатируя ее страсть, требовал денег. Теперь якобы она ради него пошла на убийство и ограбление кассы; но, так как жестокий Безак стал охладевать к ней, она решила явиться с повинной, дабы не послужить причиной осуждения невиновного. Семенова (дама, одаренная писательским талантом) очень правдоподобно описывала подробности преступления. Безак был арестован, и некоторые пропавшие из кассы Мироновича вещи были обнаружены у него. Однако вскоре после свидания с Безаком Семенова отказалась от своих показаний и впоследствии меняла их неоднократно. Вообще ее показания вызывали недоверие у следствия хотя бы уже потому, что Семенова утверждала о себе, что она дочь индийского раджи… Тогда следствие выдвинуло синтетическую версию: убил Миронович, но в момент убийства его застала Семенова. Миронович дал ей ценные вещи, чтобы она молчала. Эту добычу Семенова доставила Безаку.

В таком виде дело поступило на рассмотрение суда присяжных. О деле писали газеты. Адвокат Мироновича Андреевский говорил впоследствии: «Шум об убийстве был так

велик, что почти каждый человек в столице о нем знал, а через неделю знала вся Россия». Присяжные и публика были настроены против Мироновича. Перед ними вырисовывался исключительно отталкивающий образ, как будто написанный одной черной краской. Бывший полицейский сыщик, уволенный из полиции за взятки. Алчный ростовщик, неразборчивый в средствах искатель наживы, шантажировавший членов преследуемой законом секты скопцов, вымогал у них деньги под угрозой донесения в полицию. Сладострастный старик, сожительствующий с несколькими женщинами и пытающийся развратить тринадцатилетнюю девочку… Н-да, к такому типу трудно отнестись объективно. Не вызывали симпатий и беспринципный эгоист сутенерского типа Безак и его экзальтированная любовница Семенова. Не без воздействия этих внешних факторов и субъективных впечатлений присяжные признали подсудимых виновными. Мироновича приговорили к семи годам каторги.

Тем не менее беспристрастный взгляд судей кассационной инстанции – Сената – обнаружил в судебном следствии существенные изъяны. Показания обвиняемых явно противоречили друг другу; версия попытки изнасилования подтверждения не находила; неубедительной представлялась и возможность сговора между Мироновичем и Семеновой. Дело было направлено Сенатом на повторное рассмотрение, причем теперь обвинение против Мироновича рассматривалось отдельно, против Семеновой и Безака – отдельно. На этот раз после почти двухнедельных слушаний, прекрасной защиты С. А. Андреевского и Н. П. Карабчевского и продолжительного совещания присяжные вынесли оправдательный вердикт. Миронович был освобожден; убийство, увы, так и осталось нераскрытым.

Невольники чести

Преступление и честь – понятия, находящиеся на противоположных полюсах общественного сознания. Но во времена глубоких социальных перемен, когда рушатся и заново выстраиваются представления о добре и зле, о должном и не должном, нередко случается так, что бескомпромиссное «блюдение чести» приводит людей к деяниям, которые закон и общество расценивают как преступление. История криминального Петербурга знает немало эпизодов, и трагических, и комических, участники которых, пытаясь защитить свои честь и достоинство, попадали в кутузку, на разбирательство в камеру мирового судьи, а то и на скамью подсудимых.

И то сказать: представления о чести у некоторых вполне приличных господ бывали весьма своеобразны. В 1873 году питерские газеты писали: некий мастеровой Арсеньев, числившийся в крестьянском сословии, выбросил из окна дома № 106 по Невскому проспекту свою возлюбленную Ольгу Астафьеву. Те же газеты глухо намекали, что причиной этого трагифарса были поступки жертвы, которые виновный расценил как несовместимые с ее и своей (крестьянской?) честью. В 1874 году съезд мировых судей Петербурга рассматривал иск о защите чести и достоинства рижской гражданки Калининой к профессору Духовной академии Предтеченскому (в скобках поясним: чаще всего уроженки Прибалтики приезжали в столицу заработать себе на приданое тем, чем легче всего может зарабатывать женщина в большом городе). Так вот, «рижская гражданка» «раздражила» профессора словесными оскорблениями, после чего он взял и… харкнул ей в лицо. Какого рода было препирательство между джентльменом и прекрасной дамой, видно из сказанного в постановлении мирового съезда: «Мировой судья не указал ни одного оскорбления со стороны Предтеченского, которое бы не было повторено Калининой». Очевидно, плевание в лицо тоже было взаимным. Так что съезд освободил Предтеченского от наказания.

Другой пример не вполне аристократического понимания дел чести – ссора остзейского барона Клейста с чиновником Маховым. Современники называли их Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем. Об их ссоре, причин которой уже тогда никто не помнил, литератор В. О. Михневич пишет в сатирическом словаре «Наши знакомые»: «Поссорившись из-за оскорбленной амбиции и преследуя друг друга бесконечными исками и кляузами, гг. Клейст и Махов приобрели этим громкую известность на всю

Россию».

Кстати, Михневич, фельетонист, репортер и писатель, довольно известный в литературных кругах Петербурга конца XIX века, сам был замешан в «дела чести». Одно такого рода дело чуть было не закончилось его дуэлью со знаменитым фельетонистом В. П. Бурениным. Михневич работал в газете «Новости» (главный редактор – еврей О. К. Нотович), враждовавшей с «Новым временем» антисемита А. С. Суворина. Буренин, газетный alter ego Суворина, опубликовал в «Новом времени» драматическую сценку под названием «Раскаяние Буренина Грозного», содержавшую обидные намеки на засилье евреев в петербургской журналистике и на их литературную серость, бездарность. Потомственный дворянин Владимир Осипович Михневич тоже упомянут Бурениным как один из

> …писцов
> Бесцветнейших статей и фельетонов:
> Михневича, Модестова и всех
> Обрезанных сотрудников газеты
> Еврейской, самой честной и большой…

И даже почему-то зачислен в ряды евреев-поэтов вместе с Фругом, Минским, Надсоном и Нотовичем. Украинско-польский дворянин, носящий фамилию и отчество, по которым легко можно заподозрить еврейское происхождение, Михневич страдал комплексом неполноценности на национальной почве. В гневе он послал Буренину вызов (невзирая на то, что обидчик не имел дворянского достоинства), и только посредничество друзей-литераторов смогло предотвратить рискованный поединок.

Несомненно, самый характерный вид преступлений, совершавшихся столетие-полтора назад на почве чести, – это дуэли. Именно преступлений, ибо по российским законам участие в дуэли в любом качестве и независимо от ее исхода считалось уголовным преступлением. При этом дуэли были достаточно распространены: в первую очередь среди офицеров и дворян, но случались и между литераторами, купцами, иностранными гражданами и даже мещанами. Понимая, что дуэль – неизбежное следствие развитых представлений о чести, суды обычно применяли чрезвычайно мягкие наказания к участникам дуэлей, если исход поединка не был трагичен. В качестве иллюстрации – забавный эпизод.

В один прекрасный весенний день (это было 6 апреля) 1873 года по Большой Конюшенной улице прогуливались два светских молодых человека: барон Альберт Шлиппенбах, правовед,

незадолго до этого утвержденный кандидатом на судебные должности, и его приятель господин Кубе. Проходя мимо того места, где сейчас возвышается здание ДЛТ, молодые люди обратили внимание на симпатичную молоденькую дамочку, одиноко стоявшую на краю тротуара и кого-то поджидавшую. Впоследствии на суде Кубе утверждал, что он всего-то навсего сказал Шлиппенбаху, кивнув в сторону красотки:

– Смотри, какая хорошенькая!

Представители противоположной стороны заявляли, однако, что оба приятеля «неприлично засматривались» на упомянутую особу. Что означало это «неприличное засматривание», мы объяснить не беремся, но факт: в этот самый момент к приятелям подбежал крепко сбитый молодой человек иностранной наружности, схватил Кубе за ворот и на ломаном русском языке стал кричать что-то вроде: «Как ви смеет!» Защищая друга, Шлиппенбах ударил иностранца тростью, а тот, недолго думая, ответил ему коротким и эффектным ударом в лицо. После такого представления все трое обменялись визитными карточками и разошлись, дабы не привлекать внимания полиции. Иностранец оказался американцем Джоном Шандором, а девушка – его сестрой Луизой. В тот же вечер Шлиппенбах прислал секундантов к Шандору. Было назначено место и время поединка: завтра утром на опушке леса, неподалеку от станции Лигово. Условия: стреляться из револьверов, по три выстрела на 15 шагах.

Неизвестно, чем бы закончилась эта история, если бы один из секундантов американца, некто господин Медгурст, не проявил благоразумия и не донес в полицию. Вся компания: Шлиппенбах, Шандор и их секунданты Ропп, Шуленбург, Медгурст и Кастриото-Скандербек – была задержана на платформе в Лигове и предана суду. Приговор не был слишком суров: Шандору дали один день домашнего ареста; Шлиппенбаха и секундантов освободили от наказания.

Куда более трагичными оказались последствия другой дуэли, имевшей место годом раньше. Произошла она между людьми, известными среди столичной интеллигенции: Евгением Утиным, адвокатом либерального толка, и Александром Жоховым, молодым журналистом, сотрудничавшим в газетах умеренного направления.

Дуэль возникла на любовной основе с примесью идейно-политических мотивов. Утин и его друзья не раз поругивали Жохова за конформизм: он поддерживал отношения с А. С. Суворином, которого петербургские либералы дружно ненавидели, да к тому же служил в Сенате. Жохов болезненно реагировал на нападки либералов утинского кружка. Отношения

между ними накалялись. Как раз в это время (1872) за распространение прокламаций политического содержания попал под суд некий молодой человек по фамилии Гончаров. Защищать его взялся Утин. У Жохова же как раз в это время развивался бурный роман с женой Гончарова. Возможно, вполне искренне желая помочь Гончарову выпутаться, Жохов темпераментно вмешался в дело. Через свою возлюбленную, жену подсудимого, он пытался склонить последнего к ложным признаниям, которые, по его мнению, сделали бы обвинение абсурдным.

Утин расценил это вмешательство как попытку окончательно погубить Гончарова, ведь в случае его осуждения брак автоматически расторгался и жена осужденного освобождалась от брачных уз. О своей оценке действий Жохова Утин, не стесняясь, высказывался прилюдно. Среди друзей-литераторов поползли слухи о неблаговидном поведении Жохова с Гончаровой. Взбешенный Жохов вызвал Утина на дуэль. Секунданты (литераторы Э. Ватсон, В. Буренин, Е. Де-Роберти, С. Неклюдов) пытались отговорить врагов от нелепого поединка, но, увы, безуспешно. Дуэль состоялась; тридцатидвухлетний Жохов был смертельно ранен, Утин отдан под суд и приговорен к одному году заключения в крепость.

История эта, и без того печальная, имела трагическое продолжение. Несчастная Гончарова, лишившаяся и мужа, и возлюбленного, сразу же после оглашения приговора в августе 1872 года покончила с собой. Ее сестра, Александра Лаврова, повстречав освободившегося из тюрьмы Евгения Утина, выстрелила в него из револьвера. Оглушенный и неопасно раненный, Утин упал. Подумав, что он убит, Лаврова тут же покончила с собой выстрелом в висок.

У истоков организованной преступности

До середины XIX века Россия дожила, не зная, что такое организованная преступность. Разбойничали, конечно, на больших дорогах различные Дубровские, капитаны Копейкины и атаманы Кудеяры, но «деятельность» их шаек носила, если так можно выразиться, патриархальный характер и сводилась к удовлетворению феодальных амбиций главарей и насущных потребностей рядовых разбойников. Первые устойчивые городские преступные сообщества, цель которых – систематическая нажива за счет общества, стали проявлять себя вскоре после начала «великих либеральных реформ». Основное поле их деятельности – имущественные преступления: мошенничество, подделка документов и ценных бумаг, фальшивомонетничество, воровство в соединении с проституцией (хипес). Доходило дело и до убийств, – впрочем, такое случалось редко. Бандитизм – порождение индустриальной эпохи; первые настоящие бандитские группировки стали появляться в России – в ее наиболее промышленно развитых городах – только в начале XX века. Их распространение совпало с революционным подъемом 1905–1917 годов (случайное ли это совпадение или закономерное явление?), а апогей деятельности – Гражданская война и НЭП. Ранняя, романтическая эпоха российского бандитизма художественно описана в «Одесских рассказах» Исаака Бабеля.

Что же касается императорского Петербурга первых пореформенных десятилетий, то оргпреступность переживала в нем не то что детский – скорее младенческий период своего развития. Так сказать, делала первые неверные шаги.

Одним из признаков образования в России социальных групп, проникнутых криминальной психологией, собирательно именуемых «преступным миром», стал особый язык, уголовный жаргон. В XIX веке его называли «мазовецким», от слова «маз» – «приятель» (по-современному – «пацан» или «браток»; в конце XIX века этот термин был вытеснен словом «товарищ»). В те времена уголовный жаргон еще только складывался; в начале следующего столетия он развился в настоящий язык – «блатную музыку»; в советское время преобразовался в пресловутую «феню». При советской власти и в постсоветское десятилетие по мере распространения на все общество стереотипов поведения и норм жизни («понятий») преступного мира элементы «фени», «блатной музыки», «мазовецкого» жаргона внедрились в обиход и даже в литературный язык. Из уголовных жаргонизмов дореволюционного происхождения в него прочно вошли слова:

баланда, барахло, бушлат, влопаться, волынить, грабли (руки), рыжее (золото), засыпаться, подфартило, стрельнуть, стрематься, стырить, хам, шестерка и многие другие. Уголовная речь стала заметным звуковым фоном в симфонии столичной жизни 1860–1870-х годов.

И в эти же годы обе столицы наши были взбудоражены толками и пересудами о судебных процессах над целыми преступными гильдиями, разветвленными и организованными. Одной из первых таких организаций газетчики дали броское название – в нем слышится что-то соблазнительное, что-то романтически-порочное: «Общество червонных валетов».

«Дело червонных валетов» больше относится к Москве, но некоторые его эпизоды и фигуранты связаны с Петербургом. Обвиняемых – 48 человек! Осуждены – 29. Следствие по делу тянулось семь лет и докатилось до Московского окружного суда лишь в феврале 1877 года. Среди эпизодов дела находим: образование контор типа «Рога и копыта», основатели которых получали залоги от принятых на работу служащих и с деньгами скрывались; хитро налаженное выманивание обманным путем денег и векселей для «верного дела» под обещания сказочных прибылей; спаивание «клиентов» с последующим отъемом денег; систематическое изготовление и использование подложных кредитных документов и т. д. и т. п.

Помимо количества обращало на себя внимание и то, что на скамье подсудимых православные соседствовали с мусульманами и евреями; рядом с мещанами и крестьянами сидели дворяне и офицеры. Двое обвиняемых – Николай Дмитриев-Мамонов и Всеволод Долгоруков – принадлежали к знаменитым аристократическим родам, были славны своими богатыми и влиятельными родственниками, имена которых использовали для своих темных дел. (Долгорукова обвинительное заключение именует: «Бывший князь, а ныне мещанин». Это означало, что он еще раньше за преступления был лишен титула и прав дворянства. Не исключено, что парадоксальная игра имен – князь Долгоруков, мещанин Долгоруков – навела Достоевского на мысль дать соответствующую фамилию герою романа «Подросток».)

Выделялась среди прочих фигурантов некая Башкирова, по документам иркутская мещанка, авантюристка высшей пробы. Она провела детские годы якобы в Ситхе, в Русской Америке, где дружила с индейцами, а после уступки Ситхи американцам жила в Николаевске-на-Амуре; оттуда бежала, скиталась в тайге; жила в прислугах у адмирала; сошлась с молодым флотским офицером; потом оказалась в Японии; на пути из Японии в Россию попала в

шторм, чудом спаслась; оказалась под Владивостоком, где вступила в связь с другим офицером; потом отправилась зачем-то в Москву; по дороге в Иркутске мошеннически выманила крупную сумму денег у тамошнего губернатора, затем, где-то на Урале, завела роман с одним состоятельным немцем; через него познакомилась с московским богачом миллионщиком Славышенским, связанным с «Обществом червонных валетов». С ним Башкирова, бросив своего немца, оказалась в Москве, активно участвовала в темных делах шайки и в конце концов хладнокровно пристрелила своего пожилого возлюбленного, когда тот стал выказывать признаки скупости.

Дело это поразило общество размахом махинаций, совершаемых группой внешне вполне приличных людей в самом сердце страны. Обвинение стремилось доказать согласованный, совместно направляемый характер действий всей шайки. Защита опровергала факт существования преступного сообщества. И в общем справилась со своей задачей лучше, чем обвинение. Доказать, что в действиях подсудимых наличествовали единый замысел и общее руководство, не удалось.

Между тем как раз в те годы, когда только начиналось многолетнее следствие по «делу червонных валетов», в Петербурге была зарегистрирована серия преступлений и прошло несколько судебных процессов, содержание которых заставляет заподозрить существование единой преступной организации, возможно связанной с московской шайкой. На такую мысль наводит и сходство составов преступления, и появление одних и тех же лиц – то в качестве обвиняемых, то в качестве свидетелей. И еще. Многие из питерских преступников были связаны между собой (столичный колорит!) службой в его императорского величества лейб-гвардейских полках – Измайловском и Гусарском.

В 1869 году в Петербурге рассматривалось дело отставного гвардии прапорщика Левицкого, дворянина Длужневского, дворянина Кочаровского, дворянина Садовского (все, между прочим, поляки; объединение по национальному признаку весьма типично для преступных сообществ) и дворянки Шебалиной. Они обвинялись в подделке ломбардных билетов. Производство было поставлено на поток. Возглавлял организацию Левицкий, ветеран Севастопольской обороны, храбрец, внушавший доверие своими наградами и своими увечьями: в Крымскую кампанию он потерял руку. Несмотря на геройское прошлое, отставной офицер не брезговал ростовщичеством. У своих клиентов он за бесценок приобретал вещи, пригодные для заклада (недорогие часы, табакерки и прочие безделушки), которые затем закладывал (сам

или через сообщников) в государственную Ссудную казну, что на Казанской улице. За каждую вещь выдавался ломбардный билет. Такого рода ценные бумаги имели хождение, их можно было покупать и продавать. С Казанской билет тут же доставляли на Невский, в дом № 59, где по соседству с Левицким (его адрес: Невский пр., 63) проживали сообщники – Янушевич и Шебалина. Студент Академии художеств Янушевич подчищал и переправлял цифры номинала – скажем, с 20 рублей на 2 тысячи, после чего фальшивый билет сбывали. Любопытно: как раз в том квартале, где жили и творили темные дела Левицкий и Янушевич, квартальным надзирателем служил некто Миронович. Впоследствии, уволившись из полиции, он стал известным ростовщиком, содержал ссудную кассу – в доме № 57 по Невскому проспекту; там в августе 1883 года был обнаружен труп тринадцатилетней Сарры Беккер…

На суде Левицкого признали виновным, остальных оправдали (бедный Янушевич к тому времени умер в тюрьме от чахотки; адвокаты не преминули пролить слезу по поводу несчастной судьбы безвременно угасшего художника и его возлюбленной девицы Шебалиной).

И вот не прошло и года, как Левицкий был доставлен из тюрьмы и вновь предстал перед судом, на этот раз вместе с отставным гвардии корнетом Янковским и мелким чиновником Боровиковым. Теперь им инкриминировали подделку банковских билетов.

Доказать и тут удалось немногое: изготовление нескольких фальшивок на сравнительно небольшую сумму в 3 тысячи рублей. На этот раз суд оправдал Левицкого, а для Янковского ограничился наказанием в виде ссылки с лишением прав. Вскоре Левицкий вышел на свободу, отсидев по приговору 1869 года.

А спустя несколько месяцев после его освобождения в Выборге был задержан некий господин, назвавшийся Варфоломеевым. Взяли его при попытке сбыть с рук фальшивые купоны внутреннего с выигрышами займа. Финляндская полиция проявила бдительность; связались с петербургским сыскным отделением. Петербургские сыщики опознали в Варфоломееве дворянина Христинича, разыскиваемого по первому делу Левицкого за сбыт фальшивых серий и билетов Ссудной казны. Удалось перехватить его письмо, в котором он давал указания сообщникам спрятать какой-то чемодан. Чемодан обнаружили; открыв его, полицейские ахнули: он был доверху набит фальшивыми деньгами, купонами, ценными бумагами, оттисками и заготовками.

В 1869–1871 годах прошли и другие громкие судебные

процессы, в ходе которых имя безрукого главаря периодически выплывало на поверхность. Тут и разбирательство о подлоге векселей Плещеевой, и процесс о фальшивом завещании Андреева, и дело о подделке государственных процентных бумаг. По последнему делу к суду было привлечено 17 человек: дворяне, чиновники, отставные офицеры, купцы, мещане, русские, поляки, евреи. Обвинялись они в том, что на подлинных процентных билетах переправляли цифры и потом разными способами сбывали (все та же знакомая метода!). Левицкий выступал на этом процессе свидетелем, но какова была его реальная роль в делах обвиняемых? Скорее всего – закулисного организатора. В его аферах оказались замешаны весьма известные в столице люди, к примеру журналисты-издатели с полукриминальными задатками Алексей Зарудный и Илья Арсеньев.

В общем, Левицкий вполне годится на роль петербургского профессора Мориарти. Этакий злой гений блистательного и преступного имперского города. Георгий в петлице, пустой рукав мундира, холодный и решительный взгляд… Образ из сентиментально-кровавых романов того времени.

Следы Левицкого и его товарищей в последующие годы теряются. Однако Петербург продолжали будоражить уголовные происшествия, как две капли воды похожие на деяния их преступного синдиката.

В 1874 году в окружном суде слушалось дело о подделке акций Тамбовско-Козловской железной дороги. Группа лиц – отец и сын Ярошевичи (снова «польский след»!), акушер Колосов, библиотекарь Медико-хирургической академии Никитин и другие – составили сообщество с целью производства и сбыта фальшивых ценных бумаг. Главой шайки был, по-видимому, Ярошевич-старший, прожженный авантюрист, организатор еще одного преступного сообщества, занимавшегося в 1860-х годах похищением денег и ценностей на Петербургском почтамте («дело письмоносцев», 1867 г.). Он был осужден, но бежал за границу, оттуда поддерживал связь с сыном. Производство фальшивых бумаг, а именно акций вышеназванной железнодорожной компании, было налажено в Брюсселе, откуда они ввозились в Россию. Особый колорит делу придавало участие в нем Колосова. Сей представитель самой гуманной профессии претендовал на роль агента-двойника, одновременно работающего и на преступников, и на секретную полицию. Более того, на суде Колосов утверждал, что ездил за границу, выполняя таинственное спецзадание – установить слежку за Карлом Марксом, а заодно выкрасть и вернуть в Россию известного революционера-террориста Сергея Нечаева. Акушер-разведчик

стал виновником гибели преступного сообщества: между ним и Ярошевичем-младшим возник конфликт на почве ревности. Колосов соблазнил невесту Ярошевича, некую Ольгу Иванову, тоже замешанную в деле, но, насладившись ласками, оскорбил ее и бросил. Тогда Иванова и Ярошевич задумали отомстить: отравить Колосова раствором морфия. Попытка отравления не удалась, в дело вмешалась полиция, и вся шайка была раскрыта. Оба соперника – Колосов и Ярошевич-младший – были приговорены к ссылке в не столь отдаленные места Сибири.

А ровно через год в суде рассматривалась история гвардии поручика Лысенко и гвардии корнета Дестрема. Два этих молодых и блистательных гвардейца подделывали подписи поручителей на векселях и совершали другие подлоги – всего, как подсчитал прокурор, на несколько тысяч рублей. Они признали себя виновными и дали искренние показания, чем так расположили к себе присяжных, что те, несмотря даже на признание, вынесли оправдательный вердикт.

Любопытно отметить, что Лысенко и Дестрем по некоторым эпизодам были связаны с отставным гвардии капитаном и ростовщиком Седковым, дело о подложном завещании которого рассматривалось в суде несколько дней спустя. Лысенко (или Лысенков), выйдя в отставку в чине ротмистра, сделался нотариусом и уже в этом качестве оформлял некоторые сомнительные сделки своего товарища по гвардейской службе Седкова. Затем Седков умер и…

Дело о составлении подложного духовного завещания от имени умершего капитана гвардии Седкова рассматривалось судом в марте 1875 года. Обвинялись вдова Седкова и с ней группа соучастников, лиц разных чинов, общественного положения и возраста: наш знакомец отставной лейб-гусарский ротмистр Лысенков, тридцати одного года; поручик Петлин, большой пройдоха и шантажист, двадцати восьми лет; отставной губернский секретарь Медведев, пятидесяти шести лет, бедняк, обремененный семейством, содержавшийся незадолго перед тем в долговом отделении; отставной подпоручик Киткин, двадцати трех лет, человек, в сущности, честный, но слабый и безденежный; отставной надворный советник Бороздин, сорока шести лет; писарь Тенис, тридцати одного года.

Кратко – суть дела. Отставной лейб-гвардии Измайловского полка капитан Седков успешно промышлял ростовщичеством, в чем ему помогала его супруга. Мужа она, впрочем, не любила, мечтала от него избавиться и рассчитывала хорошо пожить в свое удовольствие после его смерти. Смерть же Седкова неумолимо приближалась, он был болен чахоткой, и жена об этом знала. У

Седкова не было завещания. По тогдашним российским законам наследство умершего без завещания распределялось между его прямыми наследниками, причем вдове было гарантировано получение четвертой части движимого имущества. Из родственников у Седкова был только брат, следовательно, из имущества мужа вдове досталась бы половина – не так уж и плохо. И вот Седков умер. Его вдова, то ли обуянная демоном жадности, то ли попросту не зная законов, не дождавшись, пока тело мужа остынет, решилась составить подложное завещание. В этом ей, как нотариус, оказал неоценимую помощь оказавшийся в нужный момент поблизости «друг дома» Лысенков. Прямо у смертного одра покойного ему пришла в голову мысль – обставить дело так, будто Седков оформил свою последнюю волю перед самой кончиной, уже будучи не в состоянии подписать его своей рукой. По закону для засвидетельствования такого завещания необходимо было участие нескольких свидетелей. Их и подобрали совместно Лысенков и Седкова. Все это были люди лично хорошо знакомые Седковой и Лысенкову, нуждающиеся в деньгах. Некоторые из них, например Киткин, Бороздин, были должны Седковой по векселям. Завещание было составлено, засвидетельствовано; участники подлога получили условленную мзду: векселя Киткина были выданы ему, Петлин и Киткин получили по 200 рублей, Медведев – 70 рублей, Тенис – 50 рублей, Бороздин – то ли 15, то ли 30 рублей. Более всех получил, естественно, Лысенков: участники процесса называли сумму в 10–12 тысяч рублей.

Дело, казалось, сладилось. Однако брат покойного, коллежский секретарь Алексей Седков, не мог поверить, что брат ни гроша не оставил ему. Он и заявил суду о подложности завещания. Началось расследование. Тогда поручик Петлин надумал шантажировать вдову, грозя раскрыть преступление и требуя от нее все больших сумм. Чуть позже к шантажу подключился и Бороздин. Запутанная и запутавшаяся в своих собственных сетях, Седкова вынуждена была оплачивать их возрастающие требования. В таком виде дело дошло до суда.

На следствии подозреваемые поначалу отрицали свою вину. Но вскоре после первого допроса к следователю явился с повинной Киткин и рассказал о том, как происходило дело. Вскоре после этого сознался Бороздин, а вслед за ним и другие участники подлога, в том числе и Лысенков (правда, он сознался только в том, что составил завещание уже после смерти Седкова; при этом он постарался свалить ответственность на Седкову, которая якобы уговорила его пойти на преступление). На суде признала вину и Седкова. В своем заключительном слове она

сказала только: «Я виновата, судите меня».

Присяжные признали завещание подложным; Седкова, Тенис и Медведев были, по существу, оправданы; Лысенков и Петлин признаны виновными, но заслуживающими снисхождения; оба были сосланы в Архангельскую губернию; Киткин и Бороздин – виновными, но вынужденными крайностью; Бороздин отправился также в Архангельскую губернию; Киткину, ввиду явки с повинной, ссылка была заменена годичным заключением в крепости.

Сказать, что в деле Седковой действовала устойчивая преступная группа, конечно же, нельзя. Тем не менее нечто похожее на попытку создать организованную шайку ради систематического получения незаконной прибыли просматривается в действиях Лысенкова. При этом уместно вспомнить о его гвардейском прошлом, задаться вопросом о возможных связях – прямых или опосредованных – с окружением Левицкого… Кстати, о связях. Помимо всего прочего, Лысенков приходился племянником богатейшему петербургскому предпринимателю и домовладельцу Погребову, занимавшему в те годы важную в коммерческом отношении должность городского головы. В общем, у Лысенкова были на руках все карты для попытки создания собственной криминальной сети. К тому, видно, все и шло.

Так что если бы нынешняя наша «братва» захотела поставить памятник отцам-основателям первых в Северной столице преступных сообществ, то образы отставных гвардейцев Левицкого и Лысенкова вполне бы подошли. Как Барклай и Кутузов.

Обман, кругом обман

Все-таки самый распространенный тип преступности – мелкие правонарушения, про которые не сразу и поймешь, преступление это или проступок, балансирующий на грани безнравственности и преступления. Обман, переходящий в мошенничество; предприимчивость, толкающая на совершение афер; чрезмерная живость характера, не дающая спокойно жить филистерским, обывательским мирком, – все эти социальные и психологические аномалии находили в капиталистическом Петербурге благоприятные условия существования и порождали массу происшествий и преступлений, произрастающих из первоосновы всякого греха – из лжи и обмана.

Как это ни удивительно, мошенничали и обманывали даже представители знати, носившие громкие дворянские фамилии, иногда титулованные. Впрочем, случалось и другое: аферисты из простонародья выдавали себя за аристократов, дабы, прикрываясь вызывающим доверие именем и титулом, легче проворачивать свои делишки. Так или иначе, аристократические имена все чаще звучали в залах суда в связи со всевозможными обманами, подлогами и мошенническими проделками.

Среди такого рода дел едва ли не самым скандальным было дело игуменьи Митрофании, в миру баронессы Прасковьи Розен. Монахиня-аристократка была вхожа во дворцы великих князей, находилась в дружеских отношениях с самой императрицей Марией Александровной. Настоятельница серпуховского Владычного монастыря и начальница Покровской общины сестер милосердия, она вела активную общественную и успешную коммерческую деятельность. И вдруг – гром среди ясного неба: подруга императрицы отдана под суд за подлог, присвоение и растрату чужого имущества и мошенничество.

Главное обвинение: Митрофания, подчинив своей воле богатую московскую вдову Медынцеву, обманом завладела ее значительным (до полумиллиона рублей) состоянием. При ближайшем рассмотрении злодейство Митрофании не выглядит так уж страшно. Медынцева, безвольная и развратная алкоголичка, не в состоянии была управлять своим имуществом; по решению московских властей над нею была учреждена опека. Имущество Медынцевой расхищалось всякими темными личностями при активном участии ее же любовников и собутыльников: кучера и лакея. При всем том Медынцева была очень богомольна, и это обстоятельство решила использовать Митрофания. От имени Медынцевой были составлены подложные

документы – и львиная доля ее состояния перекочевала на счета серпуховской обители.

Отметим: Митрофания, несмотря на свое аристократическое происхождение и иноческий сан, была по-настоящему деловой женщиной и, как бы мы сказали сейчас, прекрасным менеджером. Из управляемого ею монастыря она сделала не просто благочестивое, но общественно полезное и в то же время доходное учреждение. В обители действовали художественные и ремесленные мастерские, мануфактура, приют для сирот, школа. При Покровской общине создавались образцовые больницы по всей России. На все это требовались деньги, и Митрофания изыскивала их, как и положено деятелю эпохи первоначального накопления капитала, не считаясь с законом и моралью.

Московские судебные власти еще не успели предъявить Митрофании обвинение, когда в Петербурге против нее тоже было возбуждено дело: на сей раз – о подлоге векселей купца Лебедева. Расследованием руководил А. Ф. Кони. По его приказанию Митрофания была задержана в Москве и доставлена в столицу. Строгий, но справедливый прокурор учел, что ее деяния имели целью не личное обогащение, а процветание дела, которому она служила. Он не стал унижать Митрофанию арестом и содержанием в тюрьме, позволил ей на время следствия поселиться в гостинице «Москва» на углу Владимирского и Невского, в той самой, где орудовали лжесвидетели по бракоразводному процессу князя Голицына.

Дело вскоре было перенесено из петербургской гостиницы «Москва» в настоящую Москву. Защита не имела шансов на успех, общественность была настроена враждебно по отношению к аристократии и Церкви; представитель гражданского истца либерал и демократ Ф. Н. Плевако и клеймил пороки, таящиеся «под покровом рясы и обители», и изощрялся в оскорбительных намеках в адрес подсудимой, не брезговал антисемитскими выпадами в сторону деловых партнеров Митрофании: «Кому сбыты векселя? Какие-то могилевские и минские евреи; какие-то Израельсоны, Фриденсоны, Моясы, Мейеры, Эпштейны, Россиянские выползли из своих нор, скупили и ждут минуты запустить свои жадные до чужого руки в чужое добро… Эти люди напоминают мне червей… Они кишат на всем разлагающемся и гнилом…» Добавим: вместе с Митрофанией обвинялся ее поверенный Трахтенберг; защищал ее адвокат Шайкевич. Суд признал игуменью-баронессу виновной в мошенничестве и подлоге, лишил ее прав состояния и приговорил к ссылке в Енисейскую губернию.

Вина Митрофании несомненна с юридической точки зрения;

в нравственном отношении игуменья стоит едва ли не выше своих обвинителей. Этого не скажешь о других носителях аристократических имен, замаранных в темных имущественных дрязгах и махинациях. Несколько судебных процессов разыгралось, к примеру, вокруг наследства генерал-адъютанта графа С. Ф. Апраксина. Основному наследнику – графу Александру Апраксину – был предъявлен ряд крупных имущественных и денежных исков по поводу невыплаты установленных завещанием сумм и по другим поводам. Несколько титулованных представителей высшего петербургского света были обвинены в мошенничествах в связи с делом Кронштадтского банка. Один из эпизодов: банк выдал огромные ссуды – несколько миллионов рублей – князю Д. Оболенскому на осуществление сухарного подряда – заготовления сухарей для армии. У следствия возникли подозрения в неправильном расходовании этих сумм. Впрочем, Оболенский был оправдан судом. Другой Рюрикович – князь Александр Вяземский, известный нам как владелец «Вяземской лавры» (об этом см. в ч. III, гл. «Преступное сердце Петербурга»), прославился благодаря целой серии судебных процессов, в которых против него выдвигались обвинения в неуплате денег по договорам и в мошенничестве (в 1866–1867 годах, например, в судах рассматривался ряд исков к Вяземскому от купца Карпова, от механика Фенненберга и других лиц о взыскании сумм. Иски были частично удовлетворены).

А вот пример того, как ложные имя и титул использовались в качестве прикрытия для противозаконных деяний.

В середине 1870-х годов перед Петербургским окружным судом предстал странный авантюрист, персонаж обаятельный и жалкий: мещанин карабахского города Шуша Иван Бабаев, или Бабаян, или Караханов, долгое время выдававший себя за аристократа князя Гокчайского. «Красивый и симпатичный», по описаниям очевидцев, юноша, используя имя и титул владетельного кавказского князя, странствовал за границей, был с почетом принят графом Н. П. Игнатьевым, русским послом в Константинополе. Вернувшись в Россию, сумел выгодно жениться на девушке из хорошего общества, вслед за чем совершил ряд мошенничеств, был пойман, изобличен, осужден в 1871 году за двоеженство, присвоение не принадлежащего ему имени и титула и за другие преступления и сослан в Сибирь. Тем не менее Караханов-Бабаев-Гокчайский виновным себя не признал, настаивал на своем (правда, незаконном) княжеском происхождении (а кто его знает – может, и в самом деле был сыном князя?). Из Сибири бежал, в 1873 году снова под чужим

именем объявился в Австро-Венгрии, был арестован в Вене и выдан русским властям. Вторично предан суду летом 1874 года. В зале заседаний на Литейном бедняга появился уже смертельно больной, в чахотке. За побег суд приговорил его к 40 ударам плетью и трем годам каторги. Спустя месяц после исполнения телесного наказания Бабаев умер в тюрьме.

Если Бабаев, возможно, искренне верил в свое аристократическое родство (что, впрочем, не мешало ему быть настоящим мошенником), то другой персонаж «комедии обмана», законно носивший громкую аристократическую фамилию, использовал скорее не имя, а чин, и не свой, а чужой для попытки сорвать солидный денежный куш. Речь идет о нашумевшей афере прапорщика Панина. Суть ее заключалась в следующем. Молодой офицер уговорил свою знакомую, жену коллежского секретаря (чин X класса) Жадовскую, написать завещание, в котором она именовала себя женой тайного советника (чин III класса) и завещала Панину свое несуществующее имущество на огромную сумму – 1 миллион 700 тысяч рублей. За эту работу Жадовская получила от Панина вексель на 10 тысяч. С фальшивым завещанием Панин обратился к коммерсантам Бьерклунду и Яковлеву с просьбой дать ему в долг под «богатое наследство» 50 тысяч рублей. Имя богатой генеральши Жадовской действительно было известно в столице; но коммерсантам завещание Панина показалось подозрительным, и они сообщили о нем в полицию. Чтобы завладеть фальшивкой и изобличить мошенника, сыскная полиция устроила провокацию. Через того же Бьерклунда Панину сообщили о готовности некоего капиталиста (его роль играл офицер полиции) ссудить требуемую сумму. Панин явился на встречу и предъявил искомый документ. И тут же был арестован.

Еще несколько примеров, произвольно выбранных из уголовной хроники 1860–1880-х годов.

12 сентября 1873 года неизвестный явился на квартиру богатого генерала, назвался князем Долгоруковым. Хозяина не было дома. Незнакомец заявил лакею, что ему надобно написать записку, и, пока слуга ходил за бумагой и пером, похитил из прихожей шубы и кое-какие ценности и попытался скрыться. При помощи случившегося поблизости околоточного его поймали, доставили в участок. Там он объявил себя уже не князем, а поручиком Желтовым. «При транспортировке в часть бежал и не был отыскан», – меланхолически заканчивает рассказ репортер «Санкт-Петербургских ведомостей».

Сын генерал-майора Большакова Михаил судился за кражи. Прием использовал следующий. Являлся на квартиру жертвы под предлогом переговоров о работе под началом его отца, генерал-

майора; выходил вместе с хозяином из дому якобы в отцовскую контору; возвращался за каким-нибудь пустяком и похищал вещи из прихожей или кабинета. В 1875 году суд осудил его «со снисхождением».

Некто Ардалион Попов выманивал у богатых петербуржцев деньги, являясь к ним то под видом архитектора, то под видом лейб-медика великой княгини Марии Павловны, то представляясь поверенным баронессы Ралль.

Господин Андрей Крон, прусский подданный, несколько месяцев «действовал» в шикарных магазинах Петербурга, пользуясь тем, что фамилия эта была широко известна в столице: его однофамилец Крон был владельцем крупнейшего завода «Крон и Вестфаль». Магия имени! Выдавая себя за представителя Крона, Сан-Галли и других знаменитых капиталистов, прусский подданный забирал деньги и ценности под расписку – и преспокойно скрывался с добычей. Так ему удалось «обработать» изысканные «торговые точки»: магазин белья Карлсона на углу Большой Морской и Кирпичного переулка, лавку золотых дел мастера Буца (Большая Морская ул., 25), часовой магазин Лопиталя на Невском, ювелирную лавку Брызгалова на Невском же, мануфактурный магазин городского головы Погребова в Гостином дворе. Заходил и к знаменитому Фаберже, но поживиться не успел – был опознан по приметам и арестован.

От всех этих и множества других комбинаций голова идет крутом. Одно только и можно сказать: обман, кругом обман.

В завершение – маленький эпизод, относящийся скорее к кражам, но интересный хитроумным способом сокрытия добычи.

В июне 1866 года в доме Бетлинга на Миллионной улице в квартире генерал-адъютанта Философова была обнаружена пропажа. Похищены были принадлежащие высокопоставленному придворному драгоценности: золото, бриллианты и серебро на сумму 40 тысяч рублей. Ни воров, ни украденных вещей обнаружить не удалось. Спустя год из Пензы в Петербург приехал богобоязненный мещанин Окладников: приехал, чтобы поправить крест на могиле бедной дочери, скончавшейся несколько лет назад и похороненной на Смоленском кладбище. Пришел мещанин на могилку, начал копать у основания креста – и вдруг (что за притча!) лопата ударилась во что-то металлическое. Глядь – а там жестянка, а в жестянке – золото и бриллианты. Честный Окладников кинулся за полицией. В найденных драгоценностях опознали похищенное у Философова. Тут полиция смекнула: на этом самом кладбище, в двух шагах от могилы несчастной пензенской девицы, похоронена была жена дворецкого, служившего в доме высокородного потерпевшего. Дворецкого –

Алексея Ильина – взяли «в разработку», и он от неожиданности сознался: кражу совершил вместе с братом Николаем, служившим кучером у того же доброго барина.

Справедливость восторжествовала, и порок был наказан. По крайней мере в этом случае. Чего не скажешь о подавляющем большинстве остальных.

Байки полицейского участка

Шалунишки

В середине 1870-х годов в Петербурге объявилась преступная группа вымогателей-педерастов. Промышляли они в увеселительных местах, посещаемых состоятельной и благопристойной публикой. Поначалу просто «занимались» с клиентами за деньги. Но вскоре нашли более удобный способ изымать средства из карманов респектабельных господ. «Противные» использовали тот факт, что мужеложство являлось уголовно наказуемым деянием, а в глазах общества еще и деянием срамным, позорным. И шантажировали своих клиентов, а заодно и лиц, к содомскому греху никак не причастных. Описание механизма их действий дал А. Ф. Кони:

«При проходе через роковой Пассаж (некий мировой судья. – *А. И.-Г.*) был остановлен молодым человеком, просившим помощи для умирающей от злой чахотки матери. Они вышли на Итальянскую, и здесь судья дал просителю три рубля.

– Что это? – спросил тот, нахально и вызывающе меняя тон. – Разве мне три рубля следует? Ах ты, старый пес! Такие гадости предлагаешь да тремя рублями думаешь отделаться! Пятьдесят! И сию же минуту!

– Что? Да вы с ума сошли!

– А! Ты так… Эй! – И с противоположного тротуара явился другой молодой человек.

– Ты слышал, что этот старый черт предлагал?

– Да! Конечно…

– Ну, видишь, плати сейчас, сукин сын!»

Далее появляется городовой, мирового судью тащат в участок, и все кончается сердечным припадком у старика.

Дело раскрутилось после того, как петербургский градоначальник Ф. Ф. Трепов, заподозрив неладное, направил к прокурору окружного суда А. Ф. Кони несколько полицейских протоколов. Все они были составлены по заявлениям и со свидетельствами от одной и той же группы лиц. Во всех речь шла о «любодейных предложениях», якобы сделанных им различными состоятельными господами. Благодаря стараниям прокурора Кони (который хоть и был либералом, но, в отличие от нынешних либералов, не склонен был с трепетным уважением относиться к педерастии) преступная группа была предана суду; все ее участники получили по нескольку месяцев тюрьмы. Известны их

имена. Это сын коллежского регистратора недоучившийся гимназист Михайлов; сын унтер-офицера конторщик Процек; бывший певчий, а потом лакей Миронов; официант Андерсон и адвокат Норберг.

Пассаж в Пассаже

Полицейская хроника Петербурга изобилует мелкими происшествиями не совсем пристойного или совсем непристойного характера. В одном протоколе вычитываем сухую информацию: «24 апреля 1866 г. вечером между мещанами Семеном Рядченковым и Силуяном Похолковым произошла ссора и драка», причем Семен, «взяв Силуяна за детородные части, разорвал ему мошонку…». (Спешу успокоить читателя: пострадавшего вылечили.) В другом месте сообщается, что аж в Сенате будет разбираться дело о дворянине Николае Травине, «обвиняемом в скотоложстве без посторонних свидетелей»…

А вот любопытный казус, приключившийся однажды с неким дворянином Маклероевым. Фамилия необычная, похожая на шотландскую: Мак-Лерой (McLeroy). Судя по всему, означенный дворянин и петербуржец придерживался британских традиций – во всяком случае, по части пьянства и по части, так сказать, оригинальности поведения. Однажды на досуге он напился крепких напитков и отправился прогуливаться по Петербургу – людей посмотреть, себя показать. Некоторое время спустя он был обнаружен, по данным полицейского протокола, «в нетрезвом виде в Пассаже», где «вынул при всех детородный свой член…». Этим действием он сильно напугал дам, пришедших с мужьями в Пассаж, дабы ознакомиться с содержимым галантерейных лавок. Поднялся переполох. На крики прибежала полиция. Оригинал Маклероев был препровожден в участок. Судя по всему, в его поступке присутствовал какой-то идейный мотив, какая-то манифестация. Ибо тот же источник сообщает, что виновник торжества демонстративно «по улицам шел с городовым в полицию, имея детородный член наружу». В таком виде и был доставлен в кутузку.

Вещественное доказательство невинности

Множество презабавных ситуаций разыгрывалось в стенах петербургских мировых судов. К примеру, не лишено оригинальности разбирательство по обвинению актрис Театра

«Буфф» Бланки Гондон (так!) и Луизы Филиппо «в бесстыдных, соединенных с соблазном действиях на сцене театра». Что это были за действия, протокол умалчивает, однако догадаться несложно. Театр «Буфф», расположенный на Александринской площади (ныне пл. Островского), напротив Александринского театра, был известен в столице фривольностью опереточных постановок. Как раз в то время в моду входил пресловутый танец канкан. Смысл его заключался в демонстрации под быструю музыку тех частей тел танцовщиц, которые в обычное время оставались покрытыми одеждой в соответствии со строгими нравами «порядочного» общества. Потому-то представители этого самого «порядочного» общества, особенно мужчины, так любили посещать представления в Театре «Буфф». А там их уже подкарауливали соблазнительные сирены полусвета, или, попросту говоря, проститутки. Поэтому сей театр пользовался в обществе (и в полиции) развеселой репутацией.

Итак, иностранки Гондон и Филиппо переусердствовали в демонстрации отсутствия нижнего белья отечественной публике. И были привлечены к суду. Им грозили штраф и тюремное заключение. Подсудимую Филиппо защищал известный столичный адвокат Турчанинов. Он, вообще-то, чаще выступал по кровавым уголовным делам и хорошо освоил приемы психологического воздействия на публику и присяжных. И здесь, в тихой камере пожилого седовласого мирового судьи, он, по свидетельству известного репортера Власа Дорошевича, «вынув во время речи из портфеля одну из принадлежностей ее туалета, потрясал этой шелковой безделушкой в воздухе и патетически восклицал:

– Неправда! Вот в чем она была в вечер преступления! Как видите, все дело состоит в том, что шелк не выдержал и лопнул от усиленного канкана!»

Можем себе представить эту живописную судебную картинку.

Рука дающего

Угол Невского и Владимирского – самый разгульный угол Петербурга. Здесь темные личности обделывали делишки в буфетах и номерах гостиницы «Москва». Напротив нее, через Владимирский проспект, горел огнями популярный ресторан Палкина. А через Невский полусветская публика всю ночь гуляла в кафешантане «Кристалл-Палас». В те времена, как, впрочем, и в нынешние, это заведение пользовалось репутацией довольно-таки скандального «злачного места». Публика там собиралась пестрая.

Как-то раз некий студент во время танцев подрался с девицей легкого поведения. Когда полицейский выводил его вон, студент во всеуслышание заявил, что тот потому горячо заступается за проституток, что (цитируем репортаж газеты «Судебный вестник») «все публичные женщины дают ему даром». Эта фраза была болезненно воспринята обидчивым полицейским. Тот пожаловался суду за «оскорбление чина полиции при исполнении им служебных обязанностей». Суд приступил к выяснению обстоятельств дела. Цитируем снова газетный отчет:

«Председатель (полицейскому):

– Не говорил ли подсудимый, что женщины дают вам?

Полицейский:

– Так точно, именно так и сказал.

Председатель:

– А не говорил ли подсудимый, что именно они вам дают?

Полицейский (помолчав, и довольно тихо):

– Да будто деньги я с них беру, что ли… Право, не припомню…»

«Играть строго запрещается!»

Как-то раз – дело было на Святой седмице, в понедельник, когда народ по всей России гулял и веселился, – в один из участков Нарвской части был доставлен молодой подвыпивший приказчик винного погреба. Притащил его за шкирку городовой, в свободной руке страж порядка держал разбитую вдребезги гармонь. Из объяснений преступника и полицейского явствовало, что совершено «нарушение порядка и благопристойности» и что при этом имеются пострадавшие. Такого рода дела подлежали разбирательству в мировом суде, куда вскоре и был доставлен виновный.

При опросе свидетелей и потерпевшего выяснилось следующее. Молодой мещанин N., пребывавший на второй день Пасхи в превосходном настроении, возрадовавшись по поводу хорошей, солнечной погоды, вышел на улицу возле Нарвской заставы с музыкальным инструментом – с гармоникой – в руках. Начал играть, запел… Только распелся – подбегает городовой:

– Милостивый государь, на улицах играть воспрещается!

Наш герой попытался не унывать; отойдя неверными шагами от строгого блюстителя порядка, он свернул в другую улицу, потихонечку снова заиграл, запел, потом заиграл и запел громче… Только-только стало ему хорошо – глядь, опять городовой, с другого угла поспешает:

– Не извольте, сударь, шуметь – это не дозволено!

Свернул наш приказчик в третью улицу – и там та же история. После встречи с четвертым городовым настроение стало портиться… Отошел, смотрит – опять городовой на углу двух улиц важно так прогуливается… Закипело тут на сердце у приказчика, подбежал он к полицейскому и ни с того ни с сего как хватит его гармонью по форменной шапке! Конечно, тут его и скрутили.

Мировому судье виновный объяснял свою вспыльчивость:

– Целый год работаешь, сидишь в погребе, как в тюрьме… На праздник вот вырвался погулять, а тут: одно – нельзя, другое – нельзя… Да и выпимши я был, конечно. Обидно стало: я эту музыку ужасно как люблю, охотник я на гармони поиграть… Войдите в положение.

Мировой, может, и вошел бы в положение, но по закону за оскорбление, нанесенное полиции, вынужден был «припаять» музыканту несколько месяцев тюрьмы.

Русская литература в полицейском участке

Невольными посетителями полицейских участков бывали не одни только обитатели петербургского дна, но и его бытописатели. Нередко попадал в кутузку беспутный и умерший в тридцать лет современник и тезка Достоевского литератор Федор Михайлович Решетников. Талантливый автор этнографической прозы о жизни вятских крестьян, он страдал неукротимыми запоями. В пьяном же виде обычно отправлялся в Летний сад, где эпатировал приличную публику хулиганскими выходками. Заканчивалось подобное баловство в участке. Другой хорошо знакомый полиции писатель и заядлый картежник – Корнилий Бороздин – не раз сиживал в долговой тюрьме. Не довольствуясь этим, он пошел на серьезное преступление: подделку векселей и заемных писем. За что был судим и приговорен к ссылке.

Попадал в полицейские передряги известный автор «Петербургских трущоб» Всеволод Крестовский. Однажды он был доставлен в участок за избиение адвоката Соколовского. Дело обстояло так. Храбрый кавалерист, путешественник, скандалист, пьяница и антисемит Всеволод Крестовский, оказывается, был диким ревнивцем. Надо, правда, и то сказать, что жена его, актриса В. Д. Гринева, давала множество поводов для ревности. Дошло до того, что она стала открыто изменять писателю – и с кем? – с мужем его родной сестры Клеопатры поручиком Майковым. Дело об их незаконном сожительстве стало даже

предметом судебного разбирательства. Защитником изменницы выступал в суде Соколовский. И, защищая чужую жену, он пару раз нелицеприятно отозвался о ее муже. Разгневанный Крестовский ворвался на квартиру адвокатишки, угрожая оружием, потребовал дуэли, а когда тот отказался, то просто поколотил его. За что и был доставлен в участок, где также вел себя буйно: как тогда говорили, «допустил оскорбление чинов полиции». Правда, Крестовского в полиции любили: как же, автор романов на криминальные темы. И поэтому дело об оскорблении замяли. А за мордобой писателю-кавалеристу дали две недели гауптвахты.

Часть III
Криминальные прогулки

Петербург создан для пешеходных прогулок. Он доверху наполнен смыслами; он, как писал Ю. М. Лотман, «по количеству текстов, кодов, связей, ассоциаций, по объему культурной памяти, накопленной за исторически ничтожный срок своего существования, по праву может считаться уникальным явлением в мировой цивилизации». Концентрация истории, обилие сюжетов, отпечатавшихся в самом веществе Петербурга, – исключительны. Водили, водят и будут водить по этим улицам и переулкам экскурсии на всякие темы. Литературный Петербург, императорский Петербург, город-герой Петербург—Ленинград и так далее и тому подобное. Не слыхал я только об экскурсиях на тему «Криминальный Петербург». А жаль. И в этом отношении «объем памяти», «накопленный за исторически ничтожный срок существования», чрезвычайно велик. Топография преступного Петербурга – благодарный предмет как научного исследования, так и простого обывательского любопытства.

В городе издавна выделялись почти свободные от криминала тихие и благополучные кварталы, чопорные улицы и ожерелья набережных, украшенных алмазами особняков; в то же время существовали и целые районы, являвшиеся зонами преступности. Таковой при Петре и Анне слыла Татарская слобода, район между Сытным рынком и нынешней Мытнинской набережной, куда даже днем забредать было опасно; в елизаветинские времена – дальние необжитые закоулки Васильевского острова, где однажды нападению разбойников подвергся Ломоносов; позднее – Сенная площадь, ставшая сценой личной трагедии для сотен Акакиев Акакиевичей; «Вяземская лавра», Семеновский плац; в нэповское время – Лиговка, с ее на всю страну знаменитой шпаной; тихий парк Александрино на Петергофской дороге: там в начале XX века водилась страшная шайка разбойника Вадима Кровяника.

Прогуливаясь по петербургским улицам, мы, сами того не ведая, ходим по сцене огромной детективной драмы, наталкиваемся на безмолвных свидетелей давно совершенных, ужасных и жалких, кровавых и смешных преступлений. Об этом есть что порассказать.

Преступное сердце Петербурга

Начало криминальных прогулок – Сенная площадь. Петербург был разделен в те времена на 12 полицейских частей; самой дурной славой пользовалась Спасская: преступлений здесь совершалось раза в два больше, чем в Московской, Казанской или Александро-Невской (тоже неблагополучных) частях. А главная причина – Сенная площадь. Если огромный рынок, занимавший ее открытое пространство, именовали «чревом Петербурга», то дома и переулки, окружающие площадь, можно было бы, рискуя впасть в анатомическое противоречие, назвать криминальным сердцем города. И главный сгусток девиантности – пресловутая «Вяземская лавра»: так петербуржцы иронически называли огромный доходный дом (точнее, группу строений, снесенных в начале XX века) между Сенной площадью, Обуховским (ныне Московским) проспектом и набережной Фонтанки.

Вообще-то, «лаврами» именуются монастыри высокого духовного значения. Население и нравы «Вяземской лавры» менее всего соответствовали идеалу монастырского благочестия. Это была самая известная и одна из самых мрачных петербургских трущоб. Принадлежал дом и участок аристократу-Рюриковичу, прожженному капиталисту и беспринципному дельцу князю Александру Вяземскому. В середине 1860-х годов князь Вяземский прославился скандальными процессами, связанными с мошенничеством при расходовании средств на постройку и ремонт «лавры». Из своего владения он стремился выжать максимальный доход. Отдельные помещения и флигеля князь сдавал мелким арендаторам, которые, в свою очередь, использовали их под дешевые трактиры, гостиницы, питейные заведения, так называемые семейные бани (по сути дела, копеечные бордели) и просто для сдачи внаем комнат и углов нищему, подозрительному и преступному народу. Так вырос полууголовный поселок примерно в 2–3 тысячи жителей, рассадник дешевого разврата и антисанитарии (князь всячески стремился избежать трат на устройство водопровода и канализации). Тут же по соседству (Сенная, 3) располагался «Малинник», грязный, вонючий притон, обиталище мрачных уголовников и дешевых проституток. «Лаврских» жителей современник Н. Свешников именует «не беднотою, но отребьями, отбросами, паразитами общества. Это не беднота Песков или Петербургской стороны, голодная, но нередко приглаженная, благообразная и стыдливая; это люди хотя до безобразия рваные и грязные, частенько полунагие и полуголодные, но все же

умеющие достать копейку».

Как «доставали копейку» обитатели этой трущобы, лучше всего было известно в Спасской полицейской части, расположенной неподалеку, на углу Садовой и Большой Подьяческой улиц. Ограбления и пьяные драки с причинением телесных повреждений были в «лавре» обычным явлением; полицейские разводили руками перед потерпевшими: «Ведь ты знал, что это Вяземский дом. Впредь тебе наука, не будешь в другой раз туда шляться». Питейные заведения, бани и углы «Вяземской лавры» служили удовлетворению потребностей петербургской черни, крутившейся вокруг Сенной площади. Тут можно было и украсть, и выпросить, и подцепить клиента… Но нередко и почтенные, и даже вполне обеспеченные петербуржцы забредали сюда, привлеченные дешевизной разврата или жаждой острых ощущений. Социальные контрасты столицы сталкивались и переплетались здесь в зловеще-причудливых сочетаниях.

Некий юноша, сын статского советника, сошелся здесь с пьяницей и проституткой, пятидесятилетней женой отставного бомбардира. Их страстный роман бурлил восемь лет в закоулках «Вяземской лавры». Генеральский сынок спивался, но не уставал ревновать свою немолодую возлюбленную, «солдатскую женку», к ее клиентам. Кончилось дело тем, что однажды вечером он явился к ней пьяный, ночь они провели в объятиях друг друга на грязных простынях в сырой и темной каморке… И в этой же каморке, на этих же простынях утром полиция обнаружила, как сказано в отчете, «мертвое тело женщины с петлею из обрывка тряпки на шее» и ее любовника, крепко спящего рядом…

А вот другая история из жизни обитателей «Вяземской лавры» под названием «Смех сквозь слезы, или Британскоподданный».

В один прекрасный день к городовому, прохаживающемуся по тротуару Сенной площади, подошел бедно одетый, болезненного вида молодой человек. Назвался он Николаем Данковым, сыном надворного советника, и заявил, что повинен в убийстве. Был препровожден в участок и там поведал такую историю (под Москвой дело было): они-де втроем с товарищами подкараулили приказчика какой-то фабрики, убили его (убил он, Данков, ударом гири в висок), а найденные при нем деньги – 8 тысяч рублей – поделили. Назвал Данков и имена подельников: Поклонский и Тупицын. Оба сих господина, вечно пьяные забулдыги, были немедленно сысканы в дебрях «лавры» и допрошены. Оба клялись и божились, что ни в каком убийстве не замешаны, жили «честно-благородно». Полицейские чины стали наводить справки, связались с Москвой. Никаких сведений об убитом или пропавшем приказчике у московской полиции не

оказалось. Сквозь «чистосердечное признание» Данкова явственно просматривался самооговор и вымысел. Занялись установлением личности псевдоубийцы, и тут выяснилось, что Данков – вовсе не Данков, а Даниэль. Почему-то британский подданный. И паспорт его был обнаружен в Обуховской больнице для бедных.

Отыскали свидетелей, поднажали на горе-заявителя. Несчастный оказался незаконнорожденным сыном петербургской мещанки Залипанской от неизвестного. Ненужный ни матери, ни родне, он с детства скитался, жил «в людях». Бывал за границей, каким-то образом получил статус подданного королевы Виктории. Места себе не нашел и на Альбионе, вернулся в Петербург. Перебивался случайными грошовыми заработками, обитал вместе с Поклонским в одной из конур грязной и преступной «Вяземской лавры». Голодал, практически не имея средств к существованию, и к тому же хворал. На какое-то время его приютили в Обуховской больнице для бедных, но потом выписали. За лечение ему платить было нечем, и его паспорт остался в больнице в качестве залога. Очутившись без документа, Даниэль лишился надежды найти работу и от отчаяния решил наговорить на себя, дабы попасть в тюрьму: там хоть тепло и кормят. Это ему удалось: суд признал его виновным в преступлении, называемом «введением суда в заблуждение», и приговорил к двум годам тюрьмы. Как жил-был горемыка, выйдя из мест заключения, – неизвестно.

Историй подобного рода могло быть множество в летописях «Вяземской лавры» и «Малинника», если бы кто-нибудь такие летописи вел. Но обитателям этих трущоб было не до того; подвиги их чаще всего фиксировались в бумагах полицейских участков. Впрочем, порой в окрестностях Сенной площади совершались преступления, приобретавшие громкую известность. О некоторых из них мы расскажем во время следующей прогулки.

Вокруг Сенной площади, или Труп в сундуке

Окрестности Сенной площади составляли ядро Спасской части Петербурга. (Название – от церкви Спаса-на-Сенной, возвышавшейся там, где сейчас уныло торчит наземный павильон станции метро «Сенная площадь». Церковь снесли в 1961 году.) Улицы тут были темноватые, дома непритязательные, жители небогатые, а нравы – дикие. Спасская часть включала в себя самые криминогенные углы города: Сенную площадь с «Вяземской лаврой» и «Малинником», Демидов переулок (ныне пер. Гривцова), с его ночлежками и мрачным зданием Пересыльной тюрьмы; Таиров переулок (ныне пер. Бринько) с дешевыми трактирами и лекарским участком для простонародья; Горсткин переулок (ныне пер. Ефимова), торговый Апраксин двор, Никольский рынок, служивший простонародной биржей труда, и прочие «злачные места». Здесь ограбили гоголевского Акакия Акакиевича, здесь по воле Достоевского грешил и каялся Раскольников, здесь бродили обитатели «Петербургских трущоб» Вс. Крестовского. 22 июня 1831 года здесь шумел «холерный бунт»: толпа черни громила лавки, нападала на полицию, убивала врачей и их помощников, якобы виновных в распространении заразы.

Разыгрывались тут сцены, невозможные в других, более приличных локусах чопорного, заботящегося о респектабельности Петербурга. Репортер и фельетонист второй половины XIX века Владимир Михневич описывает не без иронии такой эпизод: «Раз как-то вечером, в одной из людных улиц Спасской части, глазам сторонних прохожих представилась нечасто встречающаяся картина: четверо каких-то легких на руку расторопных молодцов ухаживали за неизвестным прилично одетым мужчиной, находящимся в сильном опьянении; в одну минуту они беспрепятственно превратили его из „прилично одетого“ в неприлично обнаженного мужчину, сняв с него все до рубашки…» Заметьте, журналиста удивляет не сам факт грабежа (ограбления пьяных были в закоулках Спасской части повседневным явлением, впрочем, как и трезвых; вспомним «Шинель» Гоголя), а то, что «неприличное» обнажение жертвы происходило при всем честном народе, «на одной из людных улиц».

Однако же в окрестностях Сенной случались дела и похуже. В 1869–1870 годах по всей России прогремело дело об убийстве Фон-Зона: отставной чиновник был завлечен в «блудилище»

в Спасском переулке, что между Сенной и Екатерининским каналом, и там убит (см. об этом в ч. II, гл. «Знаменитые убийства»). Другая история, разыгравшаяся два года спустя неподалеку, в противоположной стороне от Сенной площади, менее известна, хотя не менее колоритна.

11 сентября 1871 года жильцы дома Ханкиной по Средней Подьяческой улице обнаружили на чердаке сундук, издававший невыносимый трупный запах. Прибывшая полиция вскрыла сундук; в нем оказался сильно разложившийся труп старика; голова и туловище были обернуты простыней, на шее туго затянут ремень. На голове и груди – рубленые раны, ставшие, по заключению врача, причиной смерти. В убитом был опознан ростовщик Филипп Штрам, старик состоятельный, но страшно скупой, часто и подолгу проживавший в этом доме у своих родственников. Подозрение и пало на этих родственников, а именно на ревельскую уроженку Елизавету Штрам и ее сына Александра. С ними проживала также сестра Александра Штрама, проститутка и беспробудная пьяница. Александр Штрам, переплетчик, к этому времени потерял работу и промышлял темными делами в темной компании; по всей вероятности, был кем-то вроде сутенера. Елизавета Штрам сдавала комнаты и койки дешевым проституткам Спасской части.

Было установлено, что мать и сын вскоре после предполагаемого времени убийства пытались получить деньги по чекам, принадлежавшим убитому. Это им не удалось, и, оставшись без денег, они вскоре (и неожиданно для них самих) вынуждены были съехать с квартиры – по требованию хозяйки – за неуплату. Этим объяснялось, почему не был уничтожен или надежно спрятан труп. Штрамы были вскоре задержаны в Ревеле (Таллине), доставлены в Петербург и преданы суду. На суде, в октябре того же года, вина Александра Штрама была вполне доказана, да он и сам не особенно пытался ее скрыть и даже брал всю вину на себя, отрицал участие матери в преступлении. Старика он убил топором, подкравшись к нему, когда тот спал. На суде Александр Штрам вел себя уверенно, даже нагло, стараясь показать, что ему все нипочем… Однако после выступления свидетеля – своего бывшего наставника в переплетном ремесле, доброго старика-немца, дрожащим голосом поведавшего суду, каким добрым мальчиком когда-то был подсудимый, – Александр неожиданно разрыдался…

Дело это, помимо детективной стороны, интересно тем, что оно показывает жизнь своеобразной ниши петербургского дна, занимаемой приезжими из прибалтийских («остзейских») губерний. Как видим, «добропорядочные» немцы и «горячие»

прибалты играли не последнюю роль в жизни криминального Петербурга. Так, например, по данным врачебно-полицейского комитета (в его функции входило осуществление контроля за легальными проститутками), каждая десятая «жрица любви» в Петербурге была уроженкой Прибалтики.

Впрочем, об этой животрепещущей теме – проституции и ее связи с криминалом – мы поговорим в следующий раз, прогуливаясь по улицам соседней, Казанской части Петербурга.

Дворяне в Мещанской…

Есть у Пушкина такая эпиграмма на негодяя и доносчика Фаддея Булгарина:

Решил Фиглярин вдохновенный:
Я во дворянстве мещанин.
Что ж он в семье своей почтенной?
Он? Он – в Мещанской дворянин.

Ядовитое жало этой эпиграммы скрыто от современного читателя. Дело в том, что улицы Большая Мещанская (она же Казанская, в советское время – улица Плеханова), Средняя Мещанская (ныне Гражданская) и Малая Мещанская (Казначейская) еще в пушкинские времена славились своими сомнительными увеселительными заведениями и публичными домами. Булгарин же, частый посетитель такого рода заведений, по уверениям современников, взял жену из публичного дома.

Свою нелестную репутацию район Мещанских улиц сохранил и впоследствии. Насколько она была справедлива, можно судить по данным полицейской статистики. На 1877 год в Петербурге было зарегистрировано 197 домов терпимости; из них 74 – в Казанской части, к которой относились Мещанские улицы. Даже Спасская, самая преступная часть города, здорово отставала по этому показателю – всего 42 «заведения». Впрочем, противоречия тут нет: проституция в императорской России была явлением не криминальным, а официально разрешенным; содержание публичных домов дозволялось при условии соблюдения полицейско-санитарных норм: прописки, получения «сотрудницами» особых видов на жительство (их называли «желтыми билетами»), прохождения врачебных осмотров и, если понадобится, лечения в известной клинике на Фонтанке возле Калинкина моста.

Наличие такого количества специфических заведений в районе Мещанских улиц дополнялось обилием трактиров, оружейных и ювелирных лавок. Все это создавало достаточно напряженную криминогенную обстановку в Казанской части города. За примерами далеко ходить не надо.

Газета «Судебный вестник» за ноябрь 1870 года повествует о том, как в питейном заведении, расположенном в Фонарном переулке, двадцатилетний приказчик Петр Комаров и кухонный мальчик Осип Комаров, двенадцати лет от роду, топором

пытались зарубить крестьянина Василия Данилова, завернувшего в этот кабачок со скромным намерением выпить. Цель – ограбление. К счастью, не получилось; оба попали в исправительные заведения, а крестьянин отделался травмами. Зарекся ли он после этого шляться по кабакам – неизвестно.

Тот же «Судебный вестник» в сентябре—октябре 1869 года немало страниц уделил делу о грабеже и покушении на убийство, совершенном по соседству, в немецком клубе «Пальма», в Глухом переулке (ныне – пер. Пирогова). Некто Трофим Родионов, крестьянин, двадцати трех лет, работавший раньше кухонным мужиком в этом самом добропорядочном клубе, пришел туда поздно вечером в гости к швейцару Макару Павлову. Выпили; слово за слово – Трофим хватает топор и бьет Макара по голове раз, другой, третий… Окровавленный швейцар был обнаружен утром, без сознания, но еще живой; на его голове и теле насчитали семь рубленых ран; деньги, бывшие при нем, похищены. Преступника выследила секретная агентура сыскного отделения в публичном доме на углу Владимирского и Колокольной; собственно говоря, этой «агентурой» была проститутка, с которой Родионов пытался забыться в любовном угаре после совершенного злодеяния. При нем обнаружили окровавленное полотенце и деньги. Под тяжестью улик преступник сознался – и получил шесть лет каторги.

Другая газета – «Санкт-Петербургские ведомости» – сообщает: в конце декабря, перед новым, 1866 годом, «отставной губернский секретарь Александр Аменин, сорока лет от роду, придя в трактир Бурмистровой, в Казанской части, в доме Ососова, остался в отдельном нумере ночевать, на другой день потребовал закуски и водки и потом усмотрен повесившимся на поясном ремне, прикрепленном к медному крюку на перегородке». Что заставило отставного носителя маленького чина XII класса свести счеты с жизнью – неведомо. Возможно, несчастная любовь, потеря смысла жизни, а может быть, банальное пьянство, доводившее до белой горячки не один десяток петербургских губернских и коллежских секретарей, собратьев господина Мармеладова.

В «Отчете Санкт-Петербургской городской полиции» за 1872 год читаем про то, как бриллиантовых дел мастер Тильман, имеющий мастерскую на Большой Мещанской улице, вдруг обнаружил пропажу нескольких крупных бриллиантов (один из них – 4,3 карата!) на сумму 5 тысяч рублей. В краже был заподозрен внезапно пропавший ученик Тильмана, подросток по фамилии Канифман. Его стали искать и скоро выследили: он весело проводил время в одном из трактиров Апраксина двора. Мальчишку задержали, в его кармане обнаружили тот самый

четырехкаратный бриллиант.

Между прочим, эта история была доведена до сведения государя посредством отчетов городской полиции. Царь-освободитель, как мы уже говорили, любил развлечь себя детективными историями и за неимением времени для чтения приключенческих романов изучал главу «О деятельности сыскного отделения».

Среди таких дел за 1876 год вниманию государя императора было предложено описание криминальной трагедии, развязка которой произошла в одном из домов терпимости на Малой Мещанской. Секретный осведомитель (осведомительница?), жительствовавший в этом доме, сообщил в полицию, что некий постоянный посетитель «заведения», мещанин Александров, в пьяном виде похвалялся убийством «какого-то чухонца». Как раз незадолго до этого в темном Языковом переулке неподалеку от Черной речки был обнаружен труп неизвестного с проломленным черепом. В убитом опознали уроженца Выборга Андерса Паксу, приехавшего в Петербург подработать извозом. Сопоставив факты, сыщики решили задержать и допросить Александрова. С этой целью они нагрянули в дом на Малой Мещанской. Там они и накрыли еще не проспавшегося гуляку; во дворе были обнаружены сани и лошадь убитого чухонца. С похмелья Александров сознался в убийстве и в том, что он на самом деле не Александров, а Александр Меркулов. И тут же выдал своего соучастника, брата Алексея. Оба братца были преданы суду.

Вообще, полиция извлекала весьма существенную выгоду из дружбы с обитателями и обитательницами публичных домов. Находившиеся под постоянной угрозой репрессий за нарушения санитарно-полицейских правил и паспортного режима, проститутки и «мадамы» охотно делились с сыщиками информацией о клиентах. Эта информация была тем более ценна, что столичные преступники (впрочем, не только столичные) любили расслабляться после своих подвигов именно в гостеприимных интерьерах этих домов. Так было раскрыто, например, «глухое» убийство крестьянина Ивана Тимофеева, подобно Паксу приехавшего в Петербург подзаработать извозом. Убийцы – крестьяне Захар Борисов и Ефрем Егоров – познакомились со своей жертвой в одном из домов терпимости в Свечном переулке (там было много такого рода заведений, рассчитанных на клиента из простых: рядом находился Ямской двор, извозчичья биржа Петербурга). Убийцы были опознаны проститутками, слышавшими об их сговоре, и тапером публичного дома, дворянином (!) с характерной фамилией – Иродов.

В тихом омуте Коломны

Если мы, покинув Казанскую часть, по Садовой или по Офицерской улице (ныне ул. Декабристов) двинемся в сторону залива, то попадем в Коломну. Настоящие петербуржцы знают: так по неизвестным причинам, но с незапамятных времен называется район города между Мойкой, Пряжкой, Фонтанкой и Крюковым каналом. Во второй половине XIX века Коломна считалась этаким тускло-застойным углом столицы, прибежищем небогатых чиновников, вдов и сирот. Планировка этой части города сильно отличалась от современной: не было Лермонтовского проспекта, а Английский проспект не доходил до Покровской площади. Одно-двухэтажные деревянные дома с палисадниками перемежались большими и безликими доходными домами. Последних с годами становилось все больше; они все явственнее теснили жилища мелких домовладельцев. Застойное бытие Коломны классически описано Гоголем в повести «Портрет»: «Жизнь в Коломне всегда однообразна: редко гремит в мирных улицах карета…» Однако тишина коломенских переулков оглашалась криками «караул!» и полицейскими свистками куда чаще, чем хотелось бы добропорядочным обывателям.

В начале 1870-х годов, например, несколько молодых коломенских обывателей, среди которых был один офицер, совершили групповое изнасилование – весьма редкий в те благопристойные времена вид преступления. Жертвой их стала соседка, сирота, дочь отставного унтера, содержавшего портерную лавку (по-нашему – пивную). Еще при жизни отца, помогая ему за стойкой, она привлекла внимание молодого соседа, военного; тот ухаживал за ней, и не вполне безуспешно. Но ему хотелось всего и сразу. Кончилось дело тем, что ухажер и его приятели, хорошенько выпив, заманили девицу за город (как в песне поется: «Поедем, красотка, кататься!»). С прогулки девица вернулась под утро, в слезах… и прямо в полицейский участок.

Несколько лет спустя другой житель тихого омута, четырнадцатилетний подросток, ночью топором зарубил родного отца. Перед потрясенными соседями и чинами полиции мальчонка оправдывался тем, что он, как Мцыри, хотел воли, а отец ему ее не давал…

Любопытство в обществе возбудило убийство мелкого чиновника и домовладельца Лейхфельда, совершенное на любовной почве. В один непрекрасный день в дворницкую дома возле Покровской площади, покачиваясь, вошел бледный полуодетый молодой человек и заявил, что он ранен. За ним

следом прибежала взволнованная женщина, стройная худощавая брюнетка со жгучими, по-восточному блестящими глазами. Прибывшая полиция выяснила, что молодой человек – Лейхфельд – ранен револьверным выстрелом в грудь, а стреляла в него эта самая «восточная женщина», оказавшаяся, по наведении справок, его сожительницей Александрой Рыбаковской. Тем временем раненому стало совсем плохо, его увезли в больницу, где он несколько дней спустя скончался. Следователь успел допросить его в больнице, но показания потерпевшего были противоречивы: он то лепетал что-то о несчастном случае, то обвинял сожительницу в злодействе. Что касается Рыбаковской, то она утверждала, что ранила своего возлюбленного нечаянно: рассматривала револьвер, вертела его, шутя, в руках, а он возьми и выстрели.

Но суд выяснил о Рыбаковской много компрометирующих ее подробностей. Она долгое время вела весьма предосудительный образ жизни бульварной барышни и содержанки, сожительствовала одновременно с разными джентльменами, а в последнее время всячески старалась принудить Лейхфельда к женитьбе на ней. С этой целью симулировала болезнь, чахотку (хитрая бестия тайком пила бычью кровь, ее потом рвало, каковое явление она выдавала за кровохарканье). Более того, родив в свое время ребенка, она преспокойно отдала его в сиротский дом, а позднее, желая покрепче привязать Лейхфельда к себе, скрытно взяла чужое дитя из приюта, выдавая его за своего сына от Лейхфельда. Несмотря на эти фокусы, сожитель все более тяготился ею, вел дело к разрыву… И тут прозвучал выстрел.

Рыбаковскую осудили за преднамеренное убийство. Приговор был суров. Не возымели успеха попытки защитника К. К. Арсеньева вызвать сочувствие к своей подопечной аргументами типа «среда заела» и выжиманием слезы намеками на то, что в детском возрасте несчастная стала жертвой жестокости и беспутства своего отца (что именно имелось в виду, защитник не пояснил). Присяжных и судей раздражило поведение подсудимой: она долго скрывала свое настоящее имя и происхождение, водила суд за нос, выдавая себя за «персидскую княжну Омар-Бек». Кроме того, и в одиночной камере Дома предварительного заключения она не теряла времени даром, вследствие чего забеременела. Из-за этого обстоятельства суд приходилось несколько раз откладывать.

Не такой уж тихой была Коломна. Впрочем, это естественно. Криминальный колорит этой части города придавали три-четыре фактора. Во-первых, в северном углу Коломны, между Офицерской улицей, Мойкой и Крюковым каналом, было

расположено мрачноватое здание бывших казарм Литовского мушкетерского полка, так называемый Литовский замок, главная тюрьма Петербурга. (Это здание с башнями по углам было сожжено во время Февральской революции, а его место застроено заново в 1930–1960-х годах ушедшего века.) Во-вторых, при здании Коломенской полицейской части находилась единственная на весь город тюрьма для несовершеннолетних преступников. В-третьих, по соседству с Коломной, сразу за Калинкиным мостом, располагалась Калинкинская венерическая клиника, в которой проходили принудительное лечение «падшие женщины» со всего Петербурга. За другой речкой – Пряжкой – возвышались хмурые стены сумасшедшего дома, больницы Св. Николая Чудотворца. И наконец, множество сомнительных гостиниц и трактиров, да и просто домов терпимости, разбросанных по Офицерской улице, дополняли число очагов девиантности старой Коломны.

Самое своеобразное из «злачных мест» располагалось прямо напротив Литовского замка, через Крюков канал. Это был трактир «Роза», заведение поистине многофункциональное. Здесь был недорогой ресторан и «нумера». Но главной специализацией «Розы» были «бракоразводные дела» (об этом см. в ч. II, гл. «Незабудки и самоубийцы»).

Пока в «Розе» занимались такого рода юридическими процедурами, напротив, в здании Литовского замка, шла совершенно иная жизнь. Условия содержания здесь были несравненно лучше, чем в нынешних российских тюрьмах… Но тогдашние узники этого не знали. Литовский замок считался ужасным местом, мрачной юдолью слез… Однако подробнее о тюрьмах императорского Санкт-Петербурга – в следующей главе.

Тюрьмы императорского Петербурга

В столице Российской империи было много тюрем. Разбросанные по разным углам города, от центра до окраин, они не умещаются в рамки одной прогулки. Тюрьма при градоначальстве, что напротив Адмиралтейства (там, между прочим, в 1895 году содержался Владимир Ульянов и сохранил об этом неприятные воспоминания – главным образом из-за обилия клопов и блох), и женская тюрьма у Финляндской железной дороги; детская тюрьма при Коломенской полицейской части и «долговая яма» в Измайловском полку; Литовский замок у врат Коломны и Дом предварительного заключения на Захарьевской; пересыльная тюрьма в Демидовом переулке и Трубецкой бастион Петропавловской крепости… Обозреть их буро-кирпичное разнообразие можно разве что с птичьего полета.

Население тюрем Петербурга составляли, во-первых, подследственные и подсудимые, находящиеся в предварительном заключении. Во-вторых, приговоренные судом к различным срокам содержания «в исправительных домах», «в арестантских ротах», «в крепости», «под арестом на гауптвахте» (все это – разные варианты тюремного заключения). В-третьих, осужденные на ссылку или каторгу до отправки по этапу. В-четвертых, арестованные в административном порядке за мелкие правонарушения. В-пятых, несостоятельные должники. Последние коротали время в Доме содержания неисправных должников (в обиходе – «долговая яма»), в 1-й роте Измайловского полка (ныне 1-я Красноармейская ул.), напротив Троицкого собора.

До постройки «Крестов» в конце XIX века самым новым, «фешенебельным» из петербургских «застенков» был Дом предварительного заключения, выстроенный рядом со зданием окружного суда. Весь судебно-следственный комплекс занимал добрую половину квартала между Литейным проспектом, улицами Шпалерной и Захарьевской. Условия содержания в «предварилке» были сравнительно приличными. Арестантам полагались одно-двухместные камеры и регулярные прогулки во дворе. Двор этот был достаточно просторен, в нем радовали полицейский глаз зеленые насаждения: чахлые деревца и редкие кустики… Вполне приемлемым было питание. Тем не менее жизнь и порядки Дома вызывали жестокую критику и бесчисленные нарекания как со стороны заключенных, так и со стороны юристов, писателей, представителей общественности. С нашей теперешней точки зрения, жалобы их кажутся весьма наивными. А. Ф. Кони, имевший, как прокурор, прямое

отношение к тюремной сфере, сетовал, что ответственные за постройку лица, заботясь о том, «чтобы по внешности это здание не слишком походило на тюрьму, заказывали для этого очень дорогостоящие рамы итальянских окон, выходящих на Захарьевскую, забывая в то же время устроить в воздвигаемом здании квасоварню и прачечную».

Нехватка света и воздуха, теснота (6–8 м^2 на человека), унижения со стороны надзирателей и, главное, чрезмерная длительность содержания под стражей – вот основные мотивы жалоб. Сравнивая тогдашние условия с теперешними, мы констатируем: заключенные жаловались зря. Достаточно было бы им совершить краткую экскурсию по еще до недавнего времени действовавшим «Крестам», чтобы царский «Допр» показался им курортом.

Действительно угрюмой, самой мрачной из петербургских тюрем была Пересыльная тюрьма, темное, гнилое здание, расположенное неподалеку от Сенной площади, в Демидовом переулке (ныне пер. Гривцова). Здесь формировались и отсюда отправлялись этапные партии; здесь содержались до отправки к месту постоянного жительства нарушители паспортного режима. Именно они, а не прожженные уголовники-каторжники составляли основной контингент этапируемых арестантов.

Напомним: в России до самого конца XIX века действовала суровая паспортная система (см. об этом в ч. I). Закон строго гласил: «С просроченным паспортом никто нигде проживать не может». Нарушителей оного закона обреталось в Петербурге великое множество. В случае обнаружения таковых власти обязаны были действовать: того, кто оказался в столице без паспорта или с просроченным паспортом, «водворяли на место». Осуществлялось это административным порядком, по этапу. Обнаруженного беспаспортного полиция задерживала, препровождала в тюрьму, там его включали в формируемую этапную партию вместе с уголовными преступниками. При этом, как и всех этапируемых, заковывали в кандалы. Так, в кандалах и под конвоем, отправляли куда следует.

На мостовой Демидова переулка регулярно разыгрывались душераздирающие сцены прощания родных и близких с выводимыми для отправки исхудавшими и бледными «кандальниками». Как-то раз такую сцену наблюдали два прилично одетых господина: один, лет тридцати пяти, в мундире судейского чиновника, другой, совсем молодой, в форме офицера гвардии. Судейский был не кто иной, как уже упомянутый нами прокурор А. Ф. Кони; его спутник – великий князь Сергей Александрович, сын Александра II. Прокурор знакомил брата

наследника престола с тюрьмами столицы. «При нас, – вспоминал впоследствии Кони, – партия двинулась в путь на железную дорогу, звеня цепями, сопровождаемая плачущими женщинами с бедными детьми на руках, – серая движущаяся масса, под серым петербургским небом, торопливо влачащая свое несчастие и позор средь серых домов столицы».

В другом «тюремном месте», а именно в здании Коломенской части, в так называемых камерах для вытрезвления, великий князь и прокурор (пришедшие инкогнито, как Гарун ар-Рашид с визирем) наблюдали колоритную сцену другого рода. «Отворив дверь в отвратительную и вонючую комнату нижнего этажа, мы застали пьяного лежащим на спине и бессмысленно мычащим, а над ним наклонившимся одного из городовых, который неистово тер и дергал ему уши…» Посетили они и главную тюрьму города – Литовский замок, и Дом предварительного заключения…

Спустя тридцать с лишним лет после той экскурсии по тюрьмам московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович навлек на себя ненависть революционеров. В феврале 1905 года эсеры-террористы организовали взрыв в Московском Кремле. Великий князь был буквально разорван в клочья бомбой, брошенной рукою эсера Каляева. Потом настал Семнадцатый год. Здание окружного суда и Дома предварительного заключения на углу Литейного и Захарьевской было сожжено в дни революции. В 1930-е годы там выстроили знаменитый «Большой дом» – управление НКВД по Ленинграду и области. А улицу, на которую выходит боковой фасад этого сурового здания, переименовали в улицу Каляева (сейчас снова называется Захарьевской).

Преступления в увеселительных местах

Императорский Петербург, как и подобает настоящей столице, славился своими увеселительными заведениями: танцклассами, театрами, ресторанами всех разрядов и качеств – от дорогих и роскошных до самых сомнительных. Роскошные были сосредоточены в начале Невского, на Большой и Малой Морской. Те, что попроще, теснились к Фонтанке. Впрочем, криминальные драмы разыгрывались и там, и там.

Весьма криминогенным местом считались известные среди питерцев «Марцинки» – кафешантан и танцкласс Марцинкевича на Гороховой, угол Фонтанки, в известном «доме с ротондой», том самом, который на исходе советской эпохи облюбовали ленинградские хиппи и прочие молодые тусовщики. На «балы у Марцинкевича» допускались все прилично одетые дамы и господа; заведение пользовалось популярностью среди петербургского мещанства и мелкого чиновничества, играя в этой среде роль службы знакомств. Слетались сюда и совсем сомнительные птицы. К примеру, убийца Александр Штрам (о нем мы рассказывали во время прогулок вокруг Сенной площади), полунищий петербургский обыватель и сутенер, «ревельский гражданин» по документам, считавший для себя почетным делом обзавестись возлюбленной, посещал «Марцинки». По свидетельству современника, журналиста В. Михневича, место сие славилось «этими дамами», скандалами и дебошами.

Если от Гороховой пройти по Фонтанке, перейти Чернышов мост и выйти на Владимирский проспект, то можно было увидеть еще одно увеселительное место: клуб «Орфеум» в бывшем доме князя Голицына, где сейчас расположен Театр имени Ленсовета. Здесь собиралась публика чуть «почище», чем у Марцинкевича, давались концерты, устраивались танцы. Тут же вертелось множество дам полусвета и проституток более или менее приличного вида. Уровню публики соответствовала обстановка этого заведения, погруженного в разрушающуюся роскошь старого барского особняка.

А на углу Владимирского и Невского, в доме, где, как и в наши дни, помещался один из популярнейших ресторанов Петербурга, так называемый «Новый Палкин» («Старый Палкин» доживал свои дни в здании на Невском, напротив Публичной библиотеки). В этом первоклассном ресторане однажды произошла криминально-романтическая драма. Время действия – 31 декабря 1873 года, начало двенадцатого ночи. Действующие лица – поручик Аксентьев, мещанин Чекалин, служащий в

меховом магазине Коврыгина, и холмская мещанка Пелагея Лебедева. Веселая компания прибыла в ресторан Палкина; там они потребовали отдельный кабинет, водки, пива и закуски. Спустя два часа вышли, мужчины были изрядно пьяны. Когда все трое стояли у дверей, ведущих на лестницу, раздался выстрел; мещанин Чекалин замертво упал на ступени; в руках Аксентьева, как пишут в романах, «дымился пистолет».

На суде выяснилось, что убийство совершено на почве «дикой ревности». Поручик познакомился с Пелагеей в трактире, где она работала буфетчицей. Профессия эта в те времена предполагала известную доступность, и между офицером и буфетчицей возникла «недозволенная связь». Какое-то время они наслаждались взаимной страстью, но потом между любовниками начались размолвки и ссоры. Тут-то на Пелагеином горизонте появился молодой купчик Чекалин. В общем, все трое запутались в своих взаимоотношениях. На суде роковая женщина Лебедева отрицала свою связь с Чекалиным и утверждала, что Аксентьев замучил ее необоснованной ревностью; что он предлагал ей жениться; говорил, что жить без нее не может; требовал разорвать отношения с Чекалиным, угрожая, что в противном случае убьет его. Из показаний других свидетелей явствовало, что Чекалин и Аксентьев были и оставались добрыми друзьями и что Аксентьев сам предлагал Чекалину Пелагею, от которой якобы устал. Подсудимый утверждал, что Лебедеву он вовсе не любил, что это была случайная связь, что выстрелил он в Чекалина, потому как был пьян и ничего не соображал. История вырисовывалась довольно-таки грязная, а поведение подсудимого способно было вызвать только неприязнь публики и присяжных. Защита пыталась добиться для убийцы «снисхождения», убедить суд в том, что Аксентьев действовал в «болезненном состоянии, вызванном пьянством». Однако присяжные признали его виновным в убийстве без «болезненного состояния» и «снисхождения». Ревнивец получил девять лет каторги.

Но, пожалуй, две самые остросюжетные криминальные истории 1870–1880-х годов (из тех, что связаны с «местами отдыха» столицы) разыгрались в стенах дорогой фешенебельной гостиницы «Бель-вю» («прекрасный вид» в переводе с французского), располагавшейся на Большой Морской, у самой арки Главного штаба. Осенью 1873 года в одном из ее номеров при загадочных обстоятельствах была убита жена известного журналиста, издателя газеты «Новое время» А. С. Суворина. Согласно принятой судом версии, ее смертельно ранил выстрелом в лицо ее же возлюбленный (друг дома и сотрудник Суворина) Андреев; сам же убийца покончил с собой. Однако уже

тогда ходили слухи, что к роковой трагедии причастен сам Суворин… В этой истории много сомнительного и неясного.

Другая драма, связанная с петербургским отелем «Бель-вю», вначале разворачивалась в Харькове. 13 декабря 1877 года полиция Харькова была поднята на ноги: в номере одной из лучших гостиниц города был обнаружен труп почтенного, хорошо известного в харьковском обществе доктора Ковальчукова. На дознании установили: за день до трагедии в соседнем номере поселился молодой человек, назвавшийся отставным ротмистром бароном Штемпелем. В ночь убийства титулованный незнакомец из гостиницы исчез, оставив в номере свои вещи. Таинственное исчезновение направило подозрения следователей в его сторону. Непонятны были только мотивы убийства.

Между тем выяснилось, что доктора давно мучили семейные неурядицы. Молодая жена покойного, красавица Мария, несколько лет назад бежала от пожилого супруга с гусарским офицером, захватив с собой детей, а заодно и деньги мужа. Следы беглецов вели в Петербург. Харьковская полиция тут же снеслась по телеграфу с Петербургским сыскным отделением. Столичные пинкертоны моментально навели справки: в последнее время Мария Ковальчукова проживала в Петербурге, в доме № 94 по Невскому проспекту, в меблированных комнатах; с соблазнителем-гусаром давно разошлась, однако, по сведениям, полученным от дворника и прислуги, не скучала: за нею несколько раз заезжал видный молодой мужчина благородной внешности, с военной выправкой.

Кто бы это мог быть? Не связан ли таинственный незнакомец с харьковским делом? Сразу же проверили, не барон ли Штемпель. Но у последнего оказалось надежное алиби: около десятка свидетелей подтвердили, что он из Петербурга за последние полгода никуда не выезжал. Значит, преступник назвался его именем, чтобы направить следствие по ложному пути.

И тут же выяснилось: Марию видели в отеле «Бель-вю». Там она появлялась с отставным поручиком Григорием Безобразовым; они снимали вдвоем номер под видом супружеской четы. Сыщики заинтересовались отставным гвардейцем. И выяснили, что две недели назад (в первых числах декабря) Безобразов уехал из Петербурга якобы в Ялту, но туда, по наведенным справкам, до 12 декабря не прибыл. Надо сказать, Безобразов пользовался дурной репутацией человека буйного, необузданного; в его прошлом маячили дуэли и несколько неблаговидных историй, из-за коих ему пришлось покинуть службу.

Сыскная полиция добыла фотокарточку Безобразова, и

гостиничная прислуга в Харькове его опознала. А прислуга «Бельвю» опознала вещи, оставленные беглецом в гостиничном номере в Харькове: это были те же вещи, что у питерского Безобразова. Серьезные улики против Григория и Марии оказались в распоряжении следствия. Тем временем за госпожой Ковальчуковой была установлена слежка. Уже 15 декабря филеры донесли: Мария, наскоро собравшись, выехала из Петербурга в Харьков. В дороге вела себя так, как будто ожидала погони и ареста. Сыщики поняли: Мария и Григорий должны встретиться где-то на юге, чтобы бежать за границу. Но план преступных влюбленных не осуществился. Убийцу выследили в Петербурге. 29 декабря вооруженный до зубов убийца Безобразов был арестован на квартире приятеля, на Обуховском (ныне Московском) проспекте.

На петербургской стороне, или Утопленница

Как только в Петербург приходила весна, солнце начинало греть и светить, разбрасывать неожиданные зайчики радости по чахлым веткам городских деревьев и бледным лицам прохожих, разделы происшествий петербургских газет, как отблесками весеннего света, начинали пестреть известиями об утопленниках. Сообщения об обнаружении мертвых тел в реках и каналах императорского Петербурга встречаются чуть ли не ежедневно в период с марта по май, от начала таяния льда на Неве до прохождения ладожского льда. Например, только весной 1870 года утопленников было обнаружено более 80. В полицейских отчетах все они значатся как жертвы несчастных случаев: зачем полиции возиться с этими «глухарями»? Один Бог знает, какой процент сих несчастных действительно отправился в подводное царство по случайности, во хмелю, сколько среди них было самоубийц, а сколько – жертв преступлений. Удобно-то как: убили – и в прямом смысле слова «концы в воду». Как сказано у Пушкина:

Рыболов ли взят волнами,
Али хмельный молодец,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купец?

Однако в иных случаях преступники, пытавшиеся скрыть следы злодеяний под невской водой, все же попадали под меч Немезиды. Такая история случилась однажды на Петербургской стороне возле набережной речки Ждановки.

Петербургская (ныне Петроградская) сторона в те времена выглядела совсем не так, как сейчас. К 1870-м годам городскими многоэтажными домами была застроена только малая ее часть, прилегающая к Кронверку, Большой Невке, Большой и Малой Неве; дальше в сторону Петровского, Каменного, Крестовского островов тянулись улицы, окруженные садиками и огородами, обстроенные в основном деревянными одно-двухэтажными домишками с мезонинами, в которых жили небогатые петербургские мещане. По разным углам Петербургской стороны теснились более или менее убогие развлекательные заведения для небогатого люда: кабаки, портерные, трактиры с «кабинетами» и так называемые семейные, или номерные, бани

(то есть бани с отдельными номерами). Последние пользовались весьма дурной репутацией и были в большинстве случаев чем-то вроде притонов разврата для простонародья и мещан.

В начале 1870-х годов в номерных банях купца Соловьева, что на Малом проспекте Петроградской стороны, неподалеку от речки Ждановки, работал банщиком некто Егор Емельянов. Как выяснилось впоследствии на суде, Егор был в заведении незаменимым лицом – выполнял функции сводника, сутенера и вышибалы одновременно. Живя при банях, он сошелся со служившей там же некой Аграфеной Суриной, женщиной легкого поведения, темпераментной и с характером. К Аграфене он испытывал непреодолимую страсть… Но со временем стал чувствовать, что слишком уж властная любовница стремится подчинить его своему влиянию. Чтобы избавиться от «роковой» женщины, он решил жениться и через некоторое время, оставив Аграфену, посватался, как положено, к невинной девушке Лукерье Фроловой, дочери его соседки по дому. Свадьбу сыграли чин чином, и первое время Егор казался довольным жизнью, даже делился с приятелями восторгами по поводу невинности своей молодой жены. Но скоро девятнадцатилетняя скромница ему наскучила. Емельянов снова стал искать встреч с Аграфеной. И та его не отвергла. Дважды или трижды они встречались и проводили «ночи, полные огня» в номерах гостиницы с названием «Зоологическая», располагавшейся невдалеке от Кронверка. На второй или третий раз Аграфена, по-видимому, поставила вопрос ребром: «я или она». И Егор сделал свой выбор.

Как раз в эти дни Емельянов должен был отбывать наказание – семь суток ареста – по весьма колоритному поводу: за нанесение побоев некоему студенту, который, подойдя к баням, стал возле них «нарушать чистоту», как сказано в материалах дела. Емельянов отправился в полицейский участок, при котором находилось арестное отделение; верная жена пошла его провожать. Шли они берегом Ждановки… Однако в участок Емельянов явился один, а жена его домой не вернулась.

Тревогу подняла мать пропавшей. Ее начали искать – и вскоре нашли труп. Волнами его прибило к заросшему кустарником невысокому бережку речки. Скоро отыскались и свидетели, которые видели, как Егор тащил свою молодую жену к воде и как та сопротивлялась… На теле утопленницы обнаружились следы насилия. Улик против Емельянова оказалось предостаточно. Он был предан суду. На суде в качестве свидетельницы выступала Аграфена. Она страстно и искренне каялась в своем жестоком поведении. Под влиянием ее речи суровый женоубийца не выдержал и сознался в содеянном. Суд

приговорил его к каторге.

Вообще надо сказать, что в криминогенном отношении Петербургская часть (Петроградская сторона) была местом сравнительно тихим. Но и тут происходили порой кровавые драмы. Уединенность мещанских домиков создавала естественную почву для грабежей, иногда с покушениями на убийство. Весной 1874 года в глухой, безлюдной Зелениной улице было совершено, например, ограбление и покушение на убийство мещанки Марфы Яковлевой. Замечательно то, что в этот день жертве преступления «повезло» дважды. Утром в доме Яковлевой, в отсутствие хозяйки, была совершена кража со взломом. Яковлева вызвала полицию. Полиция обследовала место происшествия и удалилась… И сразу же по уходе полицейских в дом ворвался неизвестный и набросился на Яковлеву с ломом. Нанеся ей несколько ударов, от которых она упала, обливаясь кровью, злодей решил, что с хозяйкой покончено, и, схватив кое-какие вещи и деньги, убежал. К счастью, Марфа выжила и даже смогла выбраться из дому и позвать на помощь. За расследование дела взялась сыскная полиция во главе со знаменитым сыщиком И. Д. Путилиным. Любопытное обстоятельство: при розыске подозреваемых – чуть ли не впервые в практике петербургского сыска – Путилин использовал фотокарточки из архива сыскной полиции. Потерпевшая узнала злодея по фотопортрету. Спустя несколько дней подозреваемый и его соучастники – крестьяне Гуцев, Ильин и Кузичев – были разысканы и арестованы. При них найдены некоторые вещи, похищенные у Яковлевой.

Суд, состоявшийся в сентябре того же года, приговорил их к разным срокам тюрьмы и каторги.

Рифы и мели Обводного канала

Во второй половине XIX века южной границей Петербурга служил Обводный канал. Его берега еще не были облицованы гранитом; сюда, к откосам, поросшим пыльной травкой и чахлыми ивовыми кустами, выходили задворки города, тут выказывалась изнанка Северной Пальмиры. К югу от Обводного городской застройки почти не было. Пригородный пейзаж разнообразили два новых вокзала (Балтийский и Варшавский) и строй унылых домов, большей частью деревянных, тянущихся вдоль четырех магистралей – Петергофской дороги, Забалканского, Лиговского проспектов и Шлиссельбургского тракта. Да, еще кладбища – Новодевичье на Забалканском проспекте, Преображенское на Шлиссельбургском тракте, Митрофаньевское между Забалканским проспектом и Варшавской железной дорогой – дополняли облик предместий.

На берегах Обводного канала – как на северном, так и на южном – оставалось немало пустырей и безлюдных мест, удобных для пребывания темных личностей и совершения темных деяний. Особенно беспокойным в этом отношении считался Семеновский плац, обширное пространство между Загородным проспектом, Звенигородской улицей, Обводным каналом и Царскосельской (Витебской) железной дорогой. (Часть его, прилегающая к Обводному, была застроена в конце XIX века; ближе к Загородному уже в советское время разбили сад и возвели здание ТЮЗа.) Когда-то здесь на учениях и парадах маршировали солдаты лейб-гвардии Семеновского полка, казармы коего располагались в северной части плаца. Южная, примыкающая к каналу часть днем и ночью поражала широтой и безлюдностью. Вечером плац становился местом прогулок праздношатающихся простолюдинов, а в темное время суток – излюбленным полем деятельности воров и грабителей, подстерегавших запоздалых прохожих. Недобрая репутация Семеновского плаца усугублялась тем, что здесь изредка совершались казни государственных преступников: многие помнили церемонию казни петрашевцев в 1849 году; тогда среди приговоренных «к расстрелянию» ждал своей очереди Достоевский; приговор был отменен в последний момент…

Но несопоставимо чаще разыгрывались здесь заурядные криминальные сцены. Самым распространенным промыслом петербургских грабителей было заманить прилично одетого горожанина или завезти его ночью на извозчике к Семеновскому плацу, а там… Как-то раз вечерком (дело было на Масленицу)

возвращался с дружеской пирушки молодой купец. На Гороховой улице повстречалась ему дама под вуалью. Как же пройти мимо? Гуляка начал приставать к одинокой красавице, и, против ожидания, успешно. Вскоре оба уже катили на извозчике к ней домой. У Царскосельского (ныне Витебского) вокзала дама остановила пролетку: теперь надо, объяснила она, пройти немного пешком через Семеновский плац, а там, за этим холодным темным пространством, их ждут тепло, уют и ложе наслаждений. Посреди плаца нетерпеливый купец полез к прекрасной незнакомке с поцелуями… но вместо ответа получил оглушающий удар по голове. Прелестница вытащила из его кармана бумажник, сорвала золотые часы и бросилась бежать. К счастью для потерпевшего, поблизости проходили двое солдат; с их помощью преступницу поймали, доставили в участок… И тут, к изумлению действующих лиц, выяснилось: она – не она, а он, профессиональный грабитель и искусный актер, использующий женский образ как приманку для искателей любовных приключений с туго набитыми кошельками.

Как не стать Семеновскому плацу ареной преступлений, если поблизости от него располагались три беспокойных в криминальном отношении объекта: Сенная площадь, Ямской двор (извозчичья биржа на углу Ямской и Разъезжей улиц, окруженная трактирами и домами терпимости) и большой ночлежный дом на углу Обводного канала и Измайловского проспекта. О последнем – два слова.

В Петербурге тех лет постоянно или временно, законно или незаконно проживало великое множество пришлого неимущего народа: вольнонаемных рабочих (выходцев из деревни), артельщиков, богомольцев, да и просто нищих бродяг. Немало было и опустившихся коренных питерцев, собратьев чиновника Мармеладова. Кто-то из них устраивался жить у хозяев, кто-то за гроши обретал жалкое пристанище в дебрях «Вяземской лавры»… Для совсем безденежных и убогих в 1870–1880-х годах были выстроены ночлежные приюты. Тот, о котором речь, был первым, одним из самых больших и благоустроенных. Он был рассчитан на 500 мест. Для странников и бездомных из простонародья (таких, разумеется, было подавляющее большинство) предназначались общие комнаты. Ночлежники спали на нарах, расположенных в два этажа, получали тюфяк, подушку и даже белье. Имелось и дворянское отделение, где стояли железные кровати и было чище и просторнее. Для ночлежников всех сословий существовали дешевая столовая, магазин и баня. Главный недостаток ночлежки заключался в том, что мест в ней явно не хватало, и по утрам, особенно зимой, толпы желающих

устроиться в тепле под ее кровом буквально штурмом брали двери кирпичного здания на Обводном. А те, кому не повезло, отправлялись побираться и воровать.

Между прочим, прямо напротив ночлежки (и возле того самого места, где в июле 1904 года бомбой эсеровского боевика Сазонова был убит министр внутренних дел Плеве) находилась Фейгинская, она же Овсянниковская паровая мельница, с которой связана одна из самых громких криминальных историй капиталистического Петербурга.

В 1875 году город взволновал пожар на мельнице, что на углу Обводного канала и Измайловского проспекта, принадлежащей В. А. Кокореву и арендуемой богатейшим петербургским купцом С. Т. Овсянниковым. Фейгинской ее называли потому, что построена она была в 1868–1871 годах купцом Фейгиным. Тогда же ее первый хозяин получил большой выгодный подряд на снабжение мукой войск Петербургского военного округа. Вскоре Фейгин продал мельницу и подряд Кокореву и Овсянникову. Потомственный почетный гражданин, коммерции советник и миллионер Овсянников всеми силами стремился к получению государственных подрядов; поэтому он пошел на большие расходы по аренде и содержанию мельницы. Однако дело оказалось убыточным. Овсянников задумал компенсировать убытки незаконным сбытом казенного зерна, но этот замысел был обнаружен, пресечен, а мельница передана в собственность бывшему компаньону Овсянникова – Кокореву. Все попытки Овсянникова добиться отмены этого неприятного для его деловой репутации решения закончились неудачей. Буквально накануне того дня, когда мельница (застрахованная Овсянниковым на крупную сумму) должна была перейти в руки Кокорева, случился пожар.

При расследовании инцидента появились веские основания заподозрить поджог. По указанию прокурора за дело взялся судебный следователь по особо важным делам, честный и опытный И. Ф. Книрим. Овсянников пробовал оказать давление на следствие, используя свои обширные связи и колоссальные денежные возможности. В обществе на все лады говорили, что до суда дело не дойдет, что связи и деньги возьмут свое. Неужто у нас, в России, может быть осужден такой богач, официальный поставщик военного ведомства, владелец огромных складов в Петербурге на Песках. (Кстати, расположенный подле этих складов сад, между Мытнинской, Старорусской и Калашниковской (ныне Бакунина) улицами, до сих пор называется Овсянниковским.) Вспоминали, что Овсянников уже состоял однажды под судом в связи с обвинениями в

злоупотреблениях по казенным подрядам, но постановлением судебной палаты был освобожден от преследования. Думали, что тем же кончится и теперь.

Но прокуратура и судебные власти на этот раз проявили решительность и твердость. Стараниями Книрима дело было доведено до суда в конце 1875 года. В организации поджога, кроме Овсянникова, обвинялись еще два его доверенных лица: Левтеев и Рудометов. Защищал Овсянникова известный адвокат П. А. Потехин. С противоположной стороны на суде выступал один из лучших обвинителей, товарищ прокурора В. И. Жуковский; интересы страховых обществ отстаивал не менее известный присяжный поверенный В. Д. Спасович. Овсянникова и его подручных признали виновными. Овсянникову был вынесен приговор: как имеющего более 70 лет от роду, сослать на поселение в отдаленные места Сибири. Через несколько лет ему по состоянию здоровья разрешили вернуться. Остаток жизни Овсянников прожил на покое в Царском Селе. А дело о поджоге мельницы стало одним из известнейших в истории экономической преступности в России.

Бойтесь обывателя с Песков!

Рождественская часть Петербурга – не самая бедная, но и не самая респектабельная – включала в себя тихий район Песков и несколько кварталов, прилегающих к шумной Калашниковской (ныне Синопской) набережной.

От того места, где Большая Болотная улица (ныне ул. Моисеенко) выходит к Неве, на три версты, до самого Обводного канала тянулась Калашниковская пристань – речные ворота Петербурга, его «разверстый зев», поглощающий ежедневно бездну товаров и людей, которые стекались в столицу водными путями со всех рек, речек и озер Российской империи. Сюда прибывали грузовые баржи, в огромных объемах свозились зерно, рыба, соль, уголь, кожи, сало, керосин, лес, руда и прочие товары – как для нужд столицы, так и для продажи на экспорт; здесь они перегружались в вагоны (специально была построена железнодорожная ветка от Николаевского, ныне Московского вокзала) или хранились в амбарах и на складах. Поблизости жили многочисленные рабочие – грузчики, «крючники»; тут же находился и торг: в Барановском трактире (расположенном в одноименном переулке) заключались сделки на куплю-продажу зерна. Словом, место простонародное и очень оживленное.

С шумом и гамом Калашниковской набережной соседствовали тишайшие Пески – местность, прилегающая к Слоновому (ныне Суворовскому) проспекту. Основу этого района составляли десять параллельно расположенных Рождественских (ныне Советских) улиц, перпендикулярно нанизанных на ось Слонового проспекта. Здесь не существовало тогда сплошной каменной застройки; трех-четырехэтажные доходные дома перемежались с маленькими деревянными домиками и огородами. Обитателями Песков были в основном чиновники средней руки и мещане; селились также студенты, отставные чиновники и офицеры, небогатые представители интеллигентных профессий. В общем, Пески слыли бедным, но благопристойным местом, почти пригородом Петербурга.

Полицейские статистические сводки Рождественской части в какой-то мере подтверждают эту репутацию: преступлений здесь совершалось втрое меньше, чем в буйной Спасской части, но все же вдвое больше, чем в аристократической Адмиралтейской части. Но уж если совершались, то всерьез: за период с 1868 по 1877 год здесь произошло 13 убийств (в «передовой» Спасской части – 17; в Александро-Невской – 5). Тихий обыватель Песков если уж вступал на путь преступления, то делал это с

обывательской основательностью.

В 1867 году в доме на 3-й Рождественской улице была убита жена водовоза, двадцатичетырехлетняя Сигклитикия Михайлова. Дело затеялось в соседнем кабаке. Несколько собутыльников, верховодил которыми крестьянин Иванов, решили ограбить водовоза, проникли в его жилище и тут повстречали хозяйку. Несчастную придушили, но она сопротивлялась и кричала, поднялся шум, преступники вынуждены были бежать, так и не успев поживиться добычей. Их отыскали и предали суду. Горше всего в этой истории было то, что полиция заранее знала о готовящемся преступлении: в кабаке работал секретный осведомитель, подслушавший сговор злодеев. Сыщики решили не мешать их планам, дабы поймать на месте преступления… Но грабители пошли на дело раньше намеченного срока – и совершилась бессмысленная трагедия.

В 1874 году в одном из домов на Тверской улице был убит дворник Дмитрий Васильев, юноша восемнадцати лет. Его зарубил топором пущенный им ночевать крестьянин Василий Михайлов; похищенными оказались тулуп, поддевка и 10 рублей денег. По горячим следам полиция отыскала его. Убийца пьянствовал в трактире у вокзала Николаевской железной дороги (то есть у Московского), где его и арестовали. Преступник был пьян и беспечен: на нем оказалась поддевка убитого. Под тяжестью этой улики (а также, возможно, и похмелья) Михайлов сознался в содеянном.

В том же (кстати, вообще урожайном на преступления) году на другом конце Песков, в Орловском переулке, что возле Знаменской площади (ныне пл. Восстания), у себя дома был задушен и ограблен отставной чиновник Фохт. Его соседи по квартире, мещанин Малинин и отставной чиновник Померанцев, исчезли. Полиция стала разыскивать их, а разыскав, обнаружила при них некоторые вещи убитого. Добрые соседи были изобличены и сознались.

Другой любопытный эпизод сентиментально-криминальной жизни Песков имел место в 1871 году. Раз летним днем хорошо одетая, молодая и эффектная дама подъехала в пролетке к одному из домов, приютившихся на тихом Греческом проспекте. В палисаднике у дома играли дети штабс-капитана Золотниковского: трехлетний Саша под присмотром старшего брата, десятилетнего Сергея. Дама вышла из пролетки, ласково заговорила с детьми, потом сунула старшему братцу двугривенный на леденцы и, пока тот с детской радостью разглядывал монеты, схватила Сашу, бросилась с ним в пролетку и скрылась. К великой гордости градоначальника Ф. Ф. Трепова,

полиция скоро разыскала и задержала похитительницу. Ею оказалась молодая вдовушка Елена Разамасцева. Коротая годы вдовства в сожительстве с писарем Гутманом, она прижила от него ребенка, коего без особых раздумий отдала в Воспитательный дом (что означало безвозвратный отказ от родительских прав). Оказалось, что поспешила: Гутман хотел сына. Опасаясь лишиться любви Гутмана, а главное, потерять материальную поддержку с его стороны, Разамасцева решила похитить чужого ребенка и выдать его за своего… Любопытно, что через несколько лет молодая, темпераментная красотка по фамилии Разамасцева была осуждена за кражи драгоценностей, совершенных при весьма пикантных обстоятельствах в доме военного министра Д. Н. Милютина и во дворце великого князя Константина Николаевича. Правда, ту Разамасцеву звали Ольгой. Но имена Ольга и Елена могут быть тождественны (св. княгиня Ольга – в крещении Елена), и весьма вероятно, что дерзкая воровка и похитительница детей с Песков – одно и то же лицо (об этом см. в ч. II, гл. «Очаровательные мошенницы»).

Преступление из разряда трагедий с социальным подтекстом было совершено 23 марта 1876 года в доме на углу Калашниковского проспекта (ныне пр. Бакунина) и 2-й Рождественской улицы. Крестьянин Сергей Александров явился к своей жене Ольге Кирилловой, с которой уже давно жил врозь, попрощаться навсегда: он якобы уезжает в деревню. Ольга усадила его, жалеючи, за стол: бывший супруг был оборван и голоден, выглядел несчастно-решительным; от него сильно пахло нищетой и запоем. Стали обедать, в какой-то момент Сергей схватил нож и нанес удар жене в грудь. От ранения Ольга скончалась через несколько минут. Известный журналист того времени Владимир Михневич приводит грустные подробности беспросветной жизни Кирилловой: муж – забулдыга и пьяница, все пропивал, поколачивал жену, изменял ей направо и налево; ценой неимоверных усилий Ольге удалось добиться права на раздельное жительство; чтобы прокормить себя, ребенка и старуху-мать, она пошла работать на табачную фабрику. Жизнь стала налаживаться – и вот… На следствии и суде Александров признал свою вину, но вел себя грубо, обвинял убитую в распутстве (все соседи дружно засвидетельствовали, что она вела целомудренную жизнь) и ни в чем не раскаялся. Суд, состоявшийся в июне того же года, вынес ему суровый приговор: 20 лет каторги. И поделом!

Опасные островитяне

Васильевский остров всегда считался местом особым, своего рода тридевятым царством Северной столицы. Отделенный Невой от динамичного центра и от простонародной Петербургской стороны, он с давних времен привык жить своей обособленной жизнью. Места богатству и роскоши на его проспектах и линиях оставалось мало; здесь не шумели ночные кафешантаны, не блистали огромными венецианскими окнами дворцы вельмож, не съезжались экипажи к театральным подъездам, князья Рюриковичи не проигрывали состояния за зелеными столами великосветских клубов и игорных домов. Здесь все было – средне. Здесь жили средние обыватели столицы, такие же, как на Песках или в Коломне, но чуточку солиднее, молчаливее и экзотичнее. Немцы-ремесленники, шведы-шкиперы, торговцы-армяне, французы-парикмахеры и кондитеры… Память об их пребывании на острове – лютеранская кирха в начале Большого, реформатская (гугенотская) церковь на углу Среднего и 3-й линии, Гаванский городок с его прянично-немецкой архитектурой, лютеранское кладбище, армянское кладбище. Ну конечно, православный русский люд – моряки, унтера, обер-офицеры, средней руки купцы, чиновники, просто мелкие домовладельцы и домовладелицы – составлял большинство островного населения. Средний класс.

Интересно, что, по данным полицейской статистики второй половины XIX века, Васильевская часть тоже именно средняя. По основным криминальным показателям она находится ровно посредине между чопорной Адмиралтейской и разгульной Спасской частями. За период с 1869 по 1874 год, например, здесь было зарегистрировано тяжких преступлений (убийств, грабежей, поджогов и пр.) – 188 (в Спасской части – 691, в Адмиралтейской – 112); по этим же делам задержано преступников – 486 (Спасская и Адмиралтейская соответственно 1657 и 142), что дает одного опасного преступника на 136 жителей (в Спасской – один на 52, в Адмиралтейской – один на 295). То же и по числу убийств: за 10 лет (1868–1877) на Васильевском острове совершилось ровнехонько 10 кровавых злодеяний со смертельным исходом (в Спасской – 17, в благочестивой Александро-Невской – 5).

И тем не менее – бывало всякое. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» от 29 апреля 1866 года в разделе происшествий, например, читаем: «В Двадцать пятой линии Васильевского острова, на чердаке флигеля в доме Лавровой обнаружен высохший труп самоубийцы, лет сорока от роду,

повесившегося, видимо, с прошлой осени». Что это был за несчастный, на каких основаниях полиция признала его самоубийцей и как так получилось, что за всю зиму никто его не хватился – на все эти вопросы ответа нет. Полицейские власти сочли за благо замять дело.

Не удалось замять другой случай. 31 мая 1884 года от пристани у Стрелки Васильевского острова отплыла прогулочная лодка-ялик; в лодке двое: штабс-капитан Имшенецкий и его беременная жена Мария. День был пасмурный, но без дождя и ветра: самая подходящая погода для водных прогулок. Имшенецкие, весело болтая, проплыли по Малой Неве, за Тучковым мостом свернули в тихую Ждановку. Вскоре тень их лодочки уже качалась у берега Крестовского острова… И вдруг… Прогуливающиеся у Петровского моста граждане услышали крики, увидели отчаянно раскачивающуюся лодку и одного человека в ней. Это был Имшенецкий. Чьи-то лодки кинулись к нему, отбуксировали к берегу. Имшенецкий бормотал что-то бессвязное, из чего следовало, что его жена упала за борт и утонула. Вскоре ниже по течению выловили ее шляпку. А несколько часов спустя прибывшая полиция извлекла из воды труп несчастной.

Имшенецкий утверждал, что произошла трагическая случайность; что его жена, пересаживаясь, упала за борт; что он пытался спасти ее, но не смог… Во всем этом было два подозрительных обстоятельства. Первое: за несколько дней до трагедии покойница составила завещание и доверенность, в которых передавала все имущественные права мужу. И второе: обнаружилась переписка Имшенецкого с другой женщиной, которой он признавался в любви и жаловался на тяжкую жизнь с постылой супругой. Началось следствие, дело было передано в суд. Имшенецкий был обвинен в преднамеренном убийстве своей жены посредством утопления. Впрочем, обвинение так и не смогло собрать достаточное количество веских доказательств его вины; блистательному адвокату Н. П. Карабчевскому не стоило большого труда убедить судей Петербургского военно-окружного суда в несостоятельности обвинения. Штабс-капитана признали виновным в неосторожности, и он отделался тремя неделями гауптвахты и церковным покаянием.

Виновен или невиновен был Имшенецкий на самом деле – мы не узнаем никогда. Известно, однако, что за неполный год жития в браке он изменял жене направо и налево. Так что среди добропорядочных «островитян» попадались личности бедовые. Вот один василеостровский немец, ювелир, человек в летах и небедный, завел себе подругу жизни на двадцать лет моложе себя.

Вступать с ней в брак он не собирался, но в знак «вечной любви» предоставил ей, как пишут в полицейском отчете, «право надевать на себя все драгоценные вещи, какие находились в его магазине». Свидетели показывали впоследствии, что молоденькая немочка носила на пальцах по пятнадцати золотых колец и даже подметала и стряпала ручками в бриллиантовых браслетах. Так в один прекрасный день (вернее, ночь) она и скрылась из дома своего «альте либе» – и вместе с ней в неизвестном направлении исчезли несколько десятков драгоценных колец, брошек и браслетов. Немец вначале благородно терпел, но, когда узнал, что она еще набралась наглости и вышла замуж, подал на бывшую содержанку в суд.

Но эта история – из разряда забавно-безобидных. Читая «всеподданнейший отчет» градоначальника Трепова за 1873 год, государь император Александр Николаевич мог обратить высочайшее внимание на куда более серьезное происшествие, случившееся на острове через день после светлого праздника Богоявления, 8 января. Некто неизвестный вошел в квартиру купеческой дочери Елизаветы Собакиной, в 15-й линии Васильевского острова, под предлогом вручения письма. Елизавета взяла письмо, стала его читать, а непрошеный почтальон тем временем схватил лежавший на полке в прихожей молоток и с размаху ударил хозяйку по голове, потом еще и еще. Собакина упала, обливаясь кровью, но, к счастью, нашла в себе силы закричать. Преступник перепугался и ударился в бегство. На вопли купеческой дочери сбежались соседи. Послали за полицией. В ходе дознания сыщики заподозрили в соучастии бывшую служанку Собакиной Пелагею Иванову. Ее отыскали; припертая к стенке, она созналась, что давно лелеяла мысль ограбить хозяйку. С этой целью она подговорила своего любовника (носившего, при своем крестьянском происхождении, звучную фамилию Пожарский) вышеописанным образом напасть на несчастную Елизавету.

Тут дело закончилось относительно благополучно. А вот другой – мрачно-трагический случай, наглядно демонстрирующий, какие опасные страсти таились порой под среднестатистической наружностью «островитян».

В 1870-х годах в одной из линий Васильевского острова ютилась неприметная табачная лавочка. Владелец ее, отставной губернский секретарь, когда-то выгнанный со службы за пьянство, отнюдь не принадлежал к богачам и еле-еле сводил концы с концами. А богатства ему хотелось. Бог знает какие бури кипели в груди неудачливого чиновника XII класса; он пытался даже найти успокоение в монастыре, но не выдержал строгости

монастырского устава и, на беду свою и своей будущей жертвы, вернулся к лавочке, приносившей уныло-ничтожный доход.

Забегал в лавчонку соседский мальчишка, с которым пьяница-чиновник отводил душу в разговорах. Как-то раз, хвастаясь «боевым» прошлым, табачник показал бог весть как сохранившийся у него револьвер. Юнец тут же захотел его приобрести.

– О, это дорого стоит! Пятьдесят рублей! – воскликнул владелец.

– А у меня есть! У меня, дяденька, гораздо больше есть! – радостно запищал мальчишка. И, к трепетному изумлению старика, вытащил из-за пазухи толстую пачку денег – рублей, по виду, пятьсот.

Оказалось, что молодой, да ранний парнишка стащил эти деньги у своей воспитательницы, состоятельной купчихи. Тут-то бес и овладел табачником. Поначалу он вознамерился незаметно украсть их у мальчишки и, имея эту цель в примете, повел его по магазинам якобы покупать револьвер. Но как-то уж не получилось у старого чиновника вытащить заветную пачку из мальчикова кармана. Они вернулись домой. Отделаться от желания овладеть деньгами старик уже не мог. Он заманил мальчишку в сарай, там попытался силой отнять деньги. Мальчишка сопротивлялся… Что и как случилось потом, не знает никто. Адвокат доказывал потом на суде, что губернский секретарь действовал прямо-таки в каком-то беспамятстве. На другой день, когда пропавшего мальчика хватились, полиция обнаружила его останки в сарае, в ящике, изрубленные, по словам очевидца, в куски, как говядина.

Проспект терпимости

Есть такой роман – «В петербургском омуте», творение забытого ныне писателя и журналиста второй половины XIX века Владимира Михневича. На первых его страницах герой, провинциальный дворянин Балабанов, приехав в Петербург, останавливается в огромной и хмурой, под стать городу, «Знаменской» гостинице (на ее месте теперь стоит столь же хмурая гостиница «Октябрьская»). «Оставшись один, он не торопясь налил себе стакан жиденького чаю и, случайно взглянув в окно, как бы застыл от очарования. <…> Окно номерка Балабанова в четвертом этаже выходило как раз насупротив Невского проспекта, так что с его высоты можно было видеть à vol d'oiseau на всем протяжении эту главную артерию петербургской деловитости и шалопайства, петербургской суеты и разврата. <…> Закатывающееся солнце пурпурными пятнами рдело на верхушках громадных домов левой стороны улицы и сверкало вдали яркой звездой на золотом шпиле Адмиралтейства. В глубине проспекта стоял вечерний синий туман, пронизываемый то там, то здесь угасающими прядями солнечного света; попадающие в фокус этих прядей экипажи и толпы прохожих на мгновение казались точно золотыми и, мелькнув сияющим призраком, исчезали потом в сетке тумана. Глубокая, бесконечная впадина улицы, с мелькающими в ее дымчатой синеве тенями людей и экипажей, с этими движущимися блестками солнечного отсвета, с этим неустанным гулом и рокотом, казалась с высоты каким-то исполинским змеем, мерно извивающимся в своем тесном ложе вороненой чешуею».

Михневич, тридцать лет проработавший репортером столичных газет, имел все основания для того, чтобы назвать Невский проспект «артерией суеты и разврата». Эта великолепная парадная перспектива в те времена (впрочем, как и сейчас) за строгостью мостовых и фасадов, блеском вывесок и витрин дорогих магазинов, важными физиономиями банковских швейцаров, респектабельным видом посетителей дорогих ресторанов скрывала все пороки политической и криминальной столицы империи. Ни одна другая улица города, наверное, не упоминалась так часто в полицейских отчетах того времени; нигде (кроме разве что одиозной Сенной площади и ее округи) не совершалось такого количества разнообразнейших преступлений – от карманных краж и мелкого хулиганства до миллионных растрат и громких убийств.

В садике у памятника Екатерине II тайно встречались для

обделывания шантажных афер фигуранты «дела Седковой». Неподалеку от Троицкой улицы (ул. Рубинштейна) жил мрачный гений преступного мира однорукий отставной офицер Левицкий; поблизости от него подрабатывал подделкой ценных бумаг участник шайки Левицкого чахоточный художник Ярошевич со своей преданной подругой девицей Шебалиной. Чуть дальше в сторону Николаевского вокзала в помещении ссудной кассы Мироновича совершилось, говоря шекспировскими словами, «ужасное и жалкое убийство» тринадцатилетней Сарры Беккер. На противоположной стороне Невского, в доме № 94, обитала мадам Ковальчукова, соучастница в убийстве собственного мужа. В респектабельной и дорогой гостинице «Бель-вю», что на углу Большой Морской, при драматичных и загадочных обстоятельствах была смертельно ранена жена знаменитого журналиста и издателя Суворина. В залы Благородного собрания (Невский пр., 15) захаживал почтенный надворный советник Фон-Зон. От дверей Публичной библиотеки в сторону Конюшенной улицы топал долговязый немец доктор Пихлер, прячущий под широким непромокаемым плащом украденные из библиотеки книги. Да что там, все герои, все злодеи преступного Петербурга, все их жертвы бродили по похожим на паркет торцовым мостовым Невского, заглядывали в магазины и лавки Филиппова и Одинцовой, Лизере и Сан-Галли, пили кофе у «Доминика» или вино в погребке Фохтса, сиживали в «кабинетах» ресторана Палкина, игрывали на бильярде в общем зале гостиницы «Москва», а бывало, удалялись с дамами в ее непрезентабельные номера… В общем, куролесили на Невском.

Маленькая выборка эпизодов из полицейских отчетов и газетной хроники происшествий.

На углу Литейного достопочтенный господин Зак подвергся нападению со стороны двух женщин легкого поведения и мужчины, бывшего с ними. Отбиваясь тростью, нанес нападавшим телесные повреждения, за что доставлен в камеру мирового судьи; осужден на пять суток ареста… Подвыпивший провизор (приличный ведь человек!) прямо на Аничковом мосту, под конями, пристал к какой-то порядочной женщине с требованием предъявить «желтый билет». В ответ на возмущенный отказ ударил даму коленом под зад и кулаком в ухо. На крики сбежались прохожие, явился городовой; разбуянившийся аптекарь был доставлен в участок… У самых дверей ресторана «Новый Палкин» проститутка избила зонтиком скромно одетого гражданина за то, что тот отказался воспользоваться ее услугами; а подле Знаменской церкви (ныне на ее месте стоит павильон метро «Площадь Восстания») – обратная ситуация: молодой

служащий, телеграфист, не смущаясь святостью места, стал грязно преследовать молоденькую девушку; когда же та позвала на помощь – набросился на нее и прокусил ей руку… Студент подрался с проституткой в кафешантане «Кристалл-Палас»… Беглый арестант Григорьев проник в лавку часовых дел мастера Ивана Глазунова на Невском, неподалеку от лавры; убил малолетнего ученика хозяина, похитил ценности и скрылся; отыскан полицией и предан суду… Это и многое другое совершалось на протяжении великолепной перспективы, открывшейся взору постояльца «Знаменской» гостиницы.

Если бы мы начали двигаться по Невскому в противоположном направлении, навстречу взору Балабанова, от Адмиралтейства, то и ста шагов не прошли бы, не столкнувшись с «суетой и развратом» Петрополя. В самом начале Невского, на углу Малой Морской, находился доходный дом генерала Максимовича. На его счет Михневич однажды высказался так: «Ни один добрый семьянин ни за что не сознается жене, что у него есть знакомства в доме Максимовича». Почему? – спросим мы. Потому что весь этот дом был занят борделями, большими и маленькими, дорогими и дешевыми. Население дома составляли проститутки, сутенеры, «мадамы» и тому подобный «почтенный» люд. Где проституция – там и преступление. Дом Максимовича прославился тем, что в некоторых его «квартирах терпимости» орудовала шайка: тихонько вытаскивали бумажники, кошельки и часы из карманов сброшенных одежд сладострастных клиентов, пока те были без памяти «заняты» барышнями. Промысел долго процветал, ибо клиенты стеснялись жаловаться в полицию; в конце концов нашелся один не робкого десятка капитан, не побоявшийся служебного и семейного скандала; дело раскрутилось, и некоторые участники шайки были-таки арестованы.

Местоположение дома Максимовича примечательно: буквально в трех минутах ходьбы от него, на углу Гороховой и Адмиралтейского проспекта, располагалось градоначальство, штаб-квартира сил охраны законности и порядка. Впрочем, соседство твердынь власти и островов криминала не удивляло тогда никого в Петербурге, как не удивляет и сейчас. Точнее сказать, твердыни власти в этом городе оставались и остаются затопляемыми островами посреди криминального моря.

В этом отношении показательно происшедшее на углу Невского и Малой Садовой улицы. Дом, находившийся на месте нынешнего Елисеевского магазина, принадлежал графине Менгден. В расположенном неподалеку здании на Малой Садовой располагалось Министерство юстиции; в одном из его углов

находился рабочий кабинет прокурора Петербургского окружного суда. В конце 1880 года в нижнем этаже дома Менгден снял лавку молодой купец Кобозев; он завел там сырную торговлю. Нельзя сказать, чтобы торговлишка приносила Кобозеву доход; зато каждую ночь с черного хода из подвала кобозевской лавки несколько работников выносили корзины с чем-то, грузили на телегу и увозили за город и там, подальше от посторонних глаз, содержимое выбрасывали. Ничего страшного, содержимое оказывалось просто землей… Лишь в марте 1881 года, уже после того как на Екатерининском канале прогремел взрыв, смертельно ранивший императора Александра II и его убийцу Гриневицкого, выяснилось, что из лавки лже-Кобозева (который оказался членом исполнительного комитета «Народной воли» по фамилии Фроленко) прямо под Малую Садовую улицу был сделан подкоп, в который соратники Гриневицкого собирались заложить мощнейшее взрывное устройство. Ход рыли прямо под фундаментом здания Министерства юстиции; при этом повредили канализационную трубу, и нечистоты из прокурорского кабинета хлынули на головы революционерам. Впрочем, они отмылись – и продолжили работу. А «кобозевские сыры» потом долго вспоминали в Петербурге.

От великого до смешного один шаг, и шаг этот сам собой делается на Невском. В несохранившемся доме, на месте которого стоит теперь дом № 64, разыгралась трагедия прямо-таки в стиле готических романов. Говорили, что на камнях у порога этого дома много лет видно было темно-кровавое пятно… У одной почтенной бездетной особы была любимая воспитанница. По достижении совершеннолетия она познакомилась с прекрасным молодым человеком и влюбилась в него. Дело клонилось к свадьбе. Беда, однако, заключалась в том, что приемная мать ее тоже влюбилась в юношу со всем пылом пятидесятилетней Федры. После множества терзаний благородная дама решила не мешать счастью молодых. Был назначен день свадьбы; после венчания молодожены и гости отправились в дом невесты, сели за стол. Пока произносили здравицы, приемная мать потихонечку выскользнула на улицу, добрела до дома на углу Невского и Караванной, вошла в подъезд, поднялась на верхний этаж и бросилась оттуда, из окна лестничной площадки, вниз, на камни мостовой. На месте ее гибели в пористом известняке и образовалось несмываемое пятно. Потом стали ходить слухи о призраке самоубийцы, виденном на исходе белых ночей на неосвещенной лестнице рокового дома. Жильцы стали разъезжаться, домохозяин терпел убытки. В конце концов решено было сломать дом и построить на его месте новый.

Рядом с местом действия этой мрачно-романтической пиесы буквально накануне начала глобальной трагедии Мировой войны был разыгран комический фарс на криминальной подкладке. В июне 1914 года в один из дорогих ювелирных магазинов на Невском вошла богато одетая молодая дама. Осмотрев украшения, она выбрала одно: бриллиантовое колье стоимостью 75 тысяч рублей.

– Ах, – обратилась она к хозяину магазина, – как мне нравится эта вещь! Но я должна показать ее мужу. – И конфиденциальным тоном: – Мой муж – профессор Бехтерев.

– Сам профессор Бехтерев! Знаменитый психиатр! – воскликнул хозяин. – В чем же дело? Мой приказчик поедет с вами, и, если ваш муж одобрит покупку, вы сразу же и расплатитесь.

Дама положила колье в сумочку и в сопровождении приказчика отправилась на квартиру Бехтерева, что на углу Невского и Надеждинской. Профессор вел прием. Дама, извинившись перед посетителями, проскользнула в кабинет и через несколько минут вышла, поманила приказчика гантированной ручкой: супруг ждет его. Приказчик вошел. Бехтерев принял его очень любезно:

– Как же, как же, прекрасное колье… Знаю, знаю-с, семьдесят пять тысяч… А вообще, как вы себя чувствуете? Хорошо ли спите? Не страдаете ли головными болями?

Лишь через четверть часа профессор и приказчик поняли, что стали жертвами мошенницы: профессору она объявила, что ее несчастный муж, ожидающий приема за дверью, страдает манией получения денег за какое-то бриллиантовое колье. Так прекрасная обманщица замкнула обоих своих «мужей» друг на друга и скрылась с добычей. Отыскать ее не удалось.

В двух шагах от Невского

Главный контраст Петербурга – контраст между блеском фасада и грязью изнанки. Наверное, нигде лицевая и оборотная стороны великого города не спорят друг с другом так неожиданно и парадоксально, как вокруг Невского проспекта. Свернув с шумной парадной перспективы, озаряемой золотом адмиралтейского шпиля, мы можем через сотню шагов оказаться и у ворот роскошного охраняемого особняка, и в заплеванном закоулке, где оборванные бомжи роются в веками не убираемой помойке. Так обстоит дело сейчас, так было и столетие назад. Зато характер криминальных событий, происходивших время от времени в окрестностях главной магистрали столицы, вполне соответствовал тому противоречивому сочетанию благообразия и порока, аристократизма и нищеты, которое отчетливо запечатлелось на физиономии всей центральной части Петрова града.

Вот, к примеру, нашумевшая в свое время история, декорацией которой стала Михайловская площадь, аристократическое, респектабельное место Петербурга. В 1874 году до судебных властей дошли сведения о том, что в самом центре города, в доме Абамелек на Михайловской площади, функционирует тайное игорное заведение, владельцем которого является гвардии штабс-ротмистр Колемин. Там собиралось изысканное светское общество, игра шла в карты и рулетку, проигрывались крупные суммы. Азартные игры были запрещены законом (хотя, конечно, на запрет этот привыкли смотреть сквозь пальцы). Прокурор возбудил дело. Высокопоставленные клиенты и покровители Колемина (гвардейский офицер имел широчайшие связи в высшем свете) чинили следствию всевозможные препятствия, но прокурор был настойчив и неумолим. О тайной деятельности Колемина он сообщил военному министру Д. Н. Милютину, тот доложил государю. Колемин немедленно был уволен из гвардии, а его дело приобрело показательный характер.

Колемина судили, признали виновным, приговорили к штрафу в 2 тысячи рублей; добытые им посредством преступления деньги были конфискованы. Обыватели радовались: осужден аристократ, человек высшего круга, блестящий и многообещающий гвардейский офицер. Довольны были и юристы: чуть ли не впервые доказано обвинение по такому трудному составу, как организация азартных игр. Впрочем, стоило ли радоваться? В двух шагах от дома Абамелек, на углу Михайловской и Итальянской, где в те годы располагался

аристократический Английский клуб, шла куда более крупная игра, чем в «притоне» Колемина: там выигрывали и проигрывали денежки такие игроки, как поэт Некрасов, граф Адлерберг, светские львы Абаза и Сабуров или богач Демидов, купивший себе княжество в Италии и прозывавшийся поэтому «князь Сан-Донато».

Если мы пройдем по Невскому подальше от аристократического центра и свернем на улицу Рубинштейна, бывшую Троицкую, то из Петербурга князей, графов и гвардейских офицеров попадем в куда более демократичный район ремесленников, лавочников, сидельцев, приказчиков – словом, обывателей. Разнообразные преступления совершались и здесь, только антураж их был иной.

К примеру, в 1870 году на углу Троицкой улицы и Графского переулка произошло жестокое убийство. В питейном заведении купца Бояринова был обнаружен труп молодого сидельца Иванова с проломленным черепом. Шум поднял мальчишка, служивший в той же лавке и тоже пострадавший: преступник оглушил его ударом медного песта по голове. К счастью, юнец оказался хитер и сумел притвориться мертвым; он дождался, пока злодей, обобрав лавку, скроется, а потом, весь в крови, выбрался на улицу и стал звать на помощь. В расследовании дела принимал участие начальник сыскной полиции Петербурга И. Д. Путилин. Ему удалось не только найти предполагаемого убийцу – некоего мещанина Багрова – и опровергнуть заготовленное тем алиби, но и добиться от него признания. «Сидя на извозчике и мирно беседуя (с подозреваемым. – *А. И.-Г.*) Путилин внезапно сказал: „А ведь мальчишка-то жив!“ – „Неужто жив?“ – не отдавая себе отчета, воскликнул Багров, утверждавший, что никакого Бояринова знать не знает, – и сознался». Так, в духе модных тогда романов Габорио про сыщика Лекока, описывает эту сцену А. Ф. Кони. Суд приговорил Багрова к 15 годам каторги.

Совсем другого рода криминальные сюжеты вспоминаются, если от Невского идти в противоположном направлении – по Знаменской улице (ныне ул. Восстания). Еще в советское время (в 1930-х годах) на углу Восстания и тишайшего Озерного переулка стоял большой деревянный дом. Когда-то он принадлежал основателю секты скопцов, «батюшке-искупителю» Селиванову, которого адепты секты считали новым воплощением Христа. В этом «святом» доме, иносказательно именуемом «кораблем», они собирались на свои «радения»; говорят, что их тайно посещал сектантствующий император Александр I.

Не без его высочайшего покровительства эта изуверская секта, отрасль хлыстовства, широко распространилась в

мещанско-купеческой среде Москвы и Петербурга. Одним из главных элементов учения секты было категорическое отрицание половой жизни. В существовании половых различий скопцы видели главный источник зла в мире, а в преодолении их – единственный путь к спасению. Отсюда – практика физического оскопления. Оскопление называлось «убелением», «наложением печати Христовой» («малая печать» – отсечение тестикул, «большая печать» – полное оскопление) и считалось важнейшим делом веры и необходимым условием праведного жития. При этом сектантам не возбранялось заниматься торговлей, ростовщичеством и всякими обманными действиями по отношению к «мирским», то есть не скопцам. Поэтому среди скопцов было немало ростовщиков, менял, вообще преуспевающих и даже очень богатых предпринимателей.

В конце концов власти оказались вынуждены принимать против сектантов меры. Тем более что скопцы практиковали не только добровольные, но и насильственные оскопления своих родственников и знакомых. Крупные процессы против скопцов прошумели в 1870-х годах в Москве и Петербурге. Самым знаменитым было дело моршанского купца Максима Плотицына, в 1860-х годах признанного лидера секты. Плотицын был сказочно богат: в его доме было обнаружено и изъято денег, золота и драгоценностей на сумму свыше 10 миллионов рублей. Любопытно: при медицинском освидетельствовании выяснилось, что вождь скопцов сам отнюдь не был оскоплен. Плотицын и с ним 27 человек были осуждены в 1869 году за принадлежность к не дозволенной законом изуверской ереси.

Середина XIX века стала временем наибольшего распространения в России религиозных сект. Во второй половине века куда популярнее становятся другого рода секты – подпольные революционные организации. Одна уголовная драма, связанная с деятельностью революционеров, разыгралась в двух шагах от Невского, в доме № 8 по Гончарной улице. Речь идет об убийстве народовольцами жандармского подполковника Г. П. Судейкина.

Об этом деле написано много, и все же существенные его подробности и мотивы остаются неясными до сих пор. Известно, что Судейкин участвовал в раскрытии террористической организации народовольцев в Киеве, за что был переведен с повышением в Петербург. Он установил контакт с офицером Дегаевым, вступившим в «Народную волю» и ставшим одним из активнейших ее участников. После убийства Александра II, казни одних его организаторов и арестов других народовольческое подполье переживало кризис. Активность Дегаева пришлась

кстати, с ним уцелевшие террористы связывали надежду на возрождение своей организации. И вдруг в 1882 году – серия провалов и арестов. У революционеров появилась информация о причастности Дегаева к этим провалам. Ему грозила смерть. Тогда он пообещал искупить свою вину, организовав убийство Судейкина. Такова общепринятая версия событий.

Неясностей тут много. Причем невозможно понять, на чьей стороне играли оба главных действующих лица – убийца и жертва. И кто, собственно, жертва? Известно, что Судейкин завербовал Дегаева и что Дегаев выдал Судейкину нескольких товарищей по революционной борьбе. С другой стороны, известно, что Судейкин при помощи Дегаева собирался (или говорил, что собирался?) организовать важные теракты: убийства министра внутренних дел Д. И. Толстого и великого князя Владимира Александровича, брата государя. Кто тут работал на революцию, а кто играл на стороне правительства, определить сложно. Клубок провокаций.

Так или иначе, Дегаев выдал Судейкина народовольцам. Под предлогом секретной встречи с целью организации вышеназванных покушений он заманил Судейкина на конспиративную квартиру в доме на Гончарной улице. Оттуда он уже не вышел. Двое народовольцев, Конашевич и Стародворский, поджидали его. Чтобы избежать лишнего шума, один из них ударил подполковника сзади ломом по голове. Судейкин упал. Его добили ломами.

Исполнители убийства были выслежены через несколько лет и посажены в крепость. За голову Дегаева назначили награду – 10 тысяч рублей. Но он, несмотря на все опасности, благополучно добрался до Америки. Там, забыв о революционной деятельности, занялся точными науками и принял назидательную кончину в 1920 году как мистер А. Пэлл, профессор математики.

Post scriptum
Его высочество Искандер

В Ташкенте привыкли к этому высокому горбоносому старику с надменным и беспокойным взглядом. Старик держался неестественно прямо и одевался неестественно тщательно для жителя столицы Туркестанского края. Его аристократически-удлиненное лицо высилось над развернутыми по-кавалергардски плечами, спина была пряма, и лишь в последние годы наблюдательные ташкентские обыватели стали замечать едва наметившуюся сутулость: как будто этот хребет устал носить эту тяжкую голову. Старик вел жизнь размеренную и замкнутую, его особняк-замок утопал в зелени чинар и тутовых деревьев, из сени которых по вечерам выдвигалась темная прямая фигура: старик шел на прогулку. Костюм-тройка, безукоризненный воротничок, шляпа, трость… В городе его знали под фамилией Искандер; и все знали также, что это – псевдоним. Настоящую фамилию называли шепотом и как бы оглядываясь по сторонам.

Настоящая фамилия старика была – Романов. Николай Константинович Романов. Внук императора Николая I.

Шепотом говорили ташкентские обыватели о его чудачествах, о его щедрости и вспышках необузданной ярости, о его былых любовных эскападах. О том, какие сказочные средства он вложил в строительство оросительного канала в пустыне и в разведение неведомого растения – хлопка. О том, как однажды за 100 рублей купил у семиреченского казака Часовитина его дочь Дарью, выстроил для нее дом в пригороде Ташкента и стал жить с ней – от живой жены – как с наложницей. О том, как в пятьдесят с лишним лет увлекся пятнадцатилетней гимназисткой Варенькой Хмельницкой, увез ее и тайно обвенчался с ней; и как этот брак был расторгнут особым решением Синода по воле самого государя…

Особенно таинственно говорили о давней истории, переломившей жизнь царского внука, лишившей его титула и права называться собственным именем. Одни видели в ней следы политического заговора; другие намекали на любовную интригу, в которой соперником ташкентского изгнанника оказался чуть ли не наследник престола и будущий император Александр Миротворец; третьи слышали что-то про похищение какой-то семейной драгоценности. Толком ни о горбоносом старике, ни о причинах его опалы в Ташкенте никто не знал. Впрочем, как и во всей России.

Преступник или жертва?

Жизнь нашего героя начиналась, как писали древние, при самых благоприятных предзнаменованиях. Старший сын великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны, урожденной принцессы Саксен-Альтенбургской, он приходился племянником императору Александру II. Как первенец, он был наследником огромных имений своего отца; как член императорской семьи, он получил прекрасное образование и воспитание. Правда, продолжить дело отца, генерал-адмирала и морского министра, Николай Константинович не смог – морская болезнь. Он поступил в Академию Генерального штаба, успешно ее окончил, был принят на службу в лейб-гвардии Конный полк. Красивый, высокий, стройный конногвардеец был истинным украшением придворных и великосветских балов. Впрочем, к увеселениям света он относился равнодушно и предпочитал проводить свободное время в своем дворце на Гагаринской улице, среди картин и скульптур, страстным коллекционером которых являлся. Другими излюбленными местами его пребывания были две родительские усадьбы – Мраморный дворец в Петербурге и загородный Стрельнинский дворец.

Всё в его жизни шло прекрасно. И вдруг…

В апреле 1874 года по Петербургу поползли слухи: в Мраморном дворце – кража. И не просто кража: воры украли бриллианты с оклада фамильной иконы великокняжеской семьи. Через несколько дней потихоньку стали называть имя вора – Николай Константинович. Потом прошел еще один слух: молодой великий князь – сумасшедший, клептоман. Он перестал появляться в обществе, его имя исчезло из списков офицеров Конного полка и даже – беспрецедентный случай – из перечня членов императорской семьи. Он – пропал.

Что же произошло?

Из дневника военного министра Д. Н. Милютина: «Государь рассказал мне все, как было; подробности эти возмутительны. Оказывается, что Николай Константинович после разных грязных проделок, продолжавшихся уже несколько лет, дошел наконец до того, что ободрал золотой оклад с образа у постели своей матери и похищал несколько раз мелкие вещи со стола императрицы… Всего хуже то, что он не только упорно отпирался от всех обвинений, но даже свалил вину на других, на состоящих при нем лиц».

Из дневника великого князя Константина Николаевича, отца Николая Константиновича.

«8 апреля… Саша наш (Александр II. – *А. И.-Г.*) рассказал про пропажу печатки из комнаты императрицы; что это второй раз в эту зиму и оба раза после семейных обедов. Какая мерзость».

«10 апреля. Утром Санни (Александра Иосифовна, жена К. Н. и мать Н. К. – *А. И.-Г.*) меня призвала к себе, чтобы показать, что на одной из наших свадебных икон отодрано и украдено бриллиантовое сияние и что с другой пробовали то же самое, но безуспешно и только отогнули… Просто ужас!»

О пропаже тут же было сообщено в полицию. Дело неслыханное: дерзкая кража из опочивальни великой княгини! Лично петербургский градоначальник генерал-адъютант Ф. Ф. Трепов взял расследование под свой контроль. 12 апреля он уже сообщал Константину Николаевичу, что бриллиантовые лучи с иконы обнаружены сыщиками в одном из петербургских ломбардов. Обратим внимание: 10-го утром была обнаружена кража, а 12-го днем похищенное уже найдено! Поразительно быстро! Тут же было выяснено, что бриллианты отнес в ломбард и заложил там блистательный молодой офицер в мундире капитана Конногвардейского полка. В нем без труда распознали Е. П. Варпаховского, служившего адъютантом при Николае Константиновиче и находившегося с ним в приятельских отношениях. Подозрения Трепова пали на адъютанта. 15 апреля утром Трепов в присутствии обоих великих князей, отца и сына, начал допрос Варпаховского. Варпаховский не приводил никаких аргументов в свое оправдание и только молился Богу и клялся в своей невиновности. Было видно, какое тяжкое и болезненное впечатление производил этот мучительный допрос на Николая Константиновича. В тот же день следствие было почему-то изъято из ведения полиции и передано в III Отделение; теперь допросы ведет шеф корпуса жандармов граф П. А. Шувалов, самый влиятельный человек в окружении Александра II (злые языки за спиной государя называли его Петр IV). Шувалов, отодвинув в сторону версию о виновности адъютанта, сразу же повернул расследование против молодого великого князя. Дальнейшие события прорисовываются сквозь строчки дневника Константина Николаевича.

«15 апреля… Страшная сцена допроса Николы Шуваловым и мною… Никакого раскаяния, никакого сознания, кроме когда уже отрицание невозможно и то пришлось вытаскивать жилу за жилой. Ожесточение и ни одной слезы. Заклинали всем, что у него еще осталось святым, облегчить предстоящую ему участь чистосердечным раскаянием и сознанием! Ничего не помогло!»

«16 апреля… У Николы ожесточение, фанфаронство, позирование и совершенная нераскаянность». Тут же рядом –

упоминание о „чистосердечных рассказах Варпаховского“ про то, как он по указанию великого князя закладывал вещи в ломбарде.

«18 апреля… Потом вопрос: что делать с Николой… После долгих колебаний решились сперва выждать, что скажет докторское освидетельствование, и, какой бы ни был его результат, объявить его для **публики** (подчеркнуто великим князем. – *А. И.-Г.*) больным душевным недугом и запереть его как такового и этим для публики и ограничиться… Но для самого Николы устроить заточение в виде строгого одиночного заключения с характером карательным и исправительным…» И далее: «Мое страшное положение таково, что я этот результат принужден принять с благодарностью».

«19 апреля… По окончании конференции (то есть консилиума врачей при участии членов императорской фамилии и сановников. – *А. И.-Г.*) сказал себе – слава Богу, потому как оно ни больно и ни тяжело, я могу быть отцом несчастного и сумасшедшего сына, но быть отцом преступника, публично ошельмованного, было бы невыносимо и сделало бы мое будущее состояние невозможным».

Странное впечатление производит этот дневник и весь ход расследования. Прежде всего поразительно, до какой степени отцу безразличен сын, его чувства, его личность, его судьба, даже его душевное здоровье! Великий князь Константин, либерал и покровитель тогдашних российских борцов за права человека, озабочен лишь собой: своим душевным спокойствием и политическим влиянием, своим образом в глазах «публики»; престижем – своим и своей семьи. Озабочен до ужаса, до бессонницы, до болезненных спазмов. Ради этого он готов объявить сына сумасшедшим, посадить его в одиночную камеру под надзор санитаров и врачей… И даже как бы не замечает, что вина сына вовсе не выглядит доказанной, что следствие ведется какими-то инквизиционными методами, в обход и помимо закона, с одной явной целью – утопить подозреваемого, уничтожить его.

Странна эта поразительная скорость, эта феноменальная успешность следствия. Приговор вынесен уже на десятый день после совершения преступления. Поразительна легкость обнаружения похищенного. Поразителен – что там говорить – сам факт и предмет похищения. Отломать кусок украшенного бриллиантами оклада фамильной свадебной иконы! И где? В спальне великой княгини, у самого ее ложа… Ведь, надо полагать, именно перед этой иконой каждый день совершала Александра Иосифовна свою утреннюю и вечернюю молитвы. Если бы преступник хотел, чтобы факт преступления был

обнаружен как можно скорее и как можно вернее, он не смог бы найти лучшего объекта. Далее: надо полагать, что в роскошном Мраморном дворце, принадлежавшем Константину Николаевичу, и в его не менее богатом Стрельнинском дворце было достаточно драгоценных предметов, исчезновение которых могло оставаться незамеченным неделями, а то и месяцами. Зачем же похищать то, что на самом виду, то, что дорого и священно для хозяев? (Тут уж, кстати, вспомним и пропажу печатки со стола императрицы Марии Александровны за два дня до драмы в Мраморном дворце: тоже украден предмет, которого должны хватиться в ближайшее время.) Зачем вообще похищать что-либо человеку, в чьем распоряжении были драгоценности, усадьбы, капиталы и 200 тысяч годового дохода?

Тут на сцену выводится еще одно – полускрытое – действующее лицо: прекрасная американка, некая Генриетта Блекфорд, она же Фанни Лир, обольстительница, путешественница, а впоследствии известная мемуаристка (ясное дело: ей было что вспомнить). С Николаем Константиновичем госпожа Блекфорд познакомилась за два года до кражи, весной 1872 года. А уже летом того же года двадцатидвухлетний «принц крови» и тридцатилетняя американская авантюристка путешествуют вдвоем по Германии и Италии. Их сопровождает лейб-медик С. Гауровиц – имя это встретится нам в скором времени. Великий князь увлечен американкой, он дарит ей дорогие подарки. Родители «принца» шокированы этой связью; дабы разрушить скандальный роман, они добиваются его назначения в армию генерала Кауфмана, осуществлявшую в 1873 году военный поход на Хиву. Отслужив под началом Кауфмана (тогда впервые состоялось знакомство Николая Константиновича со Средней Азией, где ему предстояло прожить большую часть жизни и умереть), великий князь возвращается в Петербург – и страсть к американке вспыхивает в нем с новой силой. Ради нее он готов идти на любые расходы; он дарит ей украшения и картины, он заказывает итальянскому скульптору Томазо Солари статую Венеры, в чертах лица и в обнаженном теле которой узнаваем образ Генриетты… А тем временем за влюбленными неотступно следят агенты жандармского управления. Ежедневно кто-нибудь из них записывает новые строки в отчет, который раз в неделю поступает на просмотр к графу Шувалову: «Американка Блекфорд возвратилась вчера вечером из Павловска на тройке с великим князем Николаем Константиновичем, и его высочество остался у нее ночевать; до сей минуты они еще спят» (раннее утро 13 июля 1873 года).

Вот, казалось бы, и ответ на вопрос – зачем. Обезумевший от

страсти юноша швыряет под ноги любимой женщины драгоценности, семейную святыню, честь рода, собственную будущность… Очень красиво и мелодраматично, и отчасти верно – великий князь, бесспорно, готов был отдать любые деньги ради благосклонности своей возлюбленной… И все же – почему икона? Зачем это стремление сделать все как можно более заметным и вызывающим образом? И это делает человек, которому любой кредитор в России почел бы за честь ссудить любую сумму на неопределенный срок? Несообразность происшедшего очевидна: объяснить сие можно только невероятной порочностью, испорченностью или даже душевной болезнью, манией… Или же придется признать, что преступление было совершено специально ради того, чтобы быть замеченным, чтобы породить скандал с тяжелыми для всех действующих лиц последствиями. Придется признать тогда, что мы имеем дело с провокацией… Но этого-то и не хотел, категорически не хотел признавать Константин Николаевич. Да и никто не хотел. Проще было объявить молодого великого князя наглым, порочным негодяем или душевнобольным.

Невозможно отделаться от мысли, что исход следствия был предрешен, да и решение было принято 15 апреля, в тот день, когда честный и добросовестный Трепов был волею государя отстранен от дела и на смену ему пришел властолюбивый интриган и прирожденный инквизитор Шувалов. Надо заметить, что по закону дела о кражах подлежали расследованию жандармами только в том случае, если они были совершены на железной дороге (и то совместно со следователями окружного суда). Во всех остальных случаях следствие вела полиция. Ясно, что смысл царского распоряжения заключался именно в замене одного следователя другим. И тут же Шувалов представляет – как будто из кармана достал – доказательства невиновности Варпаховского, свидетельства продолжающейся связи Николая Константиновича с американкой и, самое главное, сведения о только что переведенной на ее имя крупной сумме денег. И вот начинается «вытаскивание» из подозреваемого «жилы за жилой». И в ответ – «ожесточение и ни одной слезы».

Все участники драмы ведут себя неестественно, как будто что-то знают, но не хотят или не могут сказать. Варпаховский сначала молчит, молится и клянется в невиновности; потом, когда следствие переходит в руки Шувалова, почему-то сразу приступает к «чистосердечным признаниям». Зато теперь упорно молчит великий князь… А следователю и отцу почему-то так нужно его признание. И раскаяние. Именно нежелание признаться и покаяться выводит их из себя. При этом об уликах и

доказательствах вины речь почти не идет. И вот типично инквизиционный итог – медицинское освидетельствование и признание душевнобольным.

В освидетельствовании принимали участие трое врачей. Двое из них – известные на всю Россию специалисты, многократно участвовавшие в подобного рода судебно-медицинских процедурах: лейб-медик Н. Здекауер и «отец русской психиатрии» профессор И. Балинский. Третий – уже упомянутый Гауровиц; его имя и авторитет в медицинской среде не идут ни в какое сравнение с предыдущими двумя, но он – придворный врач Константина Николаевича и, как видно из его же собственного заключения по данному делу, своего рода домашний шпион, приставленный отцом к сыну. Выводы, к которым пришли те двое и этот третий, совершенно расходятся.

Балинский и Здекауер выполняют основной заказ и признают, что «вполне убеждены в невменяемости» Николая Константиновича. (Куда ж им деваться? Ведь в ином случае великий князь будет предан военному суду.) Но все, что пишут они дальше, прямо или косвенно противоречит этому диагнозу и даже направлено к оправданию обследуемого. Оба доктора «открыли в нем… столько же, если не больше, прекрасных качеств и стремлений, сколько дурных наклонностей». Они «не могут признать в нем глубокой испорченности». Тон их заключения очень своеобразен. «Причины этих нравственных противоречий» эксперты видят «в необузданности чувственных побуждений» (явный намек на роман и любовную связь; но это же косвенно и оправдание, потому что тем же грехом, и в куда большей мере, был грешен сам государь Александр Николаевич); «с другой стороны, в неясном сознании добра и зла, приличного и неприличного, даже правды и лжи». Спрашивается: где здесь патология? И где – преступные наклонности? Сколько вменяемых, дееспособных и добропорядочных людей на земле не всегда ясно отделяют добро от зла, приличное от неприличного, правду от лжи? Чем и как можно лечить подобную «невменяемость»?

Доктора дают ответ. Они рекомендуют «лечение нравственно-гигиеническое» (перемена обстановки, нравственные беседы) и врачебное (кумыс и обливание холодной водой). Совершенно ясно, что оба доктора просто стремятся освободить великого князя от наказания, потому что он вызывает у них симпатию и в его виновности они вовсе не убеждены. И тут же нечто очень важное сказано как бы мимоходом: рекомендовано прекратить любой надзор за великим князем, особенно со стороны жандармов.

Заключение Гауровица поражает полным несогласием с

мнением коллег и бьющей в глаза ненавистью к великому князю. «Преобладающей чертой его (Николая Константиновича. – *А. И.-Г.*) была безмерная скупость (очень правдоподобно, особенно на фоне его щедрости в полку, где только в 1872 году он потратил на нужды солдат 7 тысяч рублей собственных денег, его даров Фанни Лир и его коллекционерских увлечений. – *А. И.-Г.*), а также необузданная чувственность, удовлетворению которой он предавался без удержу». Не смущаясь мелкими противоречиями, Гауровиц через несколько строк упоминает о страсти великого князя к коллекционированию, причем тон его высказываний голословно-враждебен: князю нравились «не только предметы искусства, в которых он ничего не смыслил (а кто смыслил? Гауровиц? – *А. И.-Г.*), но вещи самые разнообразные, которые чем-либо привлекали его внимание в данный момент». Примешивая к этому страшному обвинению сплетни о том, что князь торговался с извозчиками и кельнерами во время поездки в Италию и что он «не стеснялся выражать желания получить в подарок тот или иной предмет», Гауровиц совершает научное открытие: «Эта мания собирания… очень часто сопровождается страшной скупостью, а следующей ступенью за этими пороками является воровство». Стало быть, все коллекционеры – скупцы, а все скупцы – воры?

Между прочим, в 1875 году госпожа Блекфорд, сыгравшая столь роковую роль в судьбе влюбленного «принца крови» и после этого благополучно уехавшая из России, написала и под именем Фанни Лир издала в Брюсселе книгу «Le roman d'une americaine en Russie. Accompagné des lettres originales» («Роман американки в России. С приложением подлинных писем»). Недурно! Всего через год! Американская оборотливость! Так вот, в своих воспоминаниях она полностью опровергает высказывания Гауровица о скупости Николая Константиновича. «Он забирал все, что присылали ему из магазинов, а потом разом продавал купленное для новых приобретений, не обращая внимания на убытки». Упоминает и о том, как он продал коллекцию очень дорогих золотых медалей, чтобы купить картину меньшей ценности, приписываемую кисти Дольчи. Да, в этих фактах трудно найти подтверждение теории Гауровица.

Но смысл заключения медика-соглядатая не в фактах и не в теориях, а в итоговых рекомендациях. Николая Константиновича необходимо изолировать от общества, поместить под строгий надзор в психиатрическую больницу, «где были бы приняты меры для его излечения». Сурово!

И опять невозможно отделаться от мысли, что все это неспроста, что оппонент Балинского и Здекауера прячет главный

смысл за словами, что он осуществляет чье-то страстное желание убрать Николая Константиновича с глаз долой, уничтожить его духовно (а буде удастся – и физически), надеть на него «железную маску»… Чье желание? Зачем?

К этому – еще вернемся. Мотивов можно предполагать много. Возможно, и даже очень вероятно, что свою роль сыграли обстоятельства политические, связанные с борьбой за влияние в окружении императора. Не исключено, что рвущийся к власти Шувалов наносил таким образом удар своему главному политическому сопернику – Константину Николаевичу: брал его сына в заложники! Возможны и личные мотивы. Особенно враждебно по отношению к Николаю Константиновичу среди его родни были настроены императрица Мария Александровна (она требовала предать племянника суду) и ее сын, цесаревич, будущий император Александр Александрович. Неприязнь между двоюродными братьями, причина которой нам неведома, существовала и раньше, сохранилась и впоследствии. Личное и политическое тесно переплетаются вокруг трона: отношения между императрицей и наследником, с одной стороны, и семейством великого князя Константина – с другой, были скрыто-враждебными; вокруг Константина группировались полуопальные либералы; сторонники жесткого курса делали ставку на Шувалова и цесаревича…

Несомненно в этой истории только то, что кража была и что Николая лишили свободы и объявили душевнобольным. К несомненному можно присовокупить весьма вероятное: первое – что он не был сумасшедшим; второе – что он не крал (но если не крал, значит кого-то выгораживал? Кого?). Во всяком случае, вся его жизнь до и после тех апрельских дней не дает оснований заподозрить его ни в криминальных наклонностях, ни в душевной патологии.

Другая жизнь

Все эти дни Николай содержался под домашним арестом в своем особняке на Гагаринской улице. Но вот решение «конференции» принято: он – официальный безумец и вор… И что дальше?

Государь задумался над этим вопросом надолго. Тем временем «безумца» вывезли за город – в имение Елизаветино; там содержали под стражей; лишь в декабре последовал указ государя, определивший его дальнейшую судьбу. (Какое-то дежавю российской истории: способ изоляции – как для Петра III; сроки вынесения приговора – как в деле Берии; степень законности – одинакова и там, и там.) В указе говорилось о «болезненном состоянии» великого князя и назначалась над ним опека в лице его отца. Это – на словах. На деле – ссылка и изоляция. Правда, ссылка «либеральная»: в имение отца, в Ореанду, в Крым. И изоляция не строгая, в чем сейчас убедимся. Но – надзор. Осуществлять надзор был назначен адъютант Константина Николаевича капитан 1-го ранга князь Э. А. Ухтомский. (Любопытно: его сын князь Э. Э. Ухтомский будет главным идеологом российской внешней политики на Дальнем Востоке как раз в годы расцвета среднеазиатской деятельности Искандера, и в этом соратником-соперником Ухтомского станет Абаза, родственник той, которая… см. ниже.) Отношения с Ухтомским не сложились. Зато сложился – неожиданно – новый бурный роман.

Тут – все увлекательно и все неясно. Новая возлюбленная Николая Константиновича – красавица Александра, в замужестве Демидова, урожденная Абаза. Где они познакомились? Скорее всего, еще в Петербурге: Демидова появлялась в свете, ее муж носил придворный чин камер-юнкера; значит, с Николаем Константиновичем они должны были встречаться. Брак Демидовых распался в те самые месяцы, когда решалась судьба великого князя. Что-то нешуточное произошло между супругами: молодая жена (ей был 21 год) обратилась с жалобой к самому государю; А. П. Демидов был сослан в Туркестанский край почти одновременно с высылкой Николая Константиновича в Ореанду. Александра тут же устремилась в Крым, и… уже весной великого князя по распоряжению императора переводят из Ореанды в село Смоленское Владимирской губернии, причем царь-освободитель требует от Ухтомского «строжайшего надзора за больным… и запрещения всякого случая попытки на независимость и свободу действий… коим последние похождения в Крыму служат

примером».

Началась странная погоня. Александра мчится в Москву, оттуда, тайно, в Смоленское; пытается свидеться с возлюбленным; пишет государю прошение (точнее, личное письмо), содержание коего – романтические заверения в бескорыстной любви к «высокому больному» и… И в этом же письме она признается в своей беременности от великого князя. (Между прочим, как быстро они сошлись, особенно если учесть режим изоляции «безумца». Не находились ли они в связи еще в Петербурге? А как же «безумная страсть» к Фанни Лир? А была ли эта страсть такой уж безумной? Может быть, роковая американка – карта из шуваловской колоды?) Реакция государя: Демидовой воспретить встречаться с великим князем, а его самого перевести в Умань. Демидова тайно едет на Украину, поселяется в Умани и тут же, в доме по соседству с местом заточения великого князя, производит на свет сына Николая.

Самое удивительное в этой истории – невероятно бурная, злобная реакция Ухтомского. В донесении государю он ядовито называет Демидову «сестрой милосердия», клеймит ее «хитросплетенные маневры», заявляет, что «имя ее любовников – легион», что, мол, «пускай она докажет, который из них виновник в произрастании сорной травы», и, наконец, доходит до утверждения, что «права ее не отличаются нисколько от тех, которые имеют желтые билеты». Интересно, чем вызван поток таких нерыцарственных оскорблений в адрес женщины из уст князя Рюриковича?

(Об этом Эспере Ухтомском ходили нелестные слухи. А. С. Суворин в дневнике под 1 мая 1900 года, ругая на все корки своего неприятеля, князя Эспера Есперовича Ухтомского-младшего, роняет мимоходом: «Его отец был у какого-то великого князя адъютантом и заставил его казначея уплатить сто или полтораста тысяч, сказав, что эту сумму велел великий князь уплатить. Это был самый бессовестный авантюрист». Имеет ли это позднее и неясное свидетельство о денежных передрягах в семействе великого князя Константина Николаевича какое-либо отношение к мнимому воровству Николая Константиновича? Не здесь ли кроется причина ненависти соглядатая к поднадзорному – истинного преступника к мнимому? Вопрос без ответа.)

Спасая «больного» от «сестры милосердия», государь приказывает перевести его из Умани. Но тут в судьбе великого князя наступает просвет. Возможно, это связано с тем, что еще год назад умер главный гонитель Николая, П. А. Шувалов, и его сторонники за год растеряли свое влияние. Так или иначе, Николая везут в отцовское имение Ореанду и, главное, убирают

от него ненавистного Ухтомского. Новый надзиратель, старик генерал-лейтенант К. Витковский, – человек добрый и терпимый.

Проходит полгода – и новое указание: ехать на жительство в село Тыврово Подольской губернии. Чем это вызвано? Очевидно, появлением в Крыму Демидовой. 22 сентября 1876 года Витковский сообщает государю уже из Тыврова замечательные новости. Оказывается, Александра Демидова не только прибыла сюда вслед за князем, но сумела пробраться в его жилые комнаты и провела десять счастливых дней с возлюбленным в его спальне, прячась от прислуги, охраны и от него, Витковского, в платяном шкафу. Оставим последнее заявление на совести старого генерала. Логичнее будет предположить, что он знал о «медовом месяце», но счел за благо не препятствовать влюбленным по крайней мере столько времени, сколько позволяло его положение и обязанность регулярно отчитываться перед государем. В том же донесении он просит освободить его от обязанностей надзирателя.

На этом заканчивается роман Николая и Александры. Точнее, заканчивается он рождением второго ребенка – дочери Ольги – весной 1877 года. Впоследствии Демидова вышла замуж за графа П. Ф. Сумарокова-Эльстона, а детям от опального «безумца» выхлопотала права личного дворянства и фамилию Волынские.

А в судьбе великого князя происходит очередной поворот. К нему назначен новый надзиратель, граф Н. Я. Ростовцев, и решено направить его на восток, в Оренбург. Они едут, перед ними проходят пространства степей. Вот они и в Оренбурге. Здесь Николаем Константиновичем овладевает новая идея, на полстолетия опередившая время: идея постройки железной дороги, соединяющей Россию и Сибирь со Средней Азией. Он собирает материалы, он занимается научными исследованиями, он готовит экспедицию для изучения возможной трассы будущего пути. Это все плохо согласуется с образом «порочного безумца». И свидетельствует о значительной свободе, которой «высокий больной» пользуется под началом Ростовцева в Оренбурге. Свободы не было – почему-то – в одном вопросе. Ростовцеву и оренбургскому генерал-губернатору генерал-адъютанту Крыжановскому наказано следить за тем, чтобы «в. кн. избегал постоянной связи с одной и той же женщиной». То есть связи дозволяются, а любовь – нет. Странный способ «нравственного исправления».

А между тем Николай Константинович бунтует, не хочет удовлетворяться «случайными связями». В Оренбурге он познакомился с дочерью полицмейстера шестнадцатилетней Надеждой Дрейер. В начале 1878 года (перед отправлением в

экспедицию) он тайно обвенчался с ней. Фамилию у него уже отняли, поэтому в церковной книге венчаний он был записан как Николай Константинович Волынский.

О браке стало, разумеется, известно Ростовцеву. Николай Константинович не собирался ничего скрывать; напротив того, он хотел жить со своей законной – перед Богом и людьми – женой. И – следует новый взрыв. Очень любопытно посмотреть, что пишут в Петербург оба ответственных за ситуацию лица, Ростовцев и Крыжановский. Крыжановский обреченно утверждает, что «нравственное исправление» великого князя «недостижимо никакими путями». (Мы уже знаем, какими такими путями пытались добиться его нравственного совершенствования.) Ростовцев, на котором ответственности больше, идет дальше. Половину вины (за что?) он сваливает на Крыжановского, мол, недосмотрел, а остальное приписывает страсти великого князя к женщинам, которая доходит, по его словам, «до крайних пределов». Действительно, за четыре года изоляции – две любовные связи! Это ли не крайний предел любострастия!

Не менее замечательна и реакция императора. По его воле Синод специальным указом расторгает брак. Николай Константинович уезжает в экспедицию, а оттуда его везут уже в Самару, дабы воспрепятствовать общению с Надеждой Дрейер. Спрашивается, почему? Зачем? Откуда вообще такое упорное стремление не допустить именно постоянных связей, ведущих к созданию семьи? Надо сказать, что эта политика проводилась неукоснительно до смерти императрицы Марии Александровны. Трудно отделаться от мысли, что тут не обошлось без ее воли. Но почему? Ясно, что цель такого запрета в одном – воспрепятствовать появлению законных наследников. Но зачем? С династической точки зрения какие-либо притязания на трон самого Николая Константиновича и его детей, казалось бы, крайне маловероятны: у Александра II и Марии были сыновья; те, в свою очередь, уже обзавелись семьями… Впрочем – посмотрим.

Так или иначе, еще два года провел Николай Константинович в своеобразном одиночном заключении, из которого был один выход – экспедиции. По результатам этих экспедиций, осуществленных в 1878 и 1879 годах в казахских степях и пустынях Туркестанского края, он пишет научные статьи и брошюры, опубликованные – в соответствии с распоряжением из Петербурга – без указания имени автора (а что указывать, если имени нет?). Их содержание – не только географические описания, но и проекты. «Пески Кара-Кумы по отношению к Среднеазиатской железной дороге» (1878), «Туркестанская железная дорога» (1882). Идее создания оросительных систем

посвящена статья «Поворот Амударьи в Узбой» (1879). Кое-что из проектов царского племянника было впоследствии осуществлено им самим, кое-что реализовано советской властью через 60–100 лет.

А он тем временем возвращается в постылую Самару. Отношения с Ростовцевым после оренбургской истории обострились до крайности. И тут – новый просвет. Весной 1880 года умирает императрица. А осенью в Самару приезжает профессор Балинский. Он послан из Петербурга, дабы разобраться в отношениях между соглядатаем и поднадзорным. Сам факт командирования доброжелательного Балинского говорит о том, что в Петербурге готовы сменить гнев на милость. Нет на свете ни императрицы Марии Александровны, ни Шувалова, а у власти – либерал М. Т. Лорис-Меликов; отношение к Константину Николаевичу и его семье – благосклонное; вспоминают старые и готовят новые реформы. Балинский едет, встречается с Николаем, пишет выгодное для него донесение в Петербург; великому князю разрешают поселиться в имении Пустынька, что возле Тосно, под Петербургом; фактически снимают надзор. Очень хорошо. Можно ожидать полного прощения и признания «излечившимся»… Ноябрь 1880 года.

1 марта 1881 года Александр Николаевич убит бомбой Гриневицкого. На престол вступает Александр Александрович – заклятый враг Николая Константиновича. Уже в апреле Николая перемещают в Павловск, где содержат под строгим арестом. Затем составляется инструкция относительно прав и условий проживания нашего героя. Инструкция утверждена лично новым императором. У Николая Константиновича окончательно и навсегда отбирают имя, титул, все права члена императорской фамилии и высылают под надзор в Ташкент. Однако – очень важное и радостное обстоятельство – разрешают обзавестись семьей (в скором времени брак с Надеждой Дрейер был официально восстановлен).

Попытаемся разобраться. Сначала – изоляция и неукоснительное пресечение всяких попыток законного продолжения рода. Затем – умирает императрица. Затем – возвращение в Петербург и почти освобождение. Затем – вступление на престол нового царя, арест, высылка подальше от столицы и разрешение вступить в брак. Что все это значит?

Очевидно, с Николаем Константиновичем до поры до времени поступают как с потенциальным претендентом на престол. Но почему? Ведь таковым он мог сделаться лишь в случае устранения от престолонаследия восьмерых человек: пятерых сыновей Александра II и троих его братьев; лишь после

этого, согласно действовавшему Акту о порядке престолонаследия, наступала очередь старшего царского племянника. Вероятен ли такой поворот событий? Не так уж невероятен, если учесть одно скрытое обстоятельство. Александр II давно жил во втором, морганатическом браке с Е. М. Долгорукой и мечтал этот брак узаконить. А для этого необходимо было расторгнуть брак с Марией Александровной. А расторгнуть его можно было, лишь признав изначально недействительным, не соответствующим Акту о престолонаследии. А тогда все дети от этого брака автоматически становились незаконнорожденными и утрачивали права на престол. (Дети от Долгорукой вообще не могли наследовать, ибо Акт лишал таковых прав детей от «неравнородных» браков.) Вот в этом случае наследником престола становился Константин Николаевич. И все династические шансы Николая Константиновича неизмеримо возрастали. Если учесть, что отец и два дяди были немолоды и подвержены болезням, возможность его вступления на престол становилась вполне реальной. (Известно: Константин симпатизировал Долгорукой и братниной связи с ней. Сам к престолу не стремился, но… напрашивается комбинация: устранение императрицы Марии и ее детей; по смерти Александра II – отречение Костантина в пользу сына; Николай становится государем, а Константин правит за его спиной.)

Так мы можем объяснить то стремление погубить Николая Константиновича, которое проявляла «партия императрицы». (Мария Александровна боялась развода, ее дети видели в Николае Константиновиче несправедливого соперника.) Император был в сложном положении, и, по-видимому, не желая зла племяннику, уступал давлению законной семьи. Но императрица умерла, император готов загладить несправедливость, допущенную по отношению к племяннику. И к тому же отпадает вопрос о престолонаследии. Великого князя можно восстановить в правах. Его возвращают в Петербург.

Затем – смерть Александра II и вступление на престол Александра III. Со стороны династической Николай Константинович уже не опасен, но как бывший, хотя и невольный, претендент-соперник – нетерпим. Его высылают, лишают права принадлежности к царствующему роду, но разрешают свободно жить как частному лицу.

Это – предположение, не более. Но оно позволяет как-то выбраться из мрака нелепых несообразностей, окутывающих дело князя-клептомана.

Летом 1881 года Н. К. Искандер (таково теперь его

прозвание) и Н. А. Дрейер прибыли в Ташкент. Там они зажили семейно. Искандер активен; наступает акме его организаторской, общественной и предпринимательской деятельности. У него есть средства, его уже не беспокоят надзиратели из Петербурга. Он строит себе особняк в центре Ташкента, он организует несколько экспедиций вокруг неведомого Аральского моря и сам в них участвует. Он приступает к строительству оросительных каналов и плотин по Амударье и вокруг. Названия этих сооружений говорят о многом. Канал «Искандер», канал «Ханым» (то есть «госпожа», «царица»), «Царь-плотина»; огромный, протяженностью в 100 км канал «имени императора Николая I»… Не забыл господин Искандер о своем происхождении.

В Голодной степи он устраивает орошение, создает оазис – «имение Золотая Орда». Разводит хлопок. Да, это именно господин Искандер начал массовое производство «белого золота» в Средней Азии. И в этом он – предтеча советской эпохи. Хлопок приносит ему огромные доходы; он тратит львиную долю денег на строительство новых плотин и каналов, на общественные заведения в Ташкенте (зверинец, бильярдные залы, позднее – кинематограф), на мощение ташкентских улиц, на создание вокруг Ташкента русских поселков, на возведение церквей… Он по-царски щедр и по-государственному деятелен.

Он беспокоен. Семейная жизнь, двое детей, обеспеченность, почтительное уважение и смешанный со страхом интерес со стороны ташкентского общества – все это нужно ему, но всего этого ему недостаточно. Проходит десятилетие жизни в Туркестане – и загораются в нем новые страсти. Та самая история с купленной за 100 рублей казачьей дочерью Дарьей – об этом любили посудачить ташкентские обыватели. Впрочем, «бывший» великий князь (опять он предтеча Советов; другие «бывшие» появились после 1917 года) – благороден: для Дарьи он строит дом, обеспечивает ее, добивается узаконения прав детей… Еще лет через десять – новая страсть, роман пятидесятидвухлетнего изгнанника с пятнадцатилетней гимназисткой. Тут уж – скандал. Ее и ее семью переводят от греха подальше в Одессу, ему мучительно тяжела эта разлука… Он начинает замыкаться в себе, старость подкрадывается… Сыновья от Дрейер – Артемий и Александр Искандеры – выросли, уехали, служат в Петербурге. Два сына от Дарьи – Святослав и Николай Часовитины – как-то чужды ему. С женой – разлад. Единственный близкий человек – единственная дочь Дарья Часовитина. Впрочем, и она уехала: он сам отправил ее учиться музыке в Норвегию (ух как далеко!) и в Петербург, к знаменитому профессору Ауэру.

Грянула Мировая война. Сыновья ушли воевать, дочь

приехала из далекой Европы. Он каждое утро выходил из своего особняка, безупречно одетый, несмотря на жару, – тройка, манжеты, воротничок, шляпа, – прогуливался по улицам полуазиатского города. Иногда сопровождала его двадцатилетняя дочь Дарья, Даня, как он ее называл.

Последняя радость в жизнь – революция. Род его единокровных врагов свергнут; абсолютная свобода нашла его на шестьдесят восьмом году жизни, на сорок третьем году опалы. К счастью, этим все и закончилось. В январе 1918 года, в те дни, когда в занесенном снегом Петрограде матросы охотились за депутатами Учредительного собрания и в зале заседаний Таврического дворца делегаты III съезда Советов провозглашали вместо имени «Россия» литеры «РСФСР», Николай Искандер заболел – воспаление легких. Слег. И не встал: умер 14 января на руках любимой дочери.

Интересно все переплетается. В прежние годы я любил читать и перечитывать – ради успокоения, на сон грядущий – роман У. Коллинза «Лунный камень». Знал кусками почти наизусть. Знал, что автор перевода – прекрасного, по-моему, перевода – Мариэтта Шагинян. Не знал, что долгие годы секретарем у Мариэтты Сергеевны работала Дарья Николаевна Часовитина. Дочь великого князя, обвиненного в краже священной фамильной драгоценности и всю жизнь несшего бремя этого обвинения, переписывала и редактировала перевод романа, в центре сюжета которого – драма ложных подозрений в похищении священного фамильного алмаза. Интересно, что думала во время этой работы Дарья Николаевна о судьбе своего отца? И о своей собственной, такой фантастической (дочь казачки, правнучка императора, ученица норвежского скрипача Ауэра и немецкого антропософа Рудольфа Штайнера, приятельница безумного поэта Андрея Белого, переписчица рукописей Мариэтты Шагинян…)? Год ее смерти – 1966-й. Год знаменитого землетрясения в Ташкенте.

Первая часть коллинзовского «Лунного камня» называется «Пропажа алмаза», а вторая – «Открытие истины». В конце – «хеппи-энд». В истории похищения бриллиантов с оклада венчальной иконы Константина Николаевича и Александры Иосифовны открытие истины не состоялось. И счастливого финала – нет.

Литература

Периодические издания

«Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции» – ежедневная газета (с 1873 г. – «Ведомости С.-Петербургского градоначальства и городской полиции»).

«Голос» – ежедневная газета.

«Гражданин» – журнал-газета.

«Неделя» – еженедельная газета.

«Новое время» – ежедневная газета.

«Новости и биржевая газета» – ежедневная газета (с 1880 г. – «Новости»).

«Петербургский листок» – ежедневная газета.

«Санкт-Петербургские ведомости» – ежедневная газета.

«Судебный вестник» – ежедневная газета (в 1877–1878 гг. – «Северный вестник»).

Непериодические издания

Анварбек Р. Опальный князь // Труд. 1995. 14 сентября.

Андреевский С. А. Драмы жизни. Защитительные речи. Пг., 1916.

Антокольская М. В. Семейное право. М., 1996.

Бахтиаров А. Брюхо Петербурга. СПб., 1888.

Великий князь Николай Константинович. Воспоминания графини Клейнмихель // Досье ЛГ (приложение к «Литературной газете»). 1992. № 2.

Всеподданнейшие отчеты о деятельности Санкт-Петербургской городской полиции (или Всеподданнейшие отчеты санкт-петербургского градоначальника) за 1871, 1872, 1873, 1874, 1876, 1877, 1878 и 1879 гг.

Гессен И. В. Судебная реформа в России. СПб., 1905.

Гюбнер Ю. Статистическое исследование санитарного состояния Петербурга. СПб., 1870.

Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ. СПб., 1907.

Дневник Д. А. Милютина. Т. 1. М., 1947.

Дорошевич В. Сахалин (каторга). М., 1903.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1876 год. Февраль, май, октябрь, декабрь; 1877 год. Апрель.

Замечательные уголовные дела: Стенографические отчеты С.

Н. Ткачевой. СПб., 1870.

Зарубин И. Альманах-путеводитель по Петербургу. СПб., 1892.

История полиции в России: Краткий исторический очерк и основные документы / Под ред. В. М. Курицына. М., 1998.

Карнович Е. Санкт-Петербург в статистическом отношении. СПб., 1860.

Кони А. Ф. На жизненном пути. Т. 1–4. СПб., 1912.

Кони А. Ф. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1966–1968.

Корнеев В. Изгой // Родина. 2002. № 1.

Кража и вытравление плода. Процесс полковника Каструбо-Карицкого и др. М., 1871.

Красюков Р. Г. Великий князь Николай Константинович. Опыт биографии // Из глубины времен. Вып. 3. СПб., 1994.

Лир Ф. Глава «августейшего романа» // Аргус. 1917. № 8–12.

Лихачев Д. С. Картежные игры уголовников // Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., 1992.

Миронов Б. Н. Преступность в России в XIX – начале XX в. // Отечественная история. 1998. № 1.

Михневич В. О. Петербург весь на ладони. СПб., 1874.

Михневич В. О. Язвы Петербурга. СПб., 1886.

Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980.

Преступления, раскрытые начальником Санкт-Петербургской сыскной полиции И. Д. Путилиным. М., 1991.

Реформы Александра II: Сб. документов. М., 1998.

Речи известных русских юристов. М., 1985.

Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах. Т. 1–4. М., 1895–1900.

Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX в. Тула, 1997.

Свешников Н. Петербургские вяземские трущобы и их обитатели // Старые годы. 1907. № 5–6.

Свод статистических сведений по делам уголовным. СПб., 1872, 1873, 1874, 1875.

Смолярчук В. И. Гиганты и чародеи слова. М., 1984.

Снегирев Л. Ф. Судебные драмы. Ольга Палем. СПб., 1895.

Спасович В. Д. Сочинения. Т. 1–10. СПб., 1894.

Суд присяжных в России / Сост. С. М. Казанцев. Л., 1991.

Судебные речи известных русских юристов. М., 1958.

Шперк Э. К статистике сифилиса. СПб., 1877.

Фотографии

Ф. Ф. Трепов

В. И. Засулич

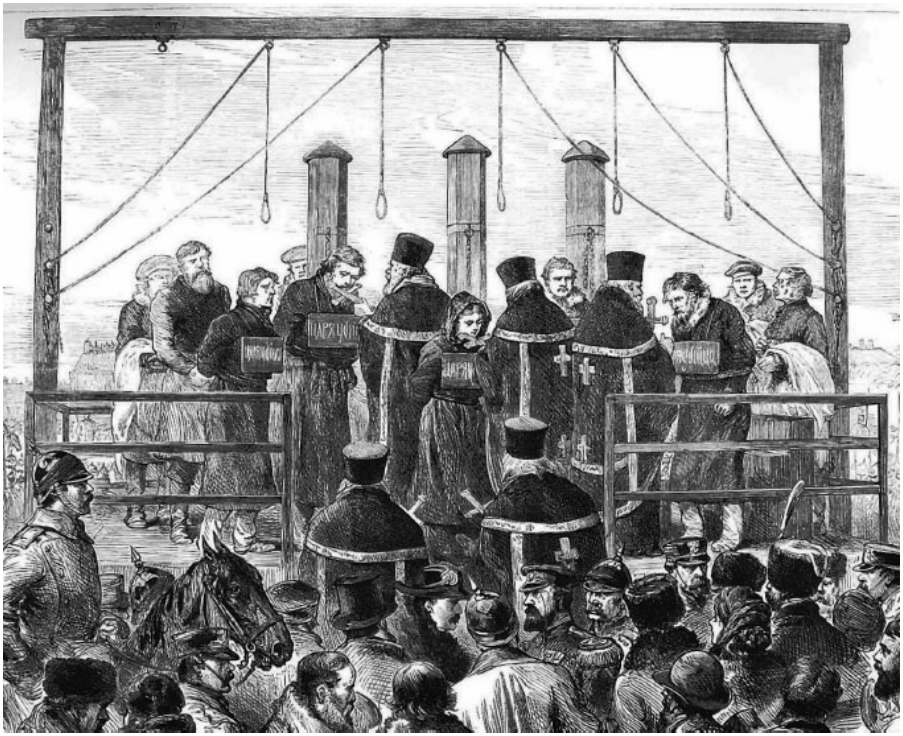
Дом санкт-петербургского градоначальника. Гороховая улица, дом 2. *Начало XX века*

Д. В. Каракозов

И. И. Гриневицкий

Взрыв второго снаряда на Екатерининском канале 1 марта

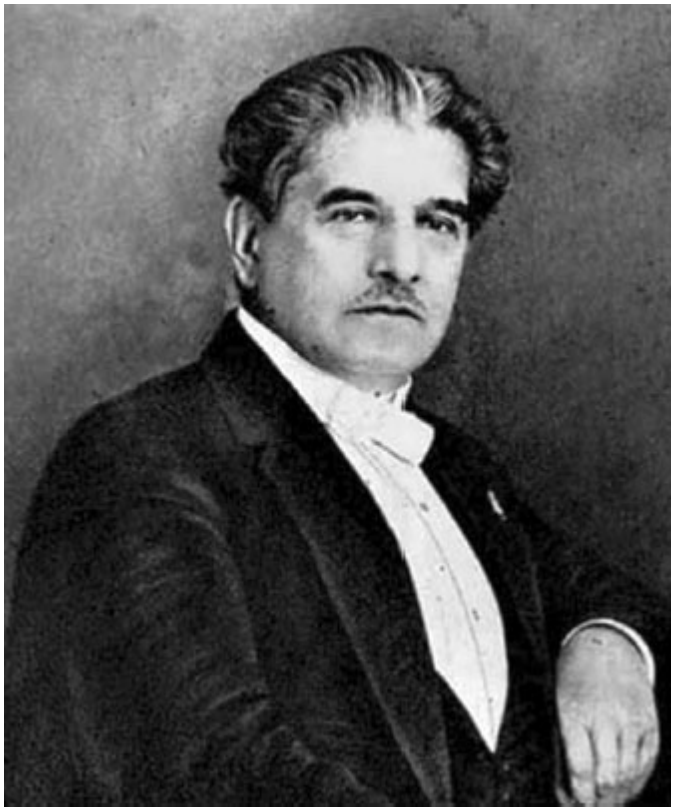
1881 года



Казнь первомартовцев. *С рисунка неизвестного художника*

Д. С. Сипягин

С. В. Балмашов



Н. П. Карабчевский

С. А. Андреевский

Здание Петербургского окружного суда на Литейном проспекте. *Начало XX века*

Ворота здания Петербургского окружного суда на Литейном проспекте. *Начало XX века*

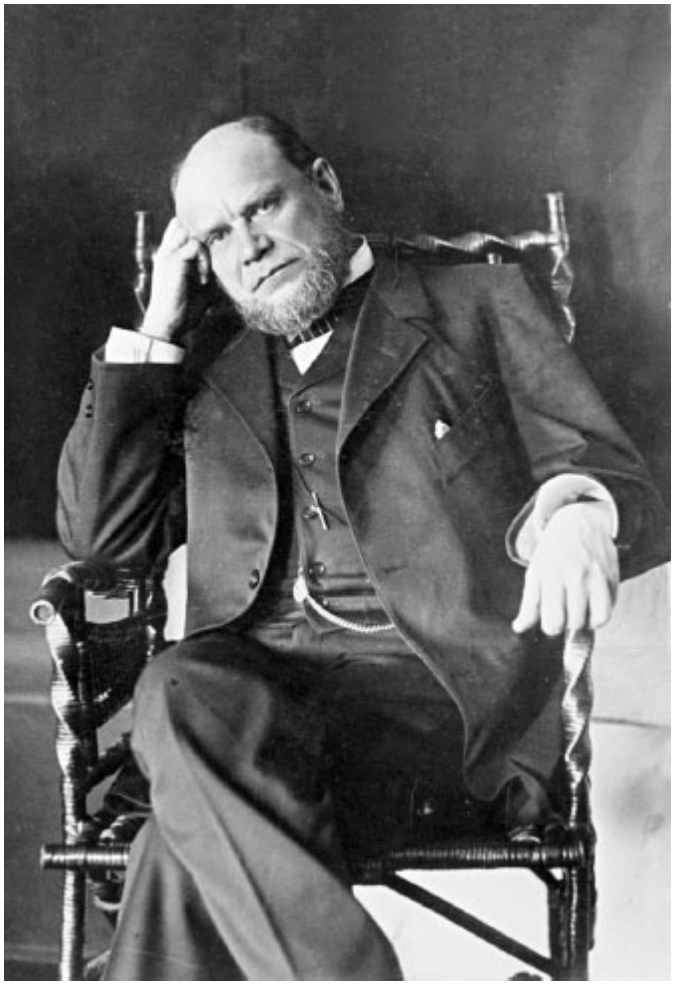
Совет присяжных поверенных Петербургского округа (1870–1871). *Слева направо сидят:* А. Н. Матросов, П. А. Потехин, К. К. Арсеньев, В. И. Танеев, В. Д. Спасович; *стоят:* А. М. Унковский, Н. М. Соколовский, В. Н. Герард, А. И. Языков

К. И. Пален

Д. Н. Набоков

Дворцовый гренадер у памятника Николаю I на Исаакиевской площади. *Фото К. Буллы. Начало XX века*

В. К. Плеве



А. Ф. Кони

Форма одежды околоточных надзирателей и городовых наружной полиции (зимой). *1901*

Препровождение арестованных. *С картины В. Малышева. 1867*

Форма одежды офицеров санкт-петербургской полиции. *1902*

Пристав санкт-петербургской полиции

Здание Коломенской части до 1851 года

Здание Александро-Невской части. Невский проспект, дом 91. *Начало XX века*

Команда фотографов санкт-петербургской полиции. *1901*

Бертильонаж. Постановочное фото, сделанное А. Бертильоном на Всемирной выставке 1904 года

И. П. Каляев. Фотография сделана в полицейском участке сразу после ареста

Здание полицейского архива. Екатерининский канал, дом 103

Директор департамента полиции А. А. Лопухин в служебном кабинете

Рапорт околоточных надзирателей участковому приставу. *1898*

Городовой санкт-петербургской конно-полицейской стражи. *1898*

Резерв санкт-петербургской полиции. *1900*

Заковка арестованных в кандалы. Дуйская тюрьма. Сахалин. *Фото И. И. Павловского. 1890*

Каторжане, прикованные кандалами к тачкам. Воеводская тюрьма. Сахалин. *Фото И. И. Павловского. 1890*

notes

Примечания

1

Господи, помилуй наши души! / Возымей к нам всем сострадание! *(нем.)*

2

На месте преступления *(лат.)*.